Дидык Николай Константинович

РАССКАЗЫ

Москва – 2019

Рука

У меня давно болит рука – не могу поднять и делать резкие движения, в общем обычная история – то ли миозит, то ли ущемление нерва. В районную поликлинику, помня предыдущие посещения, я долго не ходил, народ не советовал: «Все равно или само пройдет, или будет болеть еще долго, а там, кроме прогревания ничего не делают».

Я долго крепился, но, поскольку теперь у меня на руках страховой полис, я, как цивилизованный человек, могу быть излечен или по крайней мере узнаю, что со мной. И я решился.

В регистратуре, к моему удивлению, меня тотчас же направили к невропатологу. Встретила меня старушка-врач, возрастом ровесник Нэпа, весьма вежливо: «Рассказывайте, что у Вас болит, когда заболело» и т.п. Подробно рассказав, как обстоит дело с рукой, я поразился сочувствию и внимательности, с которым врач слушала меня – видимо, наконец, попал к знающему специалисту. Вот что значит страховая медицина.

Врач стала задавать множество вопросов, на которые я подробно отвечал, а она записывала в мою тощую карточку. Время шло, все проходило прекрасно, но минут через десять я почувствовал, что некоторые вопросы повторяются, и каждый раз мои ответы подробно записываются. Кроме того, некоторое удивление вызывали сами вопросы – болел ли я скарлатиной, корью, свинкой и в каком возрасте, не выпиваю ли я и т.п. В очередной раз, записывая что-то в карточку, она вдруг резко остановилась и как будто о чем-то вспомнив, спросила меня, а зачем я пришел и что у меня болит. Немного растерявшись, я сказал, что болит левая рука, и вновь подробно сообщил о своих мучениях. К моему удивлению, старушка с удовольствием стала снова записывать мои слова о больной руке.

Когда я осторожно посмотрел на часы, оказалось, что мы беседуем уже 40 минут. Как-то не совсем уверенно я спросил у нее: «Доктор, а что вы посоветуете мне с лечением?». И услышал в ответ уже обычное: «А что у Вас болит, молодой человек?»

Видя, что я попал в замкнутый круг, я попытался сбить старушку с «заезженной пластинки» и стал сам рассказывать, как можно лечить это заболевание. Но это никак не подействовало на нее, и она продолжала по-прежнему расспрашивать и записывать.

С тоской подумав, что это никогда не закончится, меня вдруг озарило, и я с некоторым ударением сказал: «Доктор, может, Вы посмотрите мою руку?». Это как-то сбило врача с толку, она на секунду задумалась, но я уже стал снимать пиджак и, видимо, это сломало привычную методику лечения, и старушка замахала руками: «Не надо, не надо, давайте я лучше отведу Вас к Марье Сергеевне».

И полный надежд – я на лечение, а она, как я подумал, на подтверждение своего предполагаемого диагноза, мы отправились к Марье Сергеевне. Пройдя метров двадцать по коридору, старушка ласково обратилась к средних лет крепкой женщине в белом халате, которая курила в коридоре: «Марья Сергеевна – сказала она довольно заискивающим тоном, – посмотрите, пожалуйста, молодого человека, он говорит, что у него болит левая рука».

Наконец-то я попал к специалисту, обрадовался я, увидев на двери вывеску «Хирург». Марья Сергеевна с довольно большого расстояния видимо сразу определила заболевание: «Ну что же, давай посмотрю, что там у него, а лучше пускай зайдет вечерком, там и определим, что у этого симпатичного мужчины так или не эдак», – и при этом довольно плотоядно потянулась всем телом.

Старушенция захихикала, я же почувствовал некоторую неуверенность, и когда хирург приказала: «Раздевайся», -

стал делать это с некоторой опаской и не столь быстро, как у старушки. Схватив мою руку, а затем и плечо, она долго мяла их и, с сожалением отпустив, сказала, что перелома и вывиха нет. Я попытался было рассказать снова о своей руке, что, видимо у меня миозит или нерв защемлен, но хирург резко и убедительно прервала меня, обращаясь к старушке: «Ну что же, пускай придет месяцев через девять, а там мы определим, была беременность или нет».

Старушка-невропатолог опять захихикала, но уже каким-то жеребячьим смехом: «Гы, гы, гы». Хирург же опять продолжала гнуть свою линию: «Приходите молодой человек вечерком», а там она гораздо внимательней меня осмотрит». И хотя в голове у меня стояло слово прогревание, я не стал упрашивать о процедурах и, когда хирург записала мой полис, я быстро попрощался и вышел из кабинета.

Уходя из поликлиники, я вдруг вспомнил, что хирург мяла мою правую руку, а болит-то левая.

Письмо Невесты

Мой друг-студент летом на практике встречался с девушкой из Подмосковья. К октябрю дело уже двигалось к свадьбе.

И вот сидим мы у него, пьем пиво, он спустился за почтой и приходит весь сияющий – пришло письмо от Люси. Начал читать и вдруг, вижу, что-то с лицом у него стало, почернел даже.

Я спрашиваю: «Серега, что с тобой», – в ответ он бессвязно ругается, бьет ногой по стулу, стул разлетается вдребезги по всей комнате, а Серега начинает бегать и кричать, что всех убьет. Мне стало немного не по себе, парень он здоровенный, двумя гирями сразу балуется и достаточно резкий, особенно в драке.

Я отошел метра на три и осторожно спрашиваю: «Сережа, что она пишет?» Он поворачивается ко мне и говорит

чуть не плача, что Люся прислала письмо, просит прощения, пишет, что она не девушка, когда ей было тринадцать лет, ее в лесу изнасиловал незнакомый мужчина и далее по тексту письма.

Я стал его успокаивать: «Серега», – говорю, ну и что, она не виновата и пытаюсь отвлечь его. Он ни в какую не поддается, кричит, ругается, вот-вот по второму стулу ударит. Я, наконец, нахожу аргумент: «Пойдем, возьмем беленькую». Он соглашается, мы быстро сбегали и сидим пьем. Он немного притих и после второй стопки опять берет письмо и читает. Лицо у него мрачнеет, но вдруг взгляд его останавливается, и он начитает беззвучно шевелить губами. На лбу появились морщины – вижу Серега серьезно задумался. Зная его бешеный характер, я отодвинулся от него на другой край стола. И тут Серега встает и кидается ко мне, я зажмуриваюсь и вскрикиваю от боли – он обнял меня со всей своей бычьей силой.

– Коляныч, – говорит он, – это же липа, почерк, правда, ее, сильно похож, но липа.

– В этом письме ни одной грамматической ошибки, а вот смотри – и дает мне несколько Люсиных писем, – здесь же ошибка на ошибке.

– Точно, это не она писала, это подложное письмо, наверняка Катька прислала.

Допили мы бутылку, и я стал собираться домой. Уходя, обернулся – сидит Серега на диване, а лицо у него счастливое такое.

Наше многотысячное НИИ отлично существовало при расцвете брежневской демократии по нескольким причинам.

Во-первых, директор, был когда-то свояком всесильного министра. И хотя жена зубра-директора недавно умерла и его уже успела охмурить 26-летняя библиотекарша с мастодонским бюстом, родственные связи по-прежнему крепко выручали стареющего директора.

Второе преимущество НИИ заключалось в прекрасном зале, похожем на киноконцертный, который использовался партийно-хозяйственным активом района. Мероприятия шли один за другим, собирались передовики и т.п. и естественно бесплатное помещение устраивало лучше некуда. Райком, конечно, не оставался в долгу и переходящие знамена становились нашими навечно.

Было, правда, одно неудобство в этом великолепии, уж очень огромен был зал, а партийцы, как известно, не любят пустот и конечно приходилось сгонять на различные мероприятия Райкома часть работников НИИ для численности под видом передовиков производства района. Но люди в НИИ были понятливые и зал не пустовал.

Конечно, столь ответственные мероприятия готовились в НИИ загодя и на многих уровнях. Сначала совещание у ди-

ректора с активом. Затем у зама по режиму и так далее, спускаясь все ниже и ниже к рядовым исполнителям. Совещания были многочасовыми, говорилось о важности момента и т.п. Особенно затяжными были совещания у секретаря парткома НИИ и в первую очередь из-за личностных особенностей секретаря. Став секретарем парткома огромного НИИ в молодом возрасте с должности старшего инженера, он был достойным представителем замечательной плеяды начала 80-х годов. Совещания в парткоме были затяжными потому, что у Первого явно было не все в порядке с головой и любой прямой вопрос к нему превращался для него в серьезное испытание. Спросить у него, например, как пройти в библиотеку (а библиотека была в соседнем коридоре), превращалось в пытку для него и для спрашивающего. Несмотря на это в Райкоме он считался лучшим в районе, за что в итоге за время секретарства успел получить квартиру вне очереди и сменить 3 машины.

Итак, с великим трудом, получив по цепочке все пожелания Райкома, рядовые исполнители стали выполнять. Одним из важнейших заданий было исполнение гимна СССР, а для этого надо поставить вовремя пластинку с гимном, включить его после соответствующих слов ведущего торжественное заседание и по окончании исполнения выключить.

По протоколу наши кинобудочники, начали репетировать довольно рано, и Великий Гимн несколько раз звучал на полную мощь по всему НИИ уже с утра (в день торжественного заседания в честь Октября).

Видимо удачное исполнение Гимна так взбудоражило ребят, а их было в будке не меньше 4-х, что они начали усиленно «принимать» с утра, благодаря чему и возник сей рассказ.

Торжественное заседание начали, как и требовалось по партийным канонам. Все удобно расселись, первые лица водрузились в Президиум, ведущий открыл Заседание, все встали и тут...

Во всю мощь динамиков, но почему-то вовсе не торже-

ственно, а как-то необыкновенно пискляво и противно стало исполняться что-то отдаленно напоминающее Гимн СССР. Всем стало немного не по себе, но что сделаешь, раз Гимн - надо стоять, ведь не сядешь же во время исполнения. Итак, все стоят с глупыми лицами, а тут будочники наконец сообразили, что в Гимне что то не так и стали по трансляции объясняться в полный голос, а поскольку ребят в будочке было довольно много и говорили, а вернее орали они в полный голос, и конечно только по матерному, то эффект стал потрясающим. Гимн исполняется, будочники выясняют отношения как говорится в прямом эфире, а весь зал стоит и слушает, что там у них накипело и чья мать была испорченной, а также бабушки, дедушки и т.п.

Первый стоит красный как рак, наше руководство вообще близко к обмороку, кто-то глупо улыбается. Но всему неожиданному приходит конец, так и наши бойцы наконец-то сообразили снять пластинку. Воцарилась тишина, прошло несколько секунд, первый нетвердыми шагами пошел на трибуну и как обычно начал про достижения возглавляемого им района. Все потихонечку стало устраиваться, но бойцы, помня, что любое задание должно быть выполнено, вчетвером за несколько минут решили свою трудную задачку и переставили скорость проигрывателя, опять поставили пластинку с Гимном и в середине доклада Первого плавно и величественно вновь зазвучал Гимн.

Делать нечего, пришлось всем опять встать и прослушать горячо любимый Гимн. Правда, разгоряченные победой, бойцы в будке опять позабыли выключить трансляцию, и естественно их бойкий диалог шел потрясающим фоном гимну. Зал стоял тихо и глаз друг на друга, естественно, старался не поднимать, а ведь собрались лучшие люди района, включая КГБ, милицию и т.п.

Наконец злосчастный Гимн закончился и все сели, но прямая трансляция будочников продолжалась еще несколько

минут, практически до конца выступления Первого.

Тут наши режимщики наконец опомнились и кинулись в будку, но ребята заперлись и не выходили ни в какую, правда прямую трансляцию в конце концов догадались отключить.

В итоге, был вызов оперативников с Петровки, большой скандал, сняли главного режимщика, кого-то уволили. Секретарь парткома получил строгача, но сильно раздувать скандал оказалось никому невыгодно.

Время шло, огромные средства НИИ ушли на ремонт Райкома, слабый головой секретарь парткома оказался опять на высоте и его тоже простили.

НИИ в который раз стал лучшим в районе и опять потекли знамена, грамоты, льготные «жигули» для руководства и т.п.

НИИ и его руководство взяли верный курс и никакие мелкие оплошности не могли повернуть со славного пути этот огромный институт с таким прекрасным киноконцертным залом.

В сентябре 196... года мы с женой отдыхали в Сочи. Комнату снимали в двухкомнатной квартире недалеко от моря. Соседнюю комнату занимал одинокий мужчина лет около шестидесяти, по выправке похожий на отставного военного. Сосед был немногословный, мы только узнали, что он с Урала, и приехал погреться у моря.

Видели мы его редко, на море он почти не бывал, в основном сидел дома и согревался красным вином. Постепенно в течение двух недель мы поближе с ним познакомились. Оказалось, что Василий Васильевич бывший работник органов, сейчас на пенсии. Пост он занимал совсем небольшой и вышел в отставку капитаном и, как говорится, всю жизнь прослужил топтуном. К вечеру по мере принятия красненького он становился красноречивым и живо обсуждал текущую мировую политику.

Иногда, правда, его прорывало и доставалось Хрущеву за развал армии, флота и КГБ. Особенно его возмущало снижение пенсий в органах в два раза.

Как-то вечером мы сидели на кухне и пили с ним чай. И тут по радио стали передавать последние новости – приезжает делегация Коммунистической партии США во главе с ...

Василий Васильевич саркастически ухмыльнулся и сказал: «Знаем мы этих Гарри». Я сказал ему, что приезжает никакой не Гарри, а руководитель коммунистической партии.

– Нет, вы не знаете, а я знаю, – упорно твердил он. И рассказал следующую историю. В 195… году прилетела делегация коммунистической партии Великобритании во главе с генеральным секретарем Гарри Поллитом. Наш Василий стоял в ближайшем оцеплении у самолета. Делегация стала спускаться по трапу, подбежали подготовленные пионеры с цветами, все как обычно. Проходя мимо оцепления, генеральный секретарь немного оторвался от основной группы и вдруг Вася узнал в нем своего лучшего школьного друга Колю.

Вася непроизвольно шагнул навстречу и сказал: «Здорово Коля», – на что Гарри Поллит тихо, одними губами произнес: «Тихо дурак» и быстро прошел мимо оторопевшего Василия Васильевича. Только через секунду поняв, что он сделал, Вася облился ледяным потом и стоял в полуобморочном состоянии.

Весь последующий месяц он мучительно ждал ареста, но видимо Коля пожалел старого школьного товарища и промолчал.

– Так что знаем мы этих Гарри, – снова произнес Василий Васильевич и пошел в свою комнату допивать красненькое.

Проводы вождя

В те прекрасные времена, когда страной управляло Политбюро, и вся страна ездила за продуктами в Москву, в городе как грибы росли оборонные НИИ. Они успешно решали свои задачи, и численность сотрудников росла в геометриче-

ской прогрессии. Любой директор мог одним взмахом руки выставить несколько сот, а то и тысяч сотрудников по любой разнарядке Райкома. Но было одно особо ответственное задание – похороны членов политбюро. В то время средний возраст членов составлял примерно 75-80 лет и многолетняя борьба с империализмом, а также за свое кресло подтачивала их силы, и они уходили в лучший мир один за другим.

Кого мы только не хоронили – от Косыгина и Пельше, до Брежнева, Андропова и Черненко. Старейшие сотрудники НИИ с гордостью рассказывали молодежи о своем участии в похоронах на Красной площади еще старых большевиков – Землячки, Ворошилова, Буденного и т.п.

Поскольку похороны проходили регулярно, то и готовились к ним в НИИ загодя – утрясались списки, назначали старших. Бывали, правда, и проколы. Так, наше руководство несколько раз срочно собирало людей для похорон Пельше, но это были ложные тревоги.

Но как вы сами понимаете, наше НИИ всегда было готово похоронить любого члена Политбюро.

И вот пришла очередная разнарядка, Райком прислал автобусы, и мы поехали. Приехав как обычно на Манежную площадь, подготовились к прохождению, но случилась непредвиденная задержка – другие колонны давно прошли, а мы все ждем. Наконец прибегает озабоченный зам по режиму НИИ и говорит, что поступила команда – нас назначили в передовые шеренги, т.е. по-простому рядом с мавзолеем. Подошли несколько ребят в штатском, нас перестроили из широкой колонны в узкую и повели.

Прохождение было необычным – мы шли между двух рядов синепогонников, как бы во все сужающуюся горловину. В самом узком месте, где можно было пройти только по одному, стоял нервического вида тощий рядовой, явно не арийской внешности, которого за руку держал здоровенный капитан. Подойдя совсем близко стало понятно, в чем дело - капитан

держал руку на пульсе солдатика, а тот напряженно всматривался в лица проходящих на Красную площадь. Ну, молодцы гэбэшники, используют весь арсенал науки, даже подготовили экстрасенса и ловят возможных террористов. Хотя, зря они это, у нас народ проверенный и если кто что и пронесет, так не больше чекушки водки.

Нас построили, и процедура началась, звучали речи, проходил почетный караул, а мы попавшие в пятый ряд, вытягивали шеи, чтобы увидеть, как все же проходят похороны. С того места, где мы обычно стояли, виден только мавзолей, так что дома вечером по телевизору смотрели подробности.

Но и в пятом ряду мы так ничего и не рассмотрели, а так надеялись увидеть хоть одного живого члена Политбюро.

Шпион

Сидим мы в отделе, пьем чай, и тут с собрания партхозактива приходят наши и говорят: «ЧП в институте – поймали шпиона». И начальник рассказал, что на собрании выступал прикрепленный к НИИ гэбэшник, приводил ужасающие факты безответственности и пособничества врагу, а как следствие, выявили настоящего шпиона и причем из нашего отделения, хорошо не из нашего отдела.

Подробности гэбэшник не сообщил, но фамилию мы скоро узнали, оказывается это ведущий инженер Федя К.

Мы все хорошо его знали по колхозу и по стройкам, где постоянно работали вместе. Все удивлялись, как же могли мы проморгать такого врага и шпиона. И ведь водку вместе с нами пил и песни пел наши советские. Народ, конечно, был в шоке.

Через неделю подошло мое время идти на внутренние работы по НИИ. Прихожу к хозяйственнику, а он ругается: «Опаздываешь!» – говорит.

– Твой напарник уже на крыше, бери носилки – будете носить песок. Поднимаюсь на крышу и вижу Федю К в рабочей одежде.

– Федя, ты, почему здесь? – спрашиваю.

– А где же мне быть еще? – сердито отвечает он, – мне три месяца тут отрабатывать надо.

Я, конечно, изумился, но виду не подаю, что он шпион. Начали мы носить песок, скоро я выдохся, мы встали перекурить, и Федя рассказал, что его перевели из ведущих на три месяца в рабочие и он должен ударной работой смыть с себя пятно врага и шпиона. Так что хватит расспрашивать, надо вставать и работать. Глядел я на него и удивлялся, никогда раньше он так не отдавался работе как сейчас. Только к обеду Федя устал, мы присели, и он рассказал мне, что в свое время у него был конфликт с начальником отдела - а Федя был парень принципиальный. Начальник втихаря украл при очередном переезде

отдела холодильник, Федя возмутился и повздорил с ним. Вот тот и устроил провокацию – пришли из спецотдела, сложили все бумаги со стола в мешок и сказали: «Жди!»

Следует сказать, что в нашем оборонном НИИ было такое правило – сотрудник не имеет право записывать в одну тетрадь или блокнот более четырех названий закрытых предприятий. Четыре можно, а пять и более нельзя. Можно иметь хоть десять тетрадей и в каждой по четыре различных закрытых предприятия, но пять в одной – это серьезное нарушение. А вдруг какой-нибудь враг, или того хуже шпион, увидит у тебя в блокноте пять названий и передаст эти сведения.

К этому правилу вообще-то относились несерьезно и практически все его нарушали, так что подловить Федю было легко. Гэбэшнику тоже надо иногда было посылать рапорты о проделанной работе, не все же сиднем сидеть без продвижения по службе. А тут явный шпион и пойман с документами. Так что всем было хорошо, начальник приструнил говоруна, гэбэшник послал рапорт, да и ремонтные работы и строительство получило хорошего работника на большой срок.

Скоро мой срок закончился, через месяц меня послали на две недели в подшефный колхоз, а по приезде опять направили на крышу. Работало там уже человек двадцать, но Федор уже не таскал носилки, а больше распределял работы, так как изучил все тонкости строительства и зарекомендовал себя отличным работником. Утром он приходил в отдел, переодевался и шел на крышу. Новичков хозяйственник направлял сразу к нему, говоря: «Иди к шпиону, – он все покажет».

Прошло несколько месяцев, Федя вернулся в отдел на свое место, ему даже отдали его тетради. Начальник отдела по слухам украл то ли очередной холодильник, то ли кондиционер, гэбэшнику присвоили очередное звание.

Пока я был в отпуске, кажется, поймали очередного шпиона.

В молодости я очень недурно играл на бильярде и частенько захаживал в городской парк разыграть пирамиду. В бывшем губернском городе это было основным развлечением и, кроме того, при бильярдной работал первоклассный буфет.

Играли естественно только на деньги, а к ночи, когда собирались игроки – на большие деньги. За несколько месяцев я перезнакомился практически со всеми игроками, а со многими был в приятельских отношениях. Как-то меня подозвал один их них и, показав на безупречно одетого мужчину, лениво гоняющего шары в одиночестве, сказал: «Смотри, сам Сергей Иванович пожаловал в наш город!». В это время к Сергею Ивановичу подошли несколько жуков и вполголоса начали страстно о чем-то говорить. Я внимательно следил за ними – ведь впервые видел лучшего игрока России. Вскоре он остался один и продолжал также лениво гонять шары. Иногда, он подзывал официанта, и ему приносили рюмку коньяка. В течение вечера Сергей Иванович еще несколько раз вел какие-то переговоры. Часа через три, выпив рюмок восемь коньяка, он ушел.

На следующий день я опять увидел его и попросил приятеля познакомить нас. Приятель, представив меня,

быстро отошел, и мы остались одни. Вблизи меня поразили его глаза – голубые, поддернутые дымкой, все понимающие глаза одинокого, спивающегося человека. Спросив у меня, откуда я родом, Сергей Иванович оживился, оказывается мы с ним из одного города. Беседа завязалась, мы вспоминали наш город, нашлись несколько общих тем. Вскоре он предложил мне выпить, и мы направились в буфет, где и провели весь вечер.

Через день в бильярдной Сергей Иванович сам подошел ко мне. Я предложил ему по рюмочке, но он отказался, сказав, что ждет партнера – сегодня будет играть. Прождав пару часов, мы прошли в буфет, и там он пожаловался мне, что уже неделю не может найти в городе игроков, желающих играть с ним, несмотря на даваемый им большой гандикап. Он явно расстроился, видимо его планы были сильно нарушены. Мы крепко выпили с ним в тот вечер, и он поведал мне свою историю.

До революции в городе, где он родился, было несколько бильярдных. Одна находилась как раз по дороге в гимназию, где учился четырнадцатилетний Сережа. Однажды приятель предложил зайти поиграть на бильярде, время было раннее, за несколько копеек они час с азартом играли. На следующий день они опять пришли.

Сережа увлекся игрой и у него начало неплохо получаться. Бильярд снился ему по ночам, мысли об игре преследовали его. Он ежедневно приходил играть, но денег, даваемых ему на обед, не хватало, и он тайком разбил свою копилку, а затем и копилку младшей сестры. Утром, идя в гимназию, он говорил себе, что сегодня пройдет мимо, и не зайдет ни на минутку, но не мог себя пересилить, и это стало наваждением. Маркером в бильярдной был когда-то лучший в городе игрок и в старости игравший отлично. Он быстро понял, что мальчишка свихнулся на игре и искусно поддерживал в нем азарт.

Через некоторое время из гимназии отцу прислали письмо, в котором сообщали, что его сын не посещает занятия две недели, и задолженность за обучение составила два месяца. Сережа был допрошен с пристрастием, и выяснилась следующая картина – деньги за обучение он не отдавал, наиболее дорогие учебники были проданы, в гимназии он был должен половине класса. Отец взял с него честное слово, что он бросит играть и Сережу простили. Деньги в гимназию отнес сам отец, рассчитались и с одноклассниками.

Его хватило на два дня. На третий с десятью копейками, данными на обед, он уже с утра был в бильярдной, и маркер согласился играть с ним. Десять копеек были проиграны мгновенно, и пришлось идти в гимназию. Так продолжалось несколько недель, он никак не мог обыграть маркера. За несколько дней были проданы учебники, а потом и некоторые вещи из дома. Сережа опять был уличен и на этот раз подвергнут порке, хотя до этого отец никогда не поднимал на него руку. Он опять дал честное слово, был прощен, учебники куплены и его отправили в гимназию. На этот раз его хватило на полдня, вечером он тайком ушел играть.

Все это продолжалось около полугода, Сережа играл уже прилично, выигрывал иногда деньги, но всегда проигрывал маркеру. Выиграть у него стало целью жизни, маркер снился теперь ему по ночам и его мучили кошмары. Сережа потерял аппетит, стал раздражительным, из отличника превратился в заядлого двоечника. Но ни побои, ни увещевания по-хорошему на него уже не действовали. И в очередной раз отец так избил его, что он два дня лежал. Утром вся семья поговорила с ним, он дал честное-пречестное слово и с новым ранцем, очередными учебниками и десятью копейками на обед пошел в гимназию.

Сначала Сережа хотел идти другой улицей и обойти бильярдную, но ноги сами несли его туда. Минуту он стоял около, не решаясь войти, а потом решил – или обыграю

маркера или утоплюсь сегодня.

В бильярдной никого не было, они стали играть, и Сережа обыграл его, потом снова и снова.

– В этот день я не попал в гимназию, – закончил рассказ Сергей Иванович.

– И не вернулся домой. И с этого дня я больше никогда и никому не проигрывал.

– А как же отец, мать и сестра? – спросил я.

– Я их больше никогда не видел, – равнодушно произнес Сергей Иванович.

ЧК

Октябрьская Революция пришла в Ташкент на несколько месяцев позже Питера. Сначала по базару поползли слухи о скорой смене власти, а затем как-то ночью в центре города послышалась стрельба. Утром не вышли газеты, но весь город знал – пришли большевики. Арестов в городе практически не было, все прошло бескровно.

Наша семья почувствовала перемену власти недели через две. Пожилой сосед-бухгалтер утром шел на работу, и вдруг навстречу ему с соседней улицы неожиданно вылетели вооруженные всадники. Сосед испугался и по проулку побежал к своему дому, догонять его никто не стал, раздался одинокий выстрел, и бухгалтер лицом вниз упал в густую ташкентскую пыль. Неторопливо подъехал конный патруль, красногвардеец, согнувшись, но, не спускаясь с жеребца, достал из пиджака убитого документы и стал изучать их.

В это время на улицу выбежала жена соседа и самые храбрые ребятишки нашей улицы. Жена, увидев распростертого мужа, закричала в голос, а ребятишки стали объяснять красногвардейцу, что это наш сосед бухгалтер и шел он на работу в банк. Кинув документы около убитого,

красногвардеец произнес простуженным голосом: «Дурак и чего он побежал, вот дурак» – и патруль развернул лошадей и ускакал.

Бухгалтера быстро похоронили, жаловаться никто не стал, что поделаешь – ведь Революция.

Большевики быстро сменили старую администрацию города, и мой папа неожиданно из служащего стал управляющим городским банком. В первые месяцы снабжение в городе оставалось нормальным, но как только началась продразверстка, в течение одной недели пропали практически все товары. Началось резкое обесценивание денег, счет шел на миллионы, а потом и на миллиарды.

Получив в банк крупную сумму денег на месяц, папа решился на смелую операцию. Утром он отправился на переговоры к каким-то людям на базар, а вечером принес домой горсть бриллиантов. Маме он сказал, что утром поедет в город N менять бриллианты на хлеб для города.

Папа показал бриллианты и нам – старшему брату и мне. Я читал раньше про сокровища царей и ожидал увидеть бриллианты, размером с булыжники. К моему разочарованию, оказалось, что самые крупные бриллианты были чуть больше ногтя мизинца папы. Вечером к нам зашел сосед, папа не удержался и похвастался ему: – «Смотри, мол, какие камешки». Сосед поохал-поахал и скоро ушел.

Ранним утром мама собирала папу в командировку и, как обычно, в последний момент надо было заштопать дырку в брюках. Папа снял брюки, положил френч на стул и стоял посреди комнаты в одних кальсонах, ожидая, пока мама заштопает дырку в брюках. Мы с братом, две младшие сестры и тетя отца находились тут же.

Неожиданно раздался громкий стук в дверь и окрик «ЧК – откройте». Тетя пошла открывать и в комнату вошли шесть человек в кожаных тужурках, перетянутых ремнями с револьверами в руках. Видимо старший из них подошел к

папе, предъявил какую-то бумагу и громко сказал: «Обыск, всем оставаться на местах». В течение двух часов люди в кожанках перерыли весь дом, простукивали стены и даже разбили несколько горшков с цветами.

Во время обыска все мы сидели в столовой, а папа так и стоял в кальсонах. Забрав какие-то вещи и приказав папе молчать, чекисты ушли.

Потом папа рассказал нам, что чекисты явно пришли за бриллиантами, но на его счастье, когда был обыск, первым в кучу белья полетел его френч, в верхнем кармане которого и находились бриллианты.

Тетя и мама плакали – ЧК унесла столовый серебряный сервиз и некоторые другие вещи, а папа, нервно посмеиваясь, быстро надел френч, недоштопанные брюки и собирался идти на поезд.

Неожиданно снова раздался громкий стук в дверь. Все с ужасом смотрели на дверь, и никакая сила не могла заставить нас пошевелиться. Стук продолжался несколько минут, вскоре через открытое окно в сад, мы увидели папиного двоюродного брата и услышали его громогласный бас: «Что, черти, не открываете». От нервного потрясения все разом заговорили, что-то объясняли ему, тетя и мама рыдали в голос и лишь папа через несколько минут смог объяснить брату, что произошло. Дядя, человек необыкновенной силы и смелости, тут же схватил топор и побежал по саду, крича, что догонит их арыками. Мама быстро собрала папу, и он уехал, а через неделю в город пришел эшелон с хлебом.

Папа по приезде пошел в ЧК и рассказал о неожиданном обыске в нашем доме. К его сообщению отнеслись на удивление серьезно, оказалось, что в городе уже некоторое время идут несанкционированные обыски. Причем люди в кожанках всегда представлялись работниками ЧК и когда предъявляли, а когда и нет санкцию на обыск.

Во время следствия папа вспомнил, что показывал

бриллианты нашему соседу.

Через несколько дней папу с мамой вызвали в ЧК, и следователь предупредил, что будет опознание и если они увидят людей, производивших у нас обыск, пусть скажут ему. Их провели в большой кабинет и посадили в небольшой отсек полуприкрытый дверью, так что входящие в комнату не могли никого увидеть за дверью. Рядом с ними сел и следователь.

Затем, в кабинет стали по очереди вызывать сотрудников ЧК. Начальник, сидящий за больший столом, давал им какие-то поручения, и они выходили из комнаты. За пару часов прошло человек восемьдесят и к удивлению родителей, они опознали нескольких человек, причем, если папа узнал только того чекиста, что унес наш сервис, то мама опознала всех.

Через некоторое время состоялся открытый суд и выяснилась следующая картина: в городе под видом ЧК действовала банда грабителей, в которую входили и несколько действующих сотрудников чрезвычайной комиссии. Возглавлял банду бывший уголовник, устроившийся в ЧК и считавшийся там дисциплинированным и инициативным работником. По своим старым связям он определял в городе адреса и людей, имеющих немалые ценности. За два-три месяца в городе произошло множество мнимых обысков ЧК с конфискацией. По Ташкенту поползли слухи, что ЧК занимается грабежами и убийствами видных жителей города.

В чрезвычайной комиссии была создана бригада следователей, работавшей только по этим делам. Следователь выяснил при допросе нашего соседа, что тот рассказал своему младшему пятнадцатилетнему брату о бриллиантах. Несмотря на свой молодой возраст, Сашенька, как звали мальчика, давно водил дружбу с уркаганами. Следователь взялся за Сашу и тот признался, что, когда вечером брат рассказал ему о бриллиантах, он успел ночью незаметно выскользнуть из дома и побежал к знакомому наводчику, а тот и навел банду на наш дом. Цепочка потянулась и вышли на нескольких

чекистов, ранее подозреваемых в грабежах. Опознание же моих родителей поставило точку в этом деле.

Через два месяца состоялся открытый суд, как было модно в то время. Огромная зала бывшей городской думы, расположенная на первом этаже, была битком заполнена народом. Сидели и в проходах, и в раскрытых из-за жары окнах, выходящих в городской сад. Подсудимые, судьи и общественный обвинитель находились на высокой сцене зала. Подсудимые сидели в два ряда на стульях, охраняли их два конвоира с винтовками наперевес.

Заседание шло сначала довольно скучно, перечислялись многочисленные дела банды, вызывались свидетели и потерпевшие. Так прошло часа три, жара даже под вечер была невыносима и все устали. Некоторое оживление вносило только поведение подсудимых, особенно главаря банды. Он беспрерывно балагурил, чем мешал судье и обвинителю.

Наконец началось оглашение приговора – гуманная пролетарская власть давала бандитам на исправление от года Сашеньке до восьми лет главарю. Судья объявляет приговор и в этот момент один из бандитов достает из кармана брюк опасную бритву, встает на стул и с криком: «Прощай мать родная» – пытается перерезать себе горло.

К нему кинулись оба конвоира и несколько чекистов из первых рядов зала, и стали отнимать бритву, но парень отбивался отчаянно, произошла свалка и в этот миг, как по команде, остальные бандиты спрыгнули в зал и стали пробиваться к окнам. Но на их несчастье, в окнах гроздями висели любопытные, и это погубило их план. Как не били и не раскидывали бандиты толпу около окон, ничего не получалось. В конце концов охрана и чекисты опомнились и всех задержали.

Петька

Петьку моя мама подобрала около ташкентского рынка, десятилетний мальчишка-беспризорник залез в ее кошелку и попытался стащить булку. Мама схватила его за руку, он стал вырываться, мгновенно собралась толпа и беспризорника задержали. Дело наверняка кончилось бы самосудом, что частенько случалось в то время, но она буквально вырвала мальчишку из рук толпы и привела домой.

Сначала мама хотела накормить и отпустить мальчика, но потом передумала. Так Петька, как он назвал себя, стал пятым ребенком в семье и моим братом. Его отмыли и отскребли от грязи, одежду его сожгли, моя рубашка и брюки старшего брата составили его гардероб.

Петька очень быстро стал своим в нашей семье. Был он отчаянным фантазером, мы дети слушали его рассказы как завороженные. Основной темой рассказов была мировая и гражданская война и участие в ней Петьки. В Петькиной голове годы и события сильно перемешались, но даже его участие в Брусиловском прорыве не ставилось нами под сомнение. Видимо мальчишка много читал в детстве и жил в состоятельной семье, но ни маме, ни папе так и не удалось выяснить откуда он родом.

Подошла весна и папа, как обычно, отвез нас в горы, километров за шестьдесят от Ташкента. В небольшом горном кишлаке, где мы снимали летний домик у местного бая, жизнь была дешевле, чем в городе, да и изнуряющая жара не так сказывалась. Папа приезжал раз в неделю-две, привозил муку, соль, иногда сахарину и оставался с нами дня на два.

Нам ребятишкам горные кручи были привычны, и мы целые дни проводили в горах. Любимым занятием было устраивать горные обвалы – удивительно наблюдать, как один камень, сброшенный вниз, задевал сначала один-два камня, затем они увлекали за собой все больше и больше камней и песка, и вот уже огромная куча с грохотом катится вниз. А как прекрасно бежать вниз по горному склону и обгонять обвал, который ты создаешь.

Петьке горы категорически не понравились. На третий день, несмотря на наши объяснения, что вниз по склону надо бежать наискосок и тогда галька и песок не догонит, Петька, испугавшись грохота, побежал прямо вниз, его сбила и утащила вниз небольшая лавина. Как он остался жив, до сих пор непонятно. Неделю Петька лечился от ушибов и ссадин и мать строго настрого запретила мне и брату лазить по горам.

Но однажды мы все же уговорили его пойти с нами посмотреть гнезда орлов. Добирались до гнезд несколько часов – орлы устроили гнезда на самой вершине горы. Петька панически боялся высоты, и мы буквально затаскивали его на гору. Когда с большим трудом мы вскарабкались на вершину, с отвесного утеса слетел старый облезлый орел. В гнезде сидели три небольших орленка, которые яростно шипели и старались клюнуть нас. Мы присели отдохнуть около гнезда, как вдруг прилетели штук двадцать орлов и стали нападать на нас.

Такого ужаса я никогда не испытывал – орлы, делая небольшой круг, по очереди пикировали на нас, не долетая до головы буквально сантиметры и взмывали вверх. Мы бросились бежать, но если карабкались наверх мы с трудом, то спускаться, да еще под непрестанными атаками орлов было невероятно опасно и страшно. Как обычно, больше всех досталось Петьке, он несколько раз сильно ушибся, о синяках и ссадинах я и не говорю. Минут через десять орлы отстали от нас, но мы так устали, что добрались до дома только к полуночи. Петька стоически промолчал о наших подвигах, что спасло нас со старшим братом от сильного наказания, но предупредил нас, что больше в горы не пойдет.

Через два дня приехал папа, мама стала жаловаться ему, что здесь невозможно жить – одолевают змеи. Змей, в том числе очень ядовитых, таких как гюрза и эфа, в горах было предостаточно. Лазая по горам, мы встречали их довольно часто.

Папа рассмеялся: «Какие еще змеи, не ходите далеко от кишлака и нечего детей пугать». Разговор проходил на открытой веранде, увитой виноградом, где мы всегда ужинали. Мама спорила, папа шутил, отпивая из пиалы горячий чай. И вдруг мы видим, как по винограду спускается вниз змея и висит над головой папы.

Папа продолжает подшучивать над нашими страхами и не видит змею, а мы в ужасе застыли и боимся предупредить его – от резкого движения змея наверняка бы укусила его. Через пару секунд змея продолжила свое движения и выползла буквально из-за его щеки. Наконец папа увидел змею, его лицо приобрело необычайную бледность, но самообладание не покинуло, и он сидел не шевелясь, пока змея преспокойно не скрылась в зарослях виноградника. На следующий день наша семья перебралась в соседний кишлак.

Осенью Петька поступил в нашу школу и учился на удивление хорошо. Школьные годы пролетели быстро, и тут Петька удивил всех – он поступил в военное училище и стал полностью самостоятельным. Виделись мы с ним редко, училище было практически на военном положении – шла борьба с басмачеством.

По окончании училища Петька пригласил меня в ресторан. Я смотрел и не узнавал Петра, неужели этот красавец в прекрасно сшитом на заказ военном мундире и есть тот оборванец беспризорник. Какие жесты и обороты речи, а голос – настоящий командирский бас.

Мы весело провели тот вечер, Петр танцевал со всеми дамами, было выпито несчетное количество бутылок вина. Ближе к полуночи за соседний столик присел старший офицер в возрасте и стал пить водку. Он быстро опьянел, расстегнул воротник мундира и очень скоро напился. Петька, увидев командира, встрепенулся, поправил мундир и подошел к столику. Подойдя, он представился: «Адъютант главнокомандующего Туркестана Иванов». И далее начался цирк – Петька начал чихвостить пьяного вдоль и поперек, тот побледнел, встал по стойке смирно и дрожащими руками стал застегивать мундир. А Петька негромким, но четким голосом продолжал: «Подам рапорт главнокомандующему, … позорите честь, … уберите живот …».

На командира было неловко смотреть, за несколько минут он превратился в нечто, напоминающее амебу. Когда Петька закончил свою тираду, тот стал униженно умолять не подавать рапорт и простить его. Мой брат величественно приказал расплатиться и срочно покинуть ресторан, что и было выполнено незамедлительно.

Когда я удивленно спросил: «За что ты старика?» Петя рассказал, что этот пьянчуга преподавал у них в училище и был отъявленной сволочью.

На следующее утро я провожал Петьку на место службы – афганскую границу.

А через два года случилось событие, в корне перевернувшее Петькину жизнь. Часть, где он служил, была в нескольких километрах от границы. К этому времени басмачество было подавлено и остатки банд ушли за кордон, но деятельная Петькина душа требовала подвигов.

Во время очередного застолья Петька предложил уничтожить басмачей на территории Афганистана. Говорил он вдохновенно и так увлек собравшихся, что сумел уговорить даже командира эскадрона. Все свершилось быстро, подняли бойцов по тревоге и сто конников перешли границу.

Басмачей они так и не нашли, но за несколько часов накуролесили прилично и еще привели с собой несколько табунов лошадей и гуртов скота. Когда хмель слетел, оказалось, что это

табуны афганского феодала, имеющего связи в Кабуле. В Москву прислали ноту протеста, и дело завертелось.

Взяли их через неделю, следствие велось быстро, следователь намекнул, что всех ждет вышка. Сидели все в одной камере. Петька клял себя, что он так подвел своих товарищей. Но фантазия работала бурно, однажды он сообщил, что нашел способ, как спасти товарищей. Пускай все покажут на допросах, что они силком увезли пьяного Петра и держали его лошадь, а он, мол, отказывался и сопротивлялся. А на свободе он, как сын члена правительства и Петр назвал фамилию …, обязательно добьется их освобождения. Врал он так убедительно и самозабвенно, что товарищи ему поверили и стали давать новые показания. Петьку освободили, правда, из армии турнули.

Скоро состоялся суд и всех его товарищей расстреляли.

Некоторое время он прожил у нас в семье. Петька психически сломался, и одно время мы боялись, как бы он не свихнулся. Иногда он начинал рыдать, и я никогда в жизни не слышал такого ужасного лающего звука.

Наконец мы решили, что ему пора сменить обстановку и отправили его к дальним родственникам на юг России. Первые месяцы от него приходили письма, потом перестали.

Какова дальнейшая судьба Петьки я не знаю.

Сашенька

Через дом от нас жила семья железнодорожного мастера. Семья была небольшая – отец, мать и два сына. Разница в возрасте между сыновьями была лет в пятнадцать. Старший, спокойный и степенный Владимир был высокого роста и крупного телосложения. Младший – Сашенька, как все звали его в семье, невысокого роста, худенький, страдал плохим зрением и носил очки. Любимцем семьи, конечно, был Сашенька, мать и отец жалели его и с детства он рос особняком – все лучшее

ему. Мать умерла через шесть лет после рождения сына и все тяготы воспитания взяли на себя отец и старший брат. Брат любил Сашеньку и в детстве заменял ему няньку. За год до революции умер отец. Умирал он тяжело, долго и за день до кончины, позвал старшего брата Владимира и взял с него слово быть опорой брату, беречь и помогать Сашеньке в жизни.

После смерти отца Владимир практически стал отцом брату. В это время у него уже появилась своя семья, пошли дети, и ему трудно было воспитывать Сашеньку.

Сашенька вырос смышленым, вежливым и вместе с тем чрезвычайно хитрым мальчиком. Ему было неинтересно просто играть в воображаемых казаков разбойников, он хотел реальных и опасных дел и часто наши игры под его руководством заканчивались набегами на дальние сады и бахчи или серьезными драками с ребятами с соседних улиц. И хотя заводилой всегда был он, при всех дальнейших разбирательствах и наказаниях за провинности Сашенька всегда оставался в тени. Ну, кто мог сказать на щуплого мальчишку в очках, что это он верховодит здоровенными мальчишками с нашей улицы. Особую роль играла его вежливость со старшими, мы могли промчаться, не поздоровавшись, Сашенька же всегда был приветлив и вежлив с взрослыми.

Несмотря на хилый вид и слабое зрение, он обладал удивительной ловкостью рук и какой-то кошачьей грацией. Очень рано он стал тренировать руки и в двенадцать лет мог в шутку обчистить любого из нас. Однажды на спор, он посадил нас с братом на скамейку с карманами, полными орехов, а сам сел между нами и начал бесшумно вынимать орехи. За пятнадцать минут Сашенька бесшумно вытащил все орехи и как я не напрягался, не смог ни услышать, ни почувствовать пропажу орехов. Брат тоже был поражен талантами Сашеньки.

Скоро его стало тянуть к взрослым ребятам с блатной биографией. Что удивляло нас, как хлипкий Сашенька в тече-

ние полугода не только стал своим в их компании, но, по-моему, даже верховодил ими. С тринадцати лет он уже не расставался с финкой и ребята района стали побаиваться его. Дружил он только со мной и моим братом, правда, не посвящая нас в свои тайны.

Скоро на Сашеньку стали жаловаться соседи с дальних улиц. То его видели около серьезной драки с ножами и кастетами, то обчистили склад с промтоварами и тоже вроде Сашеньку видели рядом. Приходили к Владимиру, он подзывал брата и подробно расспрашивал о происшествиях, но всегда на Сашеньку не было прямых улик. Когда же к ним в дом стал регулярно приходить местный милиционер, Владимир попытался ограничивать свободу брата, но было уже поздно.

В это время в городе взяли и осудили банду грабителей и убийц, возглавляемых чекистами и что удивительно, на суде выяснилось, что одним из наводчиков был Сашенька.

Когда Сашеньке дали срок за дело банды чекистов, его брат приходил к нам домой, читал письма брата из домзака и говорил, что теперь серьезно возьмется за воспитание брата, когда тот вернется на волю.

В тюрьме Сашенька сразу зарекомендовал себя послушным и исполнительным юношей. Через некоторое время в его перевоспитание поверил даже начальник тюрьмы, пожилой и опытный человек. Сашенька часто выполнял его личные поручения и скоро начальник даже подписал ему пропуск на временный выход из тюрьмы. Для семьи начальника тюрьмы он ходил на соседний хутор за молоком. Молоко продавали дед с бабкой.

Сашенька приходил вовремя за молоком, шутил с дедом, помогал по хозяйству бабке, был аккуратен с деньгами и всегда вовремя возвращался минута в минуту.

Сашеньку уже готовили к досрочному освобождению, как вдруг случилась одна неприятность. Когда в очередной раз он пришел за молоком, бабуля со слезами сказала ему: «Не

приходи больше, Сашенька, за молочком, продали мы кормилицу». Выведав у деда, где они спрятали деньги за корову, Сашенька хладнокровно зарезал деда с бабкой их же столовым ножом, забрал деньги и был таков.

Начальник тюрьмы долго не верил в случившиеся и выдвигал совершенно дикие идеи – Сашеньку бандиты увели с собой и зарезали.

Взяли Сашеньку через неделю в привокзальном ресторане маленького города вдрызг пьяного.

Несколько лет мы не видели Сашеньку, его брат приносил иногда его письма, полные раскаяния, из далекой уральской тюрьмы.

А как-то летом он неожиданно заявился сам, сильно похудевший и почему-то в золотых очках. Брат встретил его радушно, и Сашенька стал жить теперь у него. Недели через две Владимир пришел к моему отцу жаловаться, что Сашенька не хочет работать, валяется целыми днями на кровати, а по вечерам куда-то пропадает.

Так продолжалось месяца два, и однажды Сашенька уговорил нас с братом купить четверть местного вина. Мы сидели у него в саду, пили вино, вспоминали детские шалости. Когда вино было выпито, Сашенька предложил пойти погулять в городской сад и там добавить. В то время в городском саду работала летнее казино и столы, окруженные игроками, находились тут же. Мелькали пачки денег, нэпманы играли по-крупному. Не успели мы с братом опомниться, как Сашенька мягкой походкой подошел к группе игроков, окруживших стол, и буквально прилип к ним. Постояв так около минуты, он быстро отошел и тут же прилип к игрокам следующего стола.

В это время я заметил старика крупье-распорядителя, делающего знаки охране в направлении Сашеньки. Я сказал брату: «Уходим!», и мы опрометью кинулись бежать из городского сада. Прибежав домой, мы сразу пошли к Владимиру

и рассказали о случившемся. Он выслушал нас спокойно, но было видно, как дорого это ему стоило.

Сашеньки не было целую неделю, все были уверены, что его забрали. Как вдруг под вечер, на шикарной двуколке подъезжает к дому брата в дым пьяный Сашенька и начинает куражиться – зовет всех в ресторан гулять, потрясая при этом толстенной пачкой червонцев. На шум вышел Владимир и тихо приказал: «Иди домой – хватит дурака валять!». В ответ Сашенька подошел к нему какой-то вихляющей походкой и, тряся перед лицом брата толстой пачкой денег, громко произнес: «Сколько я тебе должен за постой, возьми, можешь взять еще!» – и вытащил из кармана брюк еще одну пачку денег.

Владимир почернел лицом и, что есть силы, ударил брата – Сашенька отлетел метров на пять и стал с трудом приподниматься, но Владимир мгновенно очутился рядом. и продолжал молча его избивать. Минуту толпа стояла как вкопанная, а затем мужчины кинулись отнимать Сашеньку у брата. Но Владимир, обезумев, отбросил их и продолжал бить уже бездыханное тело брата. Наконец его оттащили и увели домой, а Сашеньку сразу отвезли в больницу.

Больше Сашеньку я никогда не встречал. Ходили разные слухи, говорили, что он связался с мокрушниками, и что его расстреляли, но я думаю, что все это домыслы.

Борис

Бориса принесли на день рождения старшего брата. Готовился стол, пригласили всю родню, и барашек должен был участвовать в торжестве в качестве второго блюда.

Потихоньку от ребят его отнесли на летнюю кухню и позвали папу свежевать барашка. Пока точили нож, барашек сумел отвязаться и вместе с веревкой вырвался в сад.

Первыми его увидели мои сестры – он весело подпрыгивая и закидывая ножки, бегал вокруг клумбы. Девочки смеялись причудливым пируэтам барашка и начали играть с ним.

Когда папа, наконец, нашел барашка, он уже лежал в детской коляске, закутанной в тряпье не шевелясь, а девочки пели ему колыбельную. В это же время подбежали и мы с братом, подошла мама, и по просьбе детей было решено оставить Бориса, как прозвал его папа, пожить в семье.

Борис рос любимцем детей, девочки таскали его за собой как куклу, мы с братом учили его командам, как собаку. Барашек рос не по дням, а по часам и скоро сестры уже не могли с ним справиться, и Борис стал только нашей игрушкой. Мы серьезно взялись за его воспитание, Борис был послушен, отзывался и выполнял несколько команд и иногда даже гулял с нами на улице.

Со временем у нашего веселого друга открылся талант охранника. Чужих он не терпел и часто бегал вдоль забора вместе с собаками охраняя наш сад. В это же время брат научил барашка бодаться и довольно быстро Борис стал непобедимым.

От наших собак ему иногда серьезно попадало, но когда Борис подрос, то все наскоки собак и трепанье не проходили даром. Борис научился ловить моменты, когда собака поворачивалась боком или задом, разбегался и наносил точный удар здоровенным лбом и обидчик кубарем летел на землю.

Очень скоро вожаком стал Борис и если раньше он бежал сзади, то теперь только впереди стаи собак и стоило какой из них вырваться вперед, наказание следовало незамедлительно, баран мгновенно ускорялся и бил зарвавшегося пса.

Первым почувствовал на себе силу Бориса почтальон, приносивший корреспонденцию к нам домой. Собаки были во всех дворах, и он привык обращаться с ними, а особо злобных отгонял палкой. Но Борис был не из простых дворовых псов, каким-то образом он чувствовал время прихода почтальона и прятался за навес сарая в темном прохладном месте. Когда приходил почтальон, он терпеливо ждал, когда тот от-

гонит собак и повернется к сараю задом и только в этот момент мощно стартовал. К этому времени в баране было не меньше 50 кг и с учетом разгона и отработанных на нас с братом и собаках ударов, он представлял серьезную опасность. После разгона он ударил почтальона в зад так, что тот перелетел через клумбу и упал в небольшой арык. От неожиданности почтальон истошно закричал, все выбежали из дома и его вытащили, а Борис умудрился незаметно убежать и спрятаться. Вышел папа, произошло разбирательство и выяснилось, что это дело Бориса. Перед почтальоном извинились, одежду просушили и дело замяли.

Папа долго смеялся, да и всем было чрезвычайно весело – “Почтальон и через клумбу в арык, ну и Борис».

В следующий раз почтальон вошел в калитку, будучи готовым к нападению барана, держал в руках здоровенную палку. Оглядываясь, он быстро подошел к дому, отдал газеты и корреспонденцию и хотел идти, но мама уговорила его попить чайку с вареньем. Он посидел минут пятнадцать и довольный вышел на крыльцо – наш прекрасный сад был как на ладони – все цвело, да и от полуденной жары даже собаки попрятались и не брехали на почтальона. Почтальон попрощался с мамой и пошел к выходу из сада и на какое-то время видимо потерял бдительность, открыл калитку и тут…

Все это время, включая чаепитие, Борис терпеливо карауил почтальона за домом и дождался, последовал мгновенный разбег, удар и почтальон вылетает из нашей калитки на улицу и падает в густую пыль. Поднялось большое облако пыли, которое долго не расходилось, и мама подумала, что Иван Иванович, как звали беднягу, обиделся и ушел. Но когда пыль осела, мама и подбежавшие на ее крик дети увидели ничком лежавшего почтальона. Подошли соседи, был страшный скандал, Иван Иванович обещал жаловаться, сказал, что он при исполнении и это можно расценивать как нападение.

В следующий раз корреспонденцию почтальон перекинул через забор и быстро ушел.

На семейном совете стали думать, что делать с хулиганом Борисом. Папа и мама хотели отдать его, дети и тетя отца были против. Тетя привела беспроигрышный довод – вот уже несколько месяцев, как прекратились набеги соседских ребятишек на наш сад, жить стало спокойнее. Папа возражал – соседи перестали заходить к нам. В итоге решили дать Борису испытательный срок – до первого серьезного проступка.

Прошло некоторое время, все было спокойно, не считая того, что теперь от Бориса страдали в основном мы с братом. Но, несмотря на полученные от него синяки и шишки, мы не выдавали его, хотя нашей дружбе пришел конец. Из веселого и жизнерадостного существа, весело игравшего с нами и выполняющим как собака наши команды, Борис превратился в угрюмого, упрямого и мстительного властителя сада, не признающего ничьей власти. Даже собаки старались обходить его стороной, а к темному навесу сарая, вообще никто старался не приближаться.

В один из дней мама попросила нас с братом устроить прополку, вместе с нами пошла и тетя отца, высокая, грузная женщина. Минут двадцать мы с братом трудились, потом сели передохнуть, а тетя, наклонившись, продолжала выдергивать сорняки.

Внезапно послышался топот, я оглянулся и увидел Бориса, мчавшегося к вожделенной цели. Я хотел крикнуть тете «Берегись», но не успел и рта открыть, как баран был уже рядом и нанес тете сильнейший удар по мягкому месту.

Тетя не упала, а полетела и всеми 80 кг пропахала несколько грядок. Испугавшись за тетю, мы подбежали к ней – тетя сидела на грядке и удивленно смотрела на нас. Наконец, она поняла, в чем дело, мы помогли ей подняться и отвели в дом.

На этот раз на семейном совете защитников у Бориса поубавилось, и его судьба была решена. Единственное, о чем

мы упросили папу, не отдавать Бориса на скотобойню, а продать знакомому узбеку в стадо. На следующий день Бориса увезли.

Вся семья стояла и смотрела на последний проход Бориса по саду. Вел его папа на веревке и удивительно баран не вырывался и не блеял – он шел уверенной походкой бойца.

Поздний ребенок

У наших соседей Менделей не было детей. Папаше Менделю шел уже шестой десяток, Сара была года на 3 моложе.

Что уж случилось в революционные ночи 1917 года, я не знаю, но осенью следующего года Сара родила первенца. Родители души не чаяли в мальчике и рос он в обстановке полнейшего обожания. Был он медноволосым с бледной кожей – вылитый папаша Мендель.

Мендели с сыном часто заходили в наш дом по-соседски, а в субботу-воскресенье пили с нами чай на веранде. Все было хорошо, пока Яша Мендель не научился ходить.

После очередного чаепития выяснилось, что пропали две серебряных чайных ложки. За четыре часа мы перерыли весь дом, но ложки как испарились. А вечером пришла сконфуженная Сара и принесла наши ложки – оказывается, Яша успел не только незаметно взять и унести ложки, но и припрятал их. Сара совершенно случайно обнаружила их в комнате сына.

Теперь мы знали о странностях мальчика и при следующем посещении Менделей внимательно следили за ним. Папаша Мендель умилялся способностям сына: «Яшеньке два года, а он уже выучил несколько стишков и говорит правильно и …». Мы тоже удивлялись талантам мальчика, проявившимся в столь раннем возрасте.

Посидев часик, соседи ушли, мама стала убирать со стола. К ее удивлению, на этот раз пропала не только серебряная чайная ложка, но и позолоченная ложка из сахарницы. Каким образом младший Мендель умудрился стащить ложки со стола, сидя то на коленях у своего отца, то у Сары, было непостижимо.

Но еще невероятнее, как его маленькие ручонки смогли незаметно спрятать ложки – ведь за столом сидела вся наша семья. И вроде все следили за ним?

Через час пришла Сара и, извиняясь, отдала ложки маме.

Время шло, Яша рос необычайно талантливым ребенком – читать он стал в четыре года, а считать, кажется еще раньше. Родители старались не брать его в гости – практически каждый раз мальчик приносил домой ценные вещи.

С возрастом серебро перестало интересовать Яшу, зато появился интерес к золотым вещам. Однажды он умудрился принести из гостей обручальное кольцо.

С ровесниками он практически не играл – ему было неинтересны их развлечения. В школе он стал первым учеником, перескакивая через несколько классов экстерном, и в 14 лет поступил в местный университет.

Мендели вскоре переехали в Москву, поскольку Яша перевелся в университет на отделение мехмата. От Сары иногда приходили восторженные письма об успехах ненаглядного сына.

Года два назад я слышал по радио о работе научной школы профессора Менделя.

МАЛЫЕ КОЛЫМСКИЕ РАССКАЗЫ

Вася

В 1938 году я завербовался на Север и попал в Магадан на должность заведующего краеведческим музеем. Мне была поставлена задача пополнения коллекции как местного, так и столичных музеев. Край был мало изучен в то время и являлся кладовой науки. Вечная мерзлота сохранила животный мир – кости и целые скелеты мамонтов, саблезубых тигров, древних медведей и т.п.

Научных сотрудников кроме меня в музее не было, так что приходилось ездить на полевые работы самому. Основным и, по сути, единственным контингентом рабочих в экспедициях были заключенные.

Колымский край был прямо напичкан лагерями, золото добывалось почти вручную и требовалось огромное количество заключенных. Заключенные работали везде и на любых работах, как в лагерях на добыче золота, так и на подсобных работах.

В очередной раз, получив в Магадане разрешение на набор рабочих я отправился в лагерь .... Начальник лагеря, увидев подпись руководства, взял под козырек и сказал, что я могу набрать людей по своему усмотрению, несмотря на статьи. Новость о моем приезде мгновенно разнеслась по лагерю. Все стремились попасть ко мне в экспедицию, поскольку условия были поистине королевские по сравнению с лагерными – питание прекрасное, работа не изнуряющая и относительная свобода на несколько недель. Я сразу решил не брать уголовников – сталкивался с ними раньше и знал, что работать они будут плохо. Отбирая людей, обратил внимание на крепкого мужчину лет тридцати, к которому все заключенные относились с неподдельным уважением. Скоро он подошел сам и попросился ко мне на работу. Я стал подробно расспра-

шивать его – оказалось, что Вася бывший художник-каллиграф, в свое время тяжело заболел воспалением легких, потерял работу и совсем пропадал, а тут подошли хорошие ребята и предложили заработать, ну он сдуру и стал рисовать. Рисовал он недолго, скоро всех взяли и ему дали 10 лет за подделку дензнаков.

Потом в экспедиции заключенные рассказали мне лагерную историю Васи. Будучи добрым и немного наивным человеком, Вася сначала удивлялся порядкам в зоне, где всем управляли уголовники. В первые же дни вечером к нему подошел пахан и отобрал пайку хлеба. Вася легонько стукнул его кулаком и пахан, упал как подкошенный. Воры остолбенели, но через несколько секунд на Васю кинулось человек двадцать и стали его бить. Но оказалось, что добрейший Вася обладает страшной силой. Выбравшись из свалки, он стал спиной к нарам и подбегавших к нему хватал и приподняв бросал в толпу зэков. Толпа нападавших таяла на глазах и скоро стала пятиться, но Вася, рассвирепев, сам перешел в атаку. На помощь первой волне нападающих подбежало еще человек пятнадцать, но Васю было уже не остановить.

Закончилось это для воров печально – человек десять лежали замертво, остальных Вася загнал под нары и не выпускал в течение часа и только когда окончательно остыл – разрешил выходить.

С тех пор Вася стал пользоваться в зоне огромным уважением. Теперь уголовники не могли, как раньше творить беспредел и многим людям в лагере Вася спас жизнь, став как бы третейским судьей. Воры его зауважали и весть о Васе прошла по многим лагерям Колымы.

Глядя на него нельзя было сразу определить его богатырскую силу. Был он чуть выше среднего роста, правда, квадратный и с необыкновенно широкой костью.

В экспедиции Вася оказался незаменимым человеком, работал он за четверых и неоднократно выручал нас из самых

опасных ситуаций. Несмотря на суровый климат на Колыме было тогда много беглых зэков, которые представляли серьезную опасность для нас, ибо добыть ружье и провиант для них означало жизнь. Кроме того, существовало множество мелких старательских артелей полууголовного характера, которые тоже хотели поживиться нашим имуществом.

Как-то мы сплавлялись по реке на плоту и выбились из сил. Бросили якорь на мелководье и, разомлев на жаре, уснули. Проснулся я от негромкого Васиного возгласа: – «Эй парень». Приподнялся и увидел такую картину – к плоту по пояс в воде медленно подходит зэк, держащий на вытянутых руках карабин и мешок с едой. Оказывается, увидев что мы заснули, он с берега по воде подошел к плоту и взяв что ему приглянулось, потихоньку пошел обратно. Здесь Вася его и окликнул. Не говоря ни слова, зэк подошел, положил на плот мешок, карабин и спокойно стоял. Вася подошел к нему вплотную и сказал всего одну фразу: «Слышь, ты скажи своим, чтоб не баловали – здесь Вася». Зэк отреагировал моментально: «Покажи наколку». Вася засучил рукав, зэк посмотрел на наколку и неторопливо пошел к берегу. С тех пор никаких проблем у нас не было - «зэковский телеграф» сработал безупречно.

В экспедиции я сдружился с ним и в течение двух лет брал его на полевые работы. Вася оказался отличным художником и мастером на все руки и очень помог мне в оформлении экспозиции музея. Не имея полного образования, был он очень смышлен, и все осваивал на ходу.

Его богатырская сила несколько раз в буквальном смысле спасала нас. Однажды наш плот разбило и люди, оказавшись в ледяной воде, стали тонуть, так Вася не только спас трех рабочих, но и нырял несколько раз за вещами и вытащил несколько огромных ящиков. И при этом потом все сокрушался, что несколько ящиков с ценными экспонатами пропали.

Наступило лето 1941 года и война. Приехав в очередной раз в лагерь, я стал, как обычно набирать рабочих и удивился,

что Вася не подходит. Спросил у начальника лагеря где Вася и узнал, что его расстреляли вместе со всеми уголовными авторитетами. Начальник сказал, что в первые дни войны пришел секретный приказ – уничтожить воров в законе и заключенных, пользующихся большим влиянием... Естественно, в этот список особисты внесли и Васю.

Жалко было до слез, и даже начальник лагеря сказал, что произошла ошибка, но ничего поделать с особистами он не смог.

Прошло много лет, но часто перед глазами стоит настоящий русский богатырь – Вася.

Оперная ария

В начале войны из центра пришел приказ – срочно увеличить добычу золота. Начальство в Гулаге старалось изо всех сил, но добыча не росла.

Один начальник лагеря даже придумал поощрительную систему для заключенных, больше выработка – больше пайка, меньше выработка – меньше пайка. Но в условиях Севера норма и так была достаточно велика и чтобы ее выполнить надо было рвать жилы. Очень быстро поощрительная система превратилась в губительную, не выполнив норму заключенный получал меньше пайку, ослабев, он вырабатывал еще меньше и естественно уменьшалась и пайка. Очень быстро, за несколько недель многотысячный лагерь обезлюдел, а план так и не был выполнен. Пришлось снимать начальника лагеря и переводить в Магадан с понижением, а его поощрительную систему запретить.

Но думающих людей в Магадане было много, и решили послать добровольческий отряд на добычу золота недели на четыре. Записалось человек двести, в том числе и я. Состав был самый разношерстный – от прокуроров и особистов до работников торговли и милиции. Нам была поставлена задача

работать ударно, перевыполняя нормы. Все горели желанием показать зэкам, как надо работать.

Поселили нас в обычный барак, правда, предварительно утепленный и отремонтированный, поставили дополнительные буржуйки и завезли уголь. Наш паек был значительно калорийнее зэковского – хлеб лежал горкой, каши и сала ешь сколько хочешь.

И действительно, первые же дни показали, что зэки работают отвратительно, большинство в нашем отряде перекрывали их нормы в 2-3 раза. Однако, к концу первой недели появились первые больные, темп работы упал и люди придя в барак не могли есть и падали замертво. К середине следующей недели норму выполнили только человек десять, а число больных стало катастрофически расти. Дней через пять в отряде осталось человек сто, а еще через неделю работу прекратили.

Оказалось, что несмотря на прекрасные условия по сравнению с зэковскими, сильные и здоровые люди не могут выполнить эту адскую норму.

По приезде в Магадан треть отряда угодили в больницу с различными заболеваниями, в основном с язвой желудка. Эксперимент провалился и тиражировать его не стали, правда нормы для зэков оставили старыми.

Подробности этой эпопеи стали забываться, но часто вспоминается моя поездка в лагерь за рабочими для экспедиции. Начальник лагеря на этот раз был необычно сердит.

– Представляешь что придумали, – говорит, - вот негодяи, хотели подставить меня.

– Проверяю я зэковскую самодеятельность перед концертом в честь Октября, а один поет – люди гибнут за металл.

– Ну, я покажу ему – за металл.

Глядя на начальника, было ясно, что арию Мефистофеля из оперы Гуно он слышал в первый раз.

Прав оказался Мефистофель – люди гибли за металл.

Прошка

Работая в Магадане в должности заведующего краеведческим музеем, я жил в центре города в коммуналке. Моим соседом по квартире был начальник милиции города. Он с женой и маленькой дочкой занимал две лучшие комнаты квартиры. Жена начальника работала в торге и им пришлось взять няньку. В то время на Севере женщин практически не было и по просьбе начальника ему прислали няньку – зэка. Нянькой оказался звероватого вида огромный цыган по имени Прохор. Ему было строго приказано заботливо ухаживать за девочкой – иначе опять лагерь.

В лагерь, как считал цыган, он попал по страшной несправедливости и часто жаловался мне: «Понимаешь, Константиныч, что только за жизнь не делал – табуны по сто голов уводил, а тут обменял кобылу и дали десять лет, ну есть справедливость на свете?» Обмен, правда, заключался в замене дряхлой клячи на колхозного жеребца трехлетку.

Девочка начальника внешне была чистый ангел – белокурая с хорошеньким личиком. Но этот четырехлетний ангел быстро понял свое положение в обществе и постоянно помыкал цыганом. Цыган терпел все унижения с большим трудом.

Со временем отношения Прохора с девочкой постепенно наладились, и он почти смирился со своим положением. Несмотря на свой звероватый вид был он человеком незлобивым и ухаживал за ребенком очень тщательно и по-своему даже любил ее.

Правда утром и вечером каждый день повторялась одна и та же сцена. Вечером по приходу родителей, девочка в коридоре подходила к цыгану и презрительно скривив губы, говорила: «Тьфу на тебя, Прошка» и величественно удалялась. Утром, когда родители уходили, из комнаты выходил цыган и медленно подходя к девочке, грозно спрашивал: «Ну?». Девочка тут же подбегала к нему и заискивающе глядя в глаза, радостно щебетала: «Дядя Проша, дядя Проша, пойдем поиграем» и они уходили в свою комнату.

Вскоре я уехал в длительную экспедицию, а по приезде узнал, что начальник переехал на новую квартиру и как далее сложились отношения Прохора и девочки мне неизвестно.

В восьмидесятых годах я отдыхал в Сочи в санатории министерства… Бархатный сезон был в разгаре и все время я проводил на пляже – собралась неплохая компания, играли в основном Питер, реже Сочинку. Я всегда считался неплохим игроком, но на этот раз мне фатально не везло и я уже подумывал, что скоро придется перейти на экскурсии, благо они входили в стоимость путевки.

Помимо игры в карты и на бильярде основным развлечением немногочисленной мужской половины санатория были любовные романы. Все мои друзья по преферансу были проч-

но завязаны в любовных приключениях, а некоторые одновременно стали участниками нескольких историй любви, измен и скорой ненависти прекрасного пола.

У меня же была даже не черная, а какая-то серая полоса жизни на этот раз. Я вроде бы старался влюбиться и целиком отдаться курортному роману, но что-то все время меня останавливало. Друзья смеялись: – «Так не бывает, не везет в картах, повезет в любви – ты брат не подходишь под статистику».

В этот день с утра мы купались, расписали пару пулек и даже успели на обед. В обеденном зале, похожем на хороший ресторанный зал, всегда стоял гул голосов, постоянно раздражающий меня своей однотонностью. Я ел свой суп и думал о последнем мизере, где схватил пару взяток, как вдруг мне почудилось, что гул изменился, т.е. он остался, но стал каким-то более мелодичным что ли. Я посмотрел на своих соседей за столом – все они как по команде смотрели в одну сторону и увидел девушку идущую по залу.

Девушка была очень хороша – летнее платьице ладно сидело на девичьем теле, высокий подъем красивых длинных ног и легкий шаг, этот непринужденный проход по залу под сотней оценивающих глаз заворожил меня. Я не мог отвести восхищенного взгляда и вместе тем продолжал есть суп и когда девушка поравнялась с нашим столом поперхнулся, да так сильно что, пришлось откашливаться – ужасно покраснел то ли от удушья, то ли от стыда. Когда, наконец, я отдышался, девушка села за соседний столик прямо напротив меня. Несколько раз я украдкой смотрел на нее и увидел, как она мила и естественна. Хотелось все время не отрывать взора от прекрасных зеленых глаз, от милых ямочек на щеках. Я понимал, что неудобно глазеть в упор, но ничего с собой не мог сделать. Один раз она в упор взглянула на меня и я, почувствовав, что веду себя неловко, встал и ушел с обеда раньше, чем обычно.

С этого дня курортная жизнь санатория значительно изменилась. Валерия, как звали нашу красавицу, неплохо играла в волейбол – сразу составили несколько команд и даже старички стали заядлыми любителями спортивных игр. До того пустой пляж с ее появлением стал любимым местом проведения досуга как мужской, так и женской половины санатория. Мужчины на перебой ухаживали за Валерией, а дамы находилась рядом и тактично, а иногда не очень, мешали своим мужьям и курортным друзьям в их устремлениях. Дольше всех держались преферансисты, но за несколько дней пара компаний распалась, ну как играть, когда рядом такая девушка загорает и купается, а в купальнике Валерия производила потрясающее впечатление – для юного и стройного тела у нее были весьма округлые формы.

Наша компания не сдавалась и продолжала играть, правда если раньше мне просто не везло, то теперь добавились и мои собственные ошибки – никак не мог сосредоточиться, вместо дам мне чудилась прекрасная девушка и естественно я проигрывался в прах.

По слухам за Валерией серьезно ухаживали несколько лучших кавалеров санатория, говорили, что ее появление разорвало пару серьезных романов, но никто не мог похвастаться даже малейшей взаимностью. На предложения пойти в рестораны и на одинокие прогулки она отвечала отказом и все время проводила в стенах санатория, преимущественно на пляже. Веселая и раскованная, остроумная в общении, она ставила как бы непреодолимую преграду для всех кавалеров, когда дело доходило до прямых проявлений чувств.

Рядом с пляжем располагался бар, где продавались коньяки, коктейли любой крепости, вино и лимонады. Особым шиком считалось угостить своих дам или попутчиц новым напитком Пепси-кола. Поскольку мои финансы пели романсы, в отличие от своих партнеров я пил в баре даже вечером преимущественно Пепси-колу. Однажды вечером в окружении нескольких поклонников в бар вошла Валерия, где я пил свое Пепси, и стоя у стойки оживленно беседовали. Кавале-

ры заказали себе и девушке крепкие коктейли, но она не захотела пить, отшучивалась, что вступила в общество трезвости и тут я неожиданно для себя предложил ей попробовать Пепси-колу и не дожидаясь ответа принес бутылку и стакан. Как я потом узнал, она пробовала Пепси уже много раз, но мне сказала: «Необычный и приятный вкус - спасибо, я давно хотела попробовать». Кавалеры заказали бутылку коньяка и несколько бутылок Пепси и пригласили меня и Валерию за столик. Обстановка неожиданной и желанной встречи, слабый мерцающий свет, шум волн в нескольких метрах от бара – все это завораживало и возбуждало меня какими-то неясными надеждами. Неожиданно для себя я завладел вниманием Валерии, и мы разговорились. Оказалось, что мы из одного города и живем почти в одном районе. Потом выяснилось, что ходили мы в одну и ту же музыкальную школу, только я на 5 лет раньше окончил школу, но она даже помнит мой выпускной вечер и меня, как лучшего пианиста выпуска. Наша беседа непринужденно перешла на новые темы, и мы не заметили, как ее поклонники пересели за другой столик. Валерия рассказывала смешные истории из жизни кафедры истории, где она работала ассистентом, мы смеялись, а я все смотрел и не мог наглядеться на нее и впервые в жизни почувствовал необыкновенное чувство восхищения и радости. Незаметно пролетели несколько часов, бар закрывался - и мы с удивлением обнаружили что сидим одни. Я проводил ее до номера и хотя идти было минут пять – наша дорога заняла около часа. Неизвестно почему, оба решили идти дальней дорогой, фактически огибая огромную территорию санатория.

Мы шли молча, взявшись за руки и мне казалось, что за нас все сказала эта волшебная ночь, эти цикады, заглушавшие даже звуки волн, лениво бьющих в берег и тихо перекатывающих гальку. Легкие облачка не позволяли полной луне полностью освещать нас и часто мы шли в полной темноте, внезапно разрывавшейся проносившимися темно вишневы-

ми облаками. Внезапное чувство единения охватывало нас все сильнее и сильнее и когда Валерия оступилась, и мне невольно пришлось обнять ее, мы несколько минут не могли отодвинуться друг от друга – столь сладостным было объятие. И только озорница луна, осветившая нас, заставила идти дальше.

С этого дня мы стали видеться с Валерией ежеминутно, ради меня она оставила волейбол и другие подвижные игры и теперь мы сидели вместе на пляже, и она наблюдала за игрой нашей компании. Партнеры и все окружающие очень удивились внезапной перемене в настроении Валерии, женщины и девушки санатория восприняли это с большой радостью и некоторым злорадством, для молодежи и испытанных кавалеров это был внезапный удар.

В игре мне начало везти как никогда в жизни – я покупал любые мизера и не ловился, расклады были всегда в мою сторону, я рисковал безоглядно, ощущая рядом ее присутствие и всегда крупно выигрывал. Через несколько дней мои партнеры решили избавиться от меня – зная, как я сильно рискую и предложили утроить вист, ожидая, что я проиграюсь при столь безответственной игре. Но на их несчастье, все вышло наоборот - карта опять повернулась ко мне и я выиграл за несколько дней небывало крупные деньги. Через неделю компания временно распалась и мне было сказано, что я опять не вписываюсь в общую статистику – тебе так везет в любви и карты тебя любят.

С Валерией я проводил все время, с утра мы купались или я расписывал пульку, после обеда она приходила ко мне в номер, и мы дурачились, играли в шашки, читали книги или просто обнявшись, лежали рядом. Нам всегда было интересно быть вместе, иногда не произнося ни слова за несколько часов, мы прекрасно понимали и чувствовали друг друга. Вечером мы ездили в Сочи и на выигранные деньги побывали во многих ресторанах, а в некоторых метрдотели специально

держали для нас столик. Как-то она мне призналась, что была влюблена в меня по-детски еще в музыкальной школе и сразу узнала меня, когда я закашлялся, но ждала, когда я сам подойду к ней, будучи уверена, что я тоже узнал ее.

Так длилось недели две, окружающие были убеждены в наших отношениях, но внутренняя чистота и воспитание Валерии не позволяло нам дойти до естественной близости между любящими сердцами. Она понимала, что мучает и себя и меня и ждала от меня решительного шага, но я не настаивал, хотя безумно желал ее.

И вот однажды вечером, под закрытие, мы сидели в баре санатория, и Валерия попросила меня купить Пепси – мы выпили бутылку и сидели, взявшись за руки, убаюканные ровным шуршаньем волн. Я почувствовал, что наступила решающая минута, ведь до нашего отъезда оставалось три дня и, поцеловав ее, произнес: «Навсегда?» И она ответила одним движением лучистых глаз – «Да».

Утром мы собрали чемоданы и переехали в номер-люкс, заказанный мной в Лазурном.

Через три дня мы уезжали в Москву мужем и женой и вот уже двадцать пять лет как не расстаемся ни на неделю. Выросли сын и дочка и все очень любят Пепси-колу.

Третья часть Марлезонского балета

В разгар борьбы с пьянством и алкоголизмом меня послали на очередное дежурство в ДНД. Стоял прекрасный осенний день, хотелось гулять и наслаждаться местными достопримечательностями, но участковый вместо маршрута по району направил в отделение милиции, недавно переехавшее в особняк, ранее принадлежавшее детскому саду. В отделении мне сразу дали вводную – буду сегодня понятым, предстоит тяжелый день. Все бригады уже на объектах, скоро доставят первых задержанных. Над обезьянником висел плакат, излагавший основные направления перестройки, с учетом ускорения трезвой жизни населения района.

Вскоре привезли первую партию задержанных и, что удивительно, совершенно трезвых. Сержант по-быстрому составил рапорт и побежал обратно к уазику, крикнув на ходу, что работы сегодня будет много. Минут через десять доставили еще несколько групп задержанных. Обычно из обезьянника раздавались пьяные голоса, кто-то лежал на лавке – на этот раз творилось нечто необычное. Задержанные сидели тихо и тоскливо смотрели в одну точку за спину дежурного. Заинтересовавшись, я подошел поближе и увидел около дежурного несколько бутылок вина и водки, причем даже не откупоренных. В это время подошли несколько офицеров отделения, некоторые в штатском и забрав бутылки, уехали, сказав дежурному, что начальство срочно вызвало весь личный состав на операцию.

Дежурный быстро оформлял задержанных, но обезьянник не пустел, непрерывно подъезжали машины, доставлявшие нарушителей. Офицерский состав трудился не покладая рук, но, в отличие от сержантского, не отдавал бутылки дежурному, видимо складируя их в комнате вещьдоков.

Часа через два поток несколько замедлился, офицерский состав, устав гоняться за преступниками, расположился неподалеку – в садике перед входом. Скоро оттуда послышались оживленные голоса, потом крутой мат, выйдя покурить, я увидел, что многие офицеры уже не вязали лыка.

Привезли очередную партию и с ними женщину, довольно интеллигентного вида. Дежурный не успевал оформлять, в обезьяннике сидело уже человек сорок, так что вновь прибывших, пришлось буквально впихивать. Зрелище абсолютно трезвой толпы производило странный и загадочный вид. А в пяти шагах от настороженно внимающего обезьянника шумело веселье, слышался отборный русский мат, пара офицеров уже выясняли отношения.

Наконец я понял методику операции «трезвость». Люди в штатском с ранее реквизированной бутылкой располагались в кустах около магазина и работяги, увидев безопасное место, где уже пьют, безбоязненно становились рядом, откупоривали бутылку и, не успев выпить ни глотка, сразу попадали в руки блюстителей трезвости. В конце дня весь личный состав отделения еле держался на ногах, и только дежурный, непрерывно, как робот, оформлял задержанных.

Неожиданно из райотдела приехал майор, проверяющий операцию и, получив несколько бутылок, быстро исчез.

Интеллигентка из обезьянника принялась выяснять отношения и стыдить милиционеров, но ее голос утонул в мате борцов за трезвость, и вскоре она замолчала.

Через час сквозь густой мат стали пробиваться революционные песни, типа «Он закрыл свои карие очи» и я, поняв, что оставаться тут небезопасно, отпросился у дежурного.

Дома, долго не мог уснуть – перед глазами стоял обезьянник с боязливо теснившимися людьми и слышалась перестроечная частушка в исполнении офицеров: «Моя милка подо мной делает движение, толи хочет перестройки, толи ускорения» …

Флоринда

Я встретил ее в ту прекрасную и удивительную пору, когда водка стоила четыре двенадцать, а плавленый сырок пятнадцать копеек. Была она в меру кокетлива и игрива, налет молодости и беспечности придавал ей особый шарм. В компании Флоринду любили и ухаживали наперебой.

Первый раз я увидел ее в нашем пивбаре в конце мая. Стоял обычный ровный гул голосов, и вдруг народ оживился, послышались крики «Флора, сюда, сюда к нам, ребята – пару пива» и к соседнему столику подошел среднего возраста мужчина в засаленной спецовке с обезьяной на плече. Ему тут же

поставили кружку пива, и что удивило меня, прежде всего мужичок напоил пивом обезьяну и только потом сделал несколько глотков сам. Обезьяна вела себя как завсегдатай, спокойно пила пивко, не обращая внимание на окружающих. Мужичок достал из кармана спецовки плавленый сырок, обезьяна тут же села на стол и не торопясь, развернула его и съела. Вокруг начал толпиться народ, незаметно появилась бутылка водки, потом еще две. Мужичка все наперебой угощали, он не отказывался, но перед каждым принятием водочки, обязательно давал отпить пива Флоре, как называли обезьяну в компании. Очень скоро мужичок здорово набрался, его посадили прямо на бетонный пол и продолжали гулять. Обезьянка сидела рядом с ним, тревожно гукала и дергала его за спецовку. Один раз наши взгляды встретились, и мне показалось, что Флора просит меня помочь. Я подошел к ребятам и сказал, что мужичка надо отвести домой, но провожатых не нашлось, и мне самому посоветовали помочь Федору. Я приподнял Федю, обезьянка мгновенно вцепилась и прижалась к нему, и мы пошли. Мужичок шел на автопилоте, минут через десять я доставил его домой. Занимали Федя и Флора комнату в общей квартире. Комната была обставлена аскетично – стол, один стул, пара деревянных ящиков и маленькая армейская железная кровать. Федя мгновенно уснул, а Флора легла у него в ногах, кажется, задремала, и я ушел не попрощавшись.

Несколько дней спустя, я опять встретил эту парочку в пивбаре. Федя стоял один у столика, а обезьянка прихлебывала пиво из маленькой кружки. Никто не угощал их, выражение у обоих было тоскливое, взяв пару кружек, я подошел к ним. Федя безразлично посмотрел, не узнав меня, зато обезьянка явно вспомнила и, несомненно, обрадовалась – радостно загугукав. - - Смотри-ка, Флоринда тебя знает, а я не припомню, – радостно произнес Федя, залпом выпивая кружку. Мы выпили еще по паре, а потом разбавили это дело портвейном, Федя расчувствовался и поведал, что обезьяна его кормилица

– он то ведь пьет, а денег только на неделю хватает, вот они с Флориндой и кормятся у пивбара. Обезьяну по пьянке ему отдал один парень, который потом куда-то пропал. Жена у Феди ушла года два назад, да он и не жалеет, деньги постоянно требовала, а Флоринда сама зарабатывает и его кормит, так что: «Флорочка», и он даже прослезился: «У меня лучше любой жены». Обезьянка на этот раз вела себя как-то кокетливо и игриво, постоянно щипала меня и старалась обратить на себя внимание. Скоро я ушел, оставив их в большой компании.

Следующая встреча произошла уже в сентябре, я случайно столкнулся с ним на улице. Вид у него был настолько потерянный и озабоченный, что я поинтересовался, что произошло. Федор поведал, что работает на автобазе трактористом и отношения с начальством плохие – придираются все время к нему. А вчера он выпил не денатурат, как обычно, а тормозную жидкость и по пьяни не помнит, каким образом загребая мусор в овраг, не рассчитал и кувырнулся вместе с трактором. У Феди ни царапины, а трактор всмятку - говорят, не подлежит починке. Теперь хотят отдать под суд, он не боится, «да Флоринда ведь пропадет, пойдет по рукам – погибнет». Я подумал, что надо попробовать сходить с ним на автобазу и поговорить с начальством, может удастся замять дело.

На автобазе я нашел начальника колонны и попросил его спустить на тормозах грешок Федора. Первым делом начальник потребовал от меня удостоверение личности, и я предъявил ему свой пропуск на работу. Потом то я понял, что пропуск сыграл основную роль в этом деле – он был красного цвета с эмблемой, похожий на герб и главное было написано «Центральная лаборатория Охраны Природы». Краснолицый начальник долго кивал головой на мои слова, а в голове у него явно крутилось слово «Охраны».

Позвали Федора и приказали ему в недельный срок восстановить трактор. Федор уже выяснил, что помялась только кабина и трактор почти на ходу. Объяснительную Федору

помогли написать товарищи по автобазе, и начальник сказал, что закроет дело. Правда, читая Федину объяснительную, он опять рассердился и сказал – переписать. Мы сели с Федей в уголок, и я помог состряпать бумагу.

Вечером, дома, я обнаружил у себя в кармане первую объяснительную Феди. Документ оказался настолько сильно и логично написан, что я позволю себе процитировать одну ключевую фразу: «Выполнял уборку территории. Маленько запачкался и решил помыть ноги тормозной жидкостью. Возможно, попало внутрь».

Недели через две я опять встретил Федора с Флорой в пивбаре. Федор, оставив компанию, подошел ко мне и долго благодарил – он снова работает, трактор восстановил и даже с начальством отношения улучшились после моего прихода.

Мы выпили по кружечке, и что меня удивило, Флоринда не хотела пить пиво и была явно не в духе, скандалила, бросала объедками со стола, то кричала по своему, то хохотала и даже швырнула солонку в мужиков соседнего стола. Федя на мой немой вопрос, сказал, что Флоринда начала спиваться: «Приучили гады пить вино, теперь спасу нет с ней, в доме все побила, был один целый будильник, так недавно запустила мне в голову и он разбился».

Последний раз я видел Федю уже зимой, в январе – сутулившись, он стоял у пустой стойки. Я поздоровался с ним, он узнал меня и обрадовался. Купив по его просьбе бутылку, мы встали в закуток, и вдруг он зарыдал, сквозь рыдания были слышны только слова «Флора, Флорочка».

Пока он не выпил пару стаканов, мне не удалось остановить его, наконец, я понял из его сбивчивой и горестной речи, что у него неделю назад украли его кормилицу Флорочку.

– Представляешь, четыреста рублей предлагали за нее, я не продал, а теперь украли гады, ну как я без нее?

Вскоре я переехал на другую квартиру и больше никогда не встречал Федора и его удивительную подругу Флоринду.

Палата N 5

Первый раз Николай Сергеевич почувствовал, что теряет зрение, спускаясь в метро. В глаза ему ударил яркий свет и неожиданно левый глаз стал хуже видеть. Он подумал, что соринка попала, стал тереть глаз, но мерцание и легкая пелена с края глаза не пропадала.

Через неделю, вынув плату из компьютера, он не смог увидеть переключатели платы и пришлось действовать на ощупь. Левый глаз постоянно напоминал о себе, и вскоре он уже плохо видел людей, идущих слева от него. Наверное, это возраст, ведь скоро пятьдесят, успокаивал он себя.

Через два месяца переходя улицу, он чуть не попал под машину, неожиданно появившуюся слева от него. Вспомнив фильм, где летчик постоянно оборачивался каждые сорок секунд, чтобы истребитель не зашел сзади, Николай Сергеевич стал на улице поворачивать голову налево, хотя это и причиняло определенные неудобства.

Он уже приспособился к пелене с края левого глаза, как вдруг однажды почувствовал некоторое неудобство в правом глазу – мерцание и такая же пелена с края глаза, как и в левом.

По утрам появлялась слабость, не хотелось идти на работу, и только усилием воли он заставлял себя. Зрение на оба глаза ухудшалось с каждым днем, и даже очки, которые он стал носить, теперь не помогали ему. Когда в очередной раз автомобиль чуть не сбил его, он понял, что надо идти к окулисту, наверное очки неправильно подобраны.

Окулист долго подбирала очки, но зрение не улучшалось, и она посоветовала пойти в нейрохирургический институт. В институте он попал на прием к ласковой старушке, которая тут же направила его на снимок головы. Николай Сергеевич недоумевал, причем тут голова, ведь зрение ухудшается, но врач, посмотрев снимок, огорошила его, сказав, что у него большая опухоль в турецком седле.

Ничего не понимая, он сидел и слушал врача, а она с упоением показывала снимок, где все так замечательно видно. Откуда-то сверху на него сыпались слова: «Обширная опухоль гипофиза, срочная госпитализация, у нас отличные врачи, иначе скоро полная слепота и ...».

Он долго гулял по улицам и все время думал, почему и как это случилось, что ждет его? Дома его дожидалась семья, он стал рассказывать и, не выдержав, разрыдался.

Через неделю жена провожала Николая Сергеевича в больницу. Старшая сестра отделения записывала его данные и поскольку жена стояла ближе к ней, объясняла, что надо принести в больницу – он почти не слышал, о чем они говорили, поразили его только слова: «И ночнушку не забудьте принести», и он понял, что речь идет о женской ночной рубашке. Жена не поняла, и долго переспрашивала, пока Николай Сергеевич не сказал, что в отделение поступает он, а не жена. Сестра, ничуть не растерявшись, сказала: «Тогда ночнушку приносить не надо».

Ближе к вечеру его отвели в палату, номер которой, как не старался, он не мог разглядеть. В двухместной палате его встретил молодой паренек, лет двадцати. Они быстро познакомились, оказалось, что это молодой солдатик последнего года службы, который уже три недели ждет операции. У него тоже проблемы со зрением и ужасные головные боли – долго не могли определить, пока из госпиталя не привезли сюда.

На следующий день после обхода, Николай Сергеевич вместе с лечащим врачом пришли к заведующему отделением. Первым делом зав отделением поинтересовался, кем работает больной, и в этот момент в его глазах почти натурально появились знаки доллара, которые то стояли неподвижно, то крутились во время беседы, как в кассе цифры, причем с разной скоростью. Узнав, что Николай Сергеевич работает в бюджетной организации ведущим инженером, он заметно помрачнел и доллары внезапно пропали.

Пройдя за несколько дней все анализы, Николай Сергеевич долго беседовал с лечащим врачом, который очень подробно спрашивал о реакциях организма буквально на все, в том числе и на магнитные дни. Приближался день операции, а Николай Сергеевич все больше удивлялся себе – ни одной мысли как о самой операции, так и о ее последствиях, хотя он отлично понимал всю сложность и неопределенность операции на голове. Опытные больные уже рассказали, как его будут оперировать, но это не расстроило его, хотя раньше он боялся любой боли и от вида крови его мутило. Порадовался он и тем, что операция по удалению опухоли будет проходить через нос, который сломают и затем на носу некоторое время будет сложное устройство. Больные сказали, что этот способ лучше, чем трепанация черепа.

Казалось, что приближающийся день совсем не тревожит его, он часто гулял по коридору, звонил домой из холла первого этажа и его голос звучал бодро, без тени волнения. Проходя по коридору отделения, он видел послеоперационных больных с набалдашниками на носу в виде рога носорога, но старался не думать о том, что ждет его. Только один раз его замутило, когда, ожидая лифта, стала падать в обморок больная с явными признаками трепанации черепа, которую соседка провожала на консультацию. Оказавшись рядом, он сумел подхватить ее, но сил не хватило и пришлось опуститься с ней на пол. Сопровождающая закричала, появился молодой врач и помог приподнять больную и посадить в кресло-каталку, привезенную соседкой. Больная была в глубоком обмороке, Николаю Сергеевичу стало не по себе, придя в палату, он чуть не заплакал.

В день операции он был спокоен и только одна мысль сверлила его, только бы не отменили, только бы скорее сделали операцию. И вот за ним приехала каталка. Две сестры помогли ему лечь, повезли по коридору, а потом на лифте и по этажу операционной. Его обдувал ветерок, ему было хорошо

и не одной тревожной мысли не возникало.

В предоперационной к нему подошел врач толстячок и стал расспрашивать, как его зовут, где он жил. Оказалось, что врач учился на Погодинке, рядом с его родной Плющихой. Быстро сделав укол, врач посетовал на плохие вены. Глаза Николая Сергеевича стали слипаться, голоса слышались как бы вдалеке, он помнил, как его везут в другие комнаты, что-то с ним делают, он ничего не чувствует и все…

Серая мгла обволакивает его, он пытается рассмотреть сквозь пелену, что там дальше и ничего не видит. Потом пелена рассеивается, он сначала чувствует, а потом видит себя маленького в огромном колесном механизме, где десятки огромных колес переходят во все более мелкие колеса. Колеса вращаются, и он перемещается между ними, ему интересно, а что дальше и вдруг он начинает переходить по все меньшим колесам, ему уже больно и страшно. Вскоре он попадает между очень плотными колесами, где он движется с большим трудом, внезапно он вспомнил, что если пройдет голова у человека, то пройдет и все тело, но голова не проходит, ее сдавливают острые железные зубья колеса, очень страшно и очень, очень больно голове.

Ужас объял его, он погибнет сейчас от этой боли, как вдруг, кто-то приподнял его сзади под руки и понес высоко, высоко. Ему очень хорошо, он пытается посмотреть назад и увидеть, кто спас его и носит так высоко, он даже чувствует легкое прикосновение к своей голове и успокаивается. Эта необыкновенная сладость полета продолжается долго, но вдруг приходит страх, а как же он опуститься на землю, он же разобьется и тут же ласковые руки или что-то, что он не может увидеть опускают его.

Он чувствует удары по щекам и слышит вопрос: «Как меня зовут?», понимает, что это врач и отвечает: «Алексей Николаевич». Потом опять пустота и его будят ударами по щекам в послеоперационной палате: «Коля, не спи, не спи

Коля». Его пронзает ясная и понятная мысль, он жив, он жив, сейчас он встанет, надо сказать им, что он жив, и он кричит изо всех сил, так что могут лопнуть жилы. Но слышит только писк, сравнимый с писком комара, он опять кричит и проваливается.

Удары по щекам: «Коля не спи, нельзя спать, дыши глубже, дыши» и слышит, как медленно что-то бухает в углу большой палаты. Он начинает дышать глубже и чаще и слышит, что «это» бухает ритмичнее и сильнее. Ему хочется спать, глаза закрываются, ему все равно, раздается громкий молодой женский голос: «Дыши Коля, как жаль, если помрет такой симпатичный мужчинка». Он внезапно понимает, что это он мужчинка и надо срочно дышать, он не хочет умереть, когда уже все позади и начинает усиленно дышать и вместо угасающего, слышит ритмичное и громкое буханье.

Сестра везет его на каталке, он видит родные стены отделения и вот открытая дверь его палаты и он перелезает на свою кровать. Он открыл глаза, жена спрашивает: «Коля, хочешь попить?», пьет воду и засыпает. Вечером ему хочется привстать, лежать очень тяжело, болит голова, да и дышать трудно, на носу какая-то загогогулина, его тянет кашлять, что-то попадает в горло, сестра говорит, что кашлять нельзя – терпи.

Приходит незнакомый врач в возрасте и спрашивает, как самочувствие – сестра говорит: «Посмотрите, у него глаза красные», на что врач отвечает, что у него глаза тоже красные, ничего страшного. Жена дает Николаю Сергеевичу попить, он просит сока и его рвет кровью.

Он уже четвертый день лежит в постели, приподниматься ему нельзя, дежурная сестра сказала: «Приподнимешься – умрешь». Боль в голове невыносимая, особенно по ночам и ранним утром. Жена все ночи и дни рядом, кормит и следит за ним.

На второй день увозят на операцию солдатика, он прощается с ним, и его душат слезы. Иногда его возят на перевязку, колют пятнадцать уколов в день и на четвертый день врач с гордостью показывает ему маленькую пробирку с синеватой жидкостью: «Вот как мы вас лечим, посмотрите какой цвет» и Николай Сергеевич понимает, что выкарабкался.

Солдатик вернулся, у него была многочасовая операция с трепанацией черепа. С ним неотлучно находится его мать. До операции несколько угрюмый и замкнутый, сейчас он разительно переменился, много разговаривает и в хорошем настроении. Сразу же к нему пришла старушка невропатолог в высокой накрахмаленной шапочке и басом стала расспрашивать его: «Виталий, где мы с тобой в последний раз виделись?» – он сразу отвечает: «На балконе с вами гуляли», на что старушка удивленно подняла брови.

– А как ты попал в больницу? – он силится вспомнить и говорит – Не знаю.

После операции Виталик потерял память, последние месяцы полностью стерлись у него. Старушка отрабатывает каждый день, но как большинство психотерапевтов, сама немного не в себе, так что их диалог ужасно смешит меня, а смеяться тоже нельзя и приходится закусывать губы.

– Виталий, – говорит она в очередной раз, – как ты попал в больницу? – он силится вспомнить и радостно кричит – Вспомнил – меня ранило в Чечне.

– Нет, Виталий, подумай хорошо.

– Точно вспомнил, нас ранило в Чечне, меня и дядю Колю – и старушка удивленно посмотрела на Николая Сергеевича, пытаясь, что-то вспомнить…

На четвертый день Николаю Сергеевичу сняли сложную конструкцию с носа. Было довольно больно, но врач сказал, что пойдет немного сукровицы и все. В палате он все ждал, когда кровь прекратит идти, кровотечение не проходило, и жена побежала к врачу. Через час его опять повезли в перевязочную, где врач укорял его, что все правильно, зачем беспо-

коится…

Время шло, он понемногу стал вставать и расхаживаться. С каждый днем силы прибавлялись, Николай Сергеевич ездил на другой этаж ремонтировать свой нос, это была болезненная процедура, от боли слезы сами лились из его голубых глаз.

Видеть он стал явно лучше, правда выяснилось, что левый глаз совсем не видит – опухоль стерла, но правый восстановился полностью и теперь, проходя мимо своей палаты, он с гордостью смотрел на надпись – Палата N 5.

Орел Пржевальского

Наше НИИ занималось разнообразной тематикой – от биологической рекультивации земель до разработки научных основ охотничьего хозяйства. Институт сидел на скудном пайке, являясь НИИ второй категории. Молодые специалисты приходили на 85 рублей и за 3-4 года вырастали до младших научных сотрудников с окладом в 105 рублей. Естественно, жить на такие деньги даже 30 лет назад было трудно, и все сводилось к ожиданию весенне-летнего сезона, т.е. полевых работ. На этих работах можно было иногда урвать ставку рабочего, что составляло не много – не мало, а целых сорок пять рублей. Опять же ягодки, грибочки, а где и дичинку можно подстрелить. Были и особо выгодные полевые заезды, например, исследование животного мира высокогорья Средней Азии месяца на два-три.

А поскольку основным выходом работы НИИ были научные отчеты, которые в дальнейшем никто не читал, то естественно руководство в лице директора стремилось ознакомить сотрудников, так сказать, воочию с результатами исследования отделов. И после полевых сезонов устраивались доклады сотрудников обычно с показом диапозитивов.

На этот раз докладывал об особо блатной поездке лучший друг директора, старший научный сотрудник В.И. Ивановский, за глаза всеми называемый дядя Витя. Дядя Витя был добрейшим и компанейским человеком, прожившим большую научную жизнь.

Правда, большинство сотрудников НИИ знало, что основу этой жизни составляли охота и выпивка. Но до перестроечной вакханалии по борьбе с пьянством было еще далеко и на такие мелкие грешки, как постоянные выпивки, смотрели не очень строго.

И вот около ста сотрудников института ожидают выступление докладчика с показом слайдов. Итак, дядя Витя встал около экрана, техник занял место у проектора.

Сначала вступительное слово директора о важности поездки по горным регионам Средней Азии и т.п. Далее дядя Витя довольно кратко обрисовал маршрут поездки. Протяженность поездки по горным районам и всего за 2 месяца впечатляла. Основу доклада, как сказал дядя Витя, составит показ слайдов. Он особо подчеркнул в своем кратком предокладе, что его экспедиция – поистине прорыв в науке, поскольку ему удалось проникнуть в те горные районы, где не ступала не только нога европейца, но и сами местные жители практически не бывали. А уж богатейший животный и растительный мир, заснятый на пленки, позволит институту сразу войти в число передовых научных коллективов мира.

Причем немногочисленность научной экспедиции, а с дядей Витей ездил только его друг фотограф, была отмечена самим директором как доказательство исключительно научной целесообразности и заботе о финансовых возможностях института.

Свет погасили и начался показ слайдов с пояснениями дяди Вити. Первоначально, объектом исследования, как сказал докладчик, стало высокогорное озеро Иссык-Куль, базой был избран город Пржевальск, а точнее музей великого исследователя Пржевальского.

Сейчас, сказал дядя Витя, мы коротко покажем вам этот замечательный музей и далее, и он сделал паузу – вас ждет научная сенсация.

Около десятка цветных слайдов представили действительно прекрасную панораму музея, находящегося на вершине горы, с которой открывался прекрасный вид на предгорья .....

Да и сам музей, построенный еще до революции, был необыкновенно хорош. Особенно впечатляла белоснежная стела, высотой метров восемь, на вершине которой как бы парил огромный бронзовый черный орел.

Из этих десяти слайдов, примерно семь было посвящено этой стеле, сфотографированной с разных сторон и ракурсов. Неизменным оставалась только фигура Дяди Вити около стелы и тоже в разных ракурсах. То он смотрел задумчиво вдаль, то обнимал сотрудников музея, то с каким-то узбеком сидел у подножья стелы с пиалой в руках.

Стела, конечно, очень понравилась сотрудникам, но все ждали научной сенсации. А докладчик продолжал – после двух дневного пребывания в Пржевальске мы отправились в ущелье ...и там...

И дядя Витя очень живописно начал обрисовывать трудности перехода по горным кручам и страшным ущельям. Но в это время на экране неожиданно появился новый слайд с изображением все той же стелы, но с довольно оригинального ракурса.

Дядя Витя лежит под стелой с пиалой в руках, орел на стеле парит, а на постаменте стелы стоит чекушка водки и легкая закуска.

В зале прошел легкий шумок, кто-то прыснул в кулак. Немного замявшись, дядя Витя продолжал - ... в ущелье мы попали под страшный сель и лишь чудом избежали смерти....

Но в это время новый слайд – и дядя Витя около все той же колонны с орлом, но уже на осле, поддерживаемый двумя

узбеками в халатах и все явно навеселе.

В зале прокатился нервный смешок, кто-то истерически всхлипнул. Следующие слайды продолжались в том же духе. Зал начал хохотать, причем, поскольку все проходило в полной темноте (завесили все окна), сотрудники не стеснялись друг друга.

Когда первый порыв смеха стал ослабевать, на экране появилось два-три слайда с горными пейзажами, причем довольно заштатными. Сотрудники начали понемногу успокаиваться и даже шикали на особенно смешливых. Зал потихоньку затих, но когда опять появился черный орел на стеле, а под ним распростертый дядя Витя, но уже в новом ракурсе – в зале произошел обвал, начался дикий, несмолкаемый хохот, переходящий в истерику, женщины визжали, мужчины гоготали, и это в течение 15-20 минут подряд.

Иногда, правда, кто-то внезапно замолкал, утирая слезы, при виде необычного пейзажа, но новый слайд из музея Пржевальского, особенно этот парящий орел на стеле добивал самых сильных. И стоило в зале кому-то истерично засмеяться, как зал опять бесновался. Хохот стоял такой, что казалось обрушаться стены старого особняка, в котором размещался НИИ. Голос дяди Вити не был слышан, да никто уже и не прислушивался.

Минут через десять у некоторых сотрудников началась настоящая истерика, причем от дикого смеха схватывало животы, некоторые сползали с кресел. И естественно одна часть зала заражала другую.

Наконец смех немного притих, слышны были только отдельные всхлипывания и стоны. Дядин Витин голос окреп, и он продолжал о сложностях экспедиции и лишениях в горах.

Но стоило опять появиться орлу на стеле, на этот раз без дяди Вити, как это вызвало массовый истерический хохот, и это уже было безумие. Такого хохота, вернее страшного визга, стона, нервных восклицаний я за свою жизнь никогда не

слышал.

Итак, массовое безумие продолжается, половина зала уже сползла с кресел.

Спас нас директор, включивший свет. Сотрудники боялись смотреть друг на друга – лица у всех красные, слезы льются градом.

Директор начал отчитывать дядю Витю за неподготовленность доклада, тот вяло возражал, всхлипывания продолжались еще несколько минут. Всем было страшно стыдно за свои слезы, но главное, это боязнь опять кому-нибудь рассмеяться. Все понимали – один смешок и опять все по новой, но на это уже не хватит человеческих сил. Стараясь не смотреть друг на друга, сотрудники быстро разошлись по отделам.

Как потом выяснилось, слайды подготовил и отобрал для показа фотограф, бывший с дядей Витей в экспедиции. Он уволился из НИИ за день до доклада, и подготовка показа слайдов было, наверное, его подарком дяде Вите и всем нам.

Первое поле

В семидесятых годах я несколько лет проработал в недавно образованном научно-исследовательском институте физико-биологической направленности. Институт довольно четко подразделялся на физические и биологические лаборатории. Совместных работ, как не старалось руководство института, практически не было. Биологи жаловались на отсутствие понимания своих проблем у физиков, физики возражали, что невозможно работать в условиях полного отсутствия повторяемости полевых опытов и соответственно невозможности применять физико-математические методы исследования. Правда, в кулуарах физики выражались более прямо, называя

биологов «наши меньшие братья по разуму».

Но, несмотря на явный антагонизм в научном мировоззрении, физики и биологи мирно сосуществовали, объединяло их почти полное отсутствие девушек и женщин у физиков. Молодые и не очень физики становились частыми гостями в биологических лабораториях, и это благоприятно влияло на общий научный потенциал института. Влюбленные физики помогали математически облагораживать опыты биологичек, и на удивление руководства за несколько лет число кандидатских диссертаций у женской половины значительно превысило количество диссертаций у сильного пола.

Я тоже был вхож в одну из биологических лабораторий и естественно страстно влюбился в очень симпатичную девушку – старшего лаборанта, недавнюю выпускницу биофака МГУ. Поскольку до диссертации ей было еще очень далеко, то покорить ее было трудно, тем более что она увлекалась, как и большинство в лаборатории охотой, а я в этом был профан. У меня были серьезные соперники и сплошь заядлые охотники с младенческих ногтей. У большинства были охотничьи собаки, о которых слагались легенды и любовь к которым, по-моему, превалировала над чувствами к прекрасному полу. Можно было сказать, например, «у тебя жена дура» и это проходило, но стоило усомниться в охотничьих качествах любимой собаки, как сразу возникала драка.

Рассказы об охотах длились часами, незаметно для себя я увлекся и решил стать охотником, думая, что тогда мои шансы покорить прекрасную старшую лаборантку значительно возрастут. Ребята из лаборатории дали мне рекомендацию в общество, я купил недорогую «тулку» двенадцатого калибра и теперь мечтал об охотничьих подвигах.

Как раз в это время один из молодых сотрудников лаборатории собрался на охоту и никак не мог найти напарника. Я упросил его, и Андрей решил взять меня на двухнедельную охоту, хотя его и очень отговаривали, рассказывая вся-

кие ужасные истории про новичков. Андрей долго колебался, особенно после моей неудачной шутки, когда на его вопрос, как надо обращаться с ружьем при слабой видимости, я сказал, что обычно стреляю на звук…

Путь до места охоты был весьма замысловат, мы доехали на поезде до станции на юге Архангельской области. Потом часов 10 ждали кукушку, единственное средство доставки до поселка при большом лагере заключенных. Андрей сразу предупредил меня, что говорить будет только он и действительно, поразившим меня мелодичным и чрезвычайно вежливым голосом, попросил машиниста кукушки отвести нас до поселка. Потом он мне объяснил, что это закрытая зона и нас могли не посадить без соответствующих документов, поэтому его обходительная манера общения необходима при всяком дальнейшем общении с местными. Часа полтора мы ехали без остановок и вот уже вечером Андрей и я шагаем по высоким деревянным улицам и переулкам поселка.

В свое время Андрей на охоте в этих местах познакомился при довольно странных обстоятельствах с начальником отряда заключенных старшим лейтенантом Михаилом Б. В прошлом году, охотясь на рябчиков в Архангельской глуши, он внезапно услышал сначала далекий, а потом все приближающийся лай собак и автоматные выстрелы. Через несколько минут из гущи леса на него выбежал огромный волкодав, которого с трудом сдерживал на длинном поводке солдат. Солдат так запыхался бежать, что не мог вымолвить ни слова и только рукой что-то показывал, а волкодав, как бешенный бросался на Андрея. Андрей понял, что надо сесть и закрыться рюкзаком от бросавшегося пса. Когда же появились еще несколько столь же ужасных собак со своими проводниками, то Андрей не на шутку испугался. Спасло его видимо то, что он носил бородку и усы, и солдаты поняли, что это не беглый зэк, а охотник и не спустили собак на него. Минут через десять подошли несколько солдат с автоматами и офицер с дробовиком. Офицер крикнул убрать собак, подошел к Андрею и приказал предъявить документы. Руки Андрея так дрожали, когда он передавал паспорт, что офицер довольно засмеялся и спросил: «Ну, как у нас собачки, неплохие?». Офицер был в хорошем настроении и, возвращая документы, спросил об охоте. Они разговорились, офицер оказался страстным местным охотником и собачатником, державшим пару гончих. Андрей предложил офицеру перекусить, они присели и распив бутылку водки, припасенную Андреем, скоро расстались совершенными друзьями. Михаил, так звали офицера, рассказал, что он командир отряда заключенных лагеря, находившегося в 30 км от этого места, и они ищут убежавшего зэка. При этом он заметил, что Андрею здорово повезло, иногда уставшие солдаты спускают охранных собак и те спокойно могут разорвать любого встречного. Андрей спросил: - «А что с зэком, найдут его?». Михаил ответил, что еще ни одного удачного побега не было. До станции километров семьдесят и если зэк успеет добежать, то возьмут там и добавят срок, а если мы возьмем в лесу, то или собаки разорвут, или уставшие и голодные солдатики, бегавшие по лесу сутки и более забьют насмерть. Уходя, офицер дал Андрею свой адрес и пригласил на охоту в здешние места.

Был тихий октябрьский вечер, солнце уже зашло, нас быстро окутала темнота, лишь кое-где в домиках светились окна и мы могли лишь угадывать направление движения. Вдруг из-за поворота в глаза нам ударил резкий свет прожекторов, послышался лай собак и гулкий, все набирающий силу голос толпы. Пройдя еще метров сто, мы увидели темные ряды зэков, стоящие на большой площадке и ожидающими прохода в зону.

Андрей сказал, что мы уже пришли, по узкой тропинке повел меня к маленькому домику, наиболее близко стоявшему к зоне. Михаил радушно встретил нас и мы неплохо провели вечер. К сожалению, оказалось, что он не может пойти с нами

и подробно рассказал, как добраться до места, где у него была припасена печурка и что жить мы будем в заброшенной деревне, находящейся в 14 км от лагеря. Вместо своих гончих он дал нам Амура, молодого кобелька своей гончей – помесь с караульным волкодавом.

Рано утром мы увидели посадку зэков на ЗИЛ-130. Кабина водителя была отделена от ряда сидений большой решеткой с загнутыми в сторону зэков острыми концами, между кабиной и решеткой сидело 2 автоматчика и караульная собака. Когда подошла следующая машина, я увидел, как конвоир подвел собаку к машине и она, мощно подпрыгнув, повисла лапами на высоком борту и затем легко подтянувшись, села на свое место.

Амур упирался и не хотел идти с нами, пришлось взять его на веревку. Большая часть маршрута проходила по прямой как стрела дороге, по которой развозили зэков на лесоповал. Через час я выдохся, рюкзак натер спину, легкий на ногу Андрей казалось не знал усталости, но попросить его остановится и передохнуть было неудобно. Еще через час Амур перестал упираться и пожелал идти сам. Достали ружья, надели патронташи– и Амур гордо побежал впереди нас. Внезапно, откуда-то сверху послышался гул, вылетела глухарка, мы с Андреем одновременно вскинули ружья и два выстрела слились в один. Перелетев дорогу, глухарка гулко упала в лесных зарослях. Поскольку определить, кто попал, было невозможно, оба решили, что это общий трофей и Андрей торжественно поздравил меня с первым в жизни «полем».

Домик Ленина

За год до празднования столетия вождя художественная самодеятельность нашего вуза отправилась в Ульяновск по приглашению местного университета. Поездке придавался большой политический смысл – студенты должны были увидеть собственными глазами город Ленина, посетить строящийся мемориал и, конечно, сам дом Ильича. Парторг института обратился к нам с напутственной речью, было сказано, что на нас лежит высокая ответственность студентов столичного вуза и нам оказана честь посетить город, где прошло детство и становление вождя, и это в то время, когда империалистический враг не дремлет и надо сплотить ряды и…

И вот десант столичного вуза в количестве двадцати бойцов, включая девушек, едет в плацкартном вагоне. Часа через два после отбытия, решили прорепетировать свою программу, в которой были и «песни о Ленине» и «стихи о Ленине» и еще многое такое. Достали аккордеон, контрабас и начали потихоньку петь, чтобы не мешать остальным пассажирам вагона. Удивительно, но часто репетируемая песня о Ленине не звучала, голоса не строили и большинством было решено для улучшения звучания перекусить. Быстро все вынули свои припасы и по бутылке портвейна на каждого. Закусив и запив портвейном, попробовали запеть – получилось значительно лучше, правда, репертуар существенно изменился – в основном шел Окуджава и Высоцкий. Незаметно было выпито еще по бутылке на участника художественного десанта, голоса звучали прекрасно, ребята распелись, пошла блатная классика, начался безудержный студенческий кутеж, а поезд продолжал мчаться все дальше и дальше к городу Ленина…

Утром уже в студенческом общежитии выяснилось, что концерт под угрозой срыва – все солисты сорвали себе голоса и говорили преимущественно шепотом, чем удивили местных обитателей. Но народ был уверен, что можно вылечиться, тем

более что до концерта оставалось тридцать часов.

Поинтересовавшись достопримечательностями города, получили у прикрепленного к нам комсомольца ответ, что в город лучше не выходить, особенно под вечер, уж больно неспокойный у них район, а на выступление в местный клуб нас проводят. До вечера было еще далеко и часть десанта решила ознакомиться с городом Ленина, а заодно и пополнить запасы горячительного – исключительно для поправки голосовых связок. Общежитие располагалось на окраине города, сплошь застроенной однотипными хрущобами с редким вкраплением частных одноэтажных домиков. Решили поехать в центр, тем более что магазинов на месте не обнаружили, зато сразу привлекли к себе пристальное внимание местной доармейской молодежи. Центр, как и в большинстве старых русских городов, был невелик, но ухожен, старинные здания приятно смотрелись на фоне Волги, да и магазин нашли быстро.

Еще было не темно, когда мы возвращались в общежитие. От остановки в микрорайоне до заветного общежития было метров двести, но дались они нашей компании из пятнадцати человек нелегко. Я рос в Москве в довольно шпанистском районе, но увиденное окончательно отбило у меня охоту гулять по городу. Сразу на остановке нас встретила небольшая группа подростков, которая по мере продвижения росла и пополнялась более взрослым составом. Ребятки задирали наших девушек, говорили им гадости и перегораживали нам дорогу. Все бы ничего, да почти у каждого в руках были палки, булавы и цепи, причем некоторые булавы были утыканы гвоздями. Стараясь держаться вместе и не вступая в словесные дуэли, мы пробились, наконец, к дверям общежития, а удивленные, что мы не вступаем в драку, земляки Ильича напоследок пообещали более теплую встречу.

Потом мы спросили сопровождающего комсомольца, может они нас перепутали с кем-то? На что паренек успокоил нас, что нет, это обычный дневной патруль местной шпаны,

проверяющий свой район. Да и местные сегодня были настроены миролюбиво и нас встретили даже вежливо, главное не стоит сообщать им, что наша группа из столицы, тогда пощады не жди…

Вечером мы усиленно лечили связки и что удивительно, к концерту почти все подошли в отличной форме и песни о Ленине и стихи звучали со сцены во всю мощь. У меня был мало связанный с вождем номер – фортепианная соната Грига, но поскольку Ильич вроде бы любил классику, это было в русле нашего идеологического десанта.

После концерта были танцы, где я познакомился с Ирэн, третьекурсницей местного университета из местных поволжских немцев. Золотоглавая, с нежно молочным отливом кожи, голубыми глазами она очень понравилась мне. Оказалась, что живет она в том же общежитии, где мы остановились. Время пролетело незаметно, и я пропустил университетский автобус, на котором наши ребята уехали…

Весь вечер мы гуляли по центру Ульяновска, взявшись за руки, и мне стал нравиться этот удивительный город, где живет такая прекрасная девушка. К полуночи мы добрались до общежития и спокойно прошли никого не встретив, видимо местные юноши уже спали глубоким сном, набирая сил для боев местного значения. Мы с Ирэн жили в многоместных комнатах и единственным местом, где мы могли побыть одни, оказалась кухня. Полночи мы стояли, обнявшись и тихо целовались и только под утро смогли расстаться.

Утром меня разбудили голоса, ребята обсуждали вчерашний вечерний приезд на автобусе с концерта. Их организованно встретили все те же юноши, удалось пробиться только благодаря вышедшим на подмогу женщинам-вахтерам из общежития, но не обошлось без мелких травм. Через час должен был подъехать автобус для экскурсии по ленинским местам города. Я подумал, что надо проститься с прекрасной немкой и, сказав ребятам, что приду через десять, минут под-

нялся к ней на этаж.

Ирэн ждала меня в своей комнате, ее соседки недавно ушли на лекции, и мы остались одни. Я сказал, что мне на экскурсию, она ответила, что опаздывает на занятия, но оба при этом не могли сдвинуться с места. Скоро наши уста слились в долгом поцелуе…

Через час послышались громкие голоса – меня искали по всему общежитию. Минут через пять все затихло, не найдя меня, наши поехали на экскурсию к домику Ленина.

Мы так торопились с Ирэн, что забыли закрыть дверь в комнату. Часа через четыре она сказала, что скоро придут девочки с лекций и мне надо уходить. Придя к себе в комнату, я мгновенно и сладко заснул.

Разбудили меня ребята, приехавшие с экскурсии, а вскоре я уже спал на верхней полке плацкарта под стук стаканов и легкий ритм аккордеона.

В институте первым делом меня начали спрашивать: «Ну, как там дом Ленина, какие впечатления?» Пришлось вспомнить рассказы о Ленине и довольно точно воспроизводить обстановку дома и распорядок дня Володи Ульянова. А скоро я уже сам верил в то, что мне довелось побывать в этом чудесном домике.

Иногда, во время очередного рассказа, домик Ленина куда-то пропадал и передо мной возникал образ прекрасной Ирэн и негостеприимных земляков вождя.

Благая весть

Давно прозвенел будильник, но я никак не мог заставить себя подняться. Сон был необычно ярок, хотелось досмотреть, мама будила меня как всегда ласково, говоря: «Вставай сынок, опоздаешь на работу, вставай». Я знал, что она подойдет еще несколько раз, и ответил: «Сейчас, сейчас мамочка». И вдруг резко поднявшись с постели, вспомнил – нет мамы, уже полтора года, как она не будит меня.

Но ведь ясно слышен был голос мамы, ее рука так нежно касалась моего плеча. Это был лишь сон, старался я успокоить себя. Первый раз за все это время я увидел и услышал мамочку, она жива, не может быть иначе, это она дает мне знак.

Надо действовать, Иван Сергеевич сказал позвонить ему через неделю, он-то со своими связями наверняка узнает, что с мамой.

Но почему мама будила на работу, разве она не знает, что меня уже два месяца как уволили. Ужас обуял меня, наверное, я схожу с ума, ведь она не может знать, мои письма приходят обратно не распечатанными. Да я и не писал ей, что меня выгнали из треста как сына врага народа...

После завтрака, я взял вчерашнее письмо, где меня извещали о подселении в нашу квартиру семьи передовиков производства. Это ничуть не смутило меня, мысли были заняты только одним, скорее позвонить Ивану Сергеевичу. Набрав номер, я услышал заплаканный голос Нюси, домработницы семьи Ивана Сергеевича и попросил хозяина. К телефону подошла жена Ивана Сергеевича и довольно сухо сообщила мне, что муж в командировке, будет не скоро, и сразу повесила трубку.

Меня изумила ее холодность, несколько минут я просидел в задумчивости. Может позвонить ему на работу, узнать, куда он уехал и связаться с ним в командировке. Рука потянулась к телефону и остановилась на полпути – взяли Ивана Сергеевича, конечно взяли.

Какой я идиот, это же ясно как божий день. Заплаканная Нюся, механический, совершенно отстраненный голос жены...

Уж если взяли самого Ивана Сергеевича, дело плохо. Иван Сергеевич, Иван Сергеевич, что он говорил три года назад? Ведь он нам с мамой несколько раз повторял эти слова. Надо вспомнить, обязательно вспомнить, что он советовал тогда. Но что?

Мама еще не соглашалась с ним, они спорили, но о чем?

Север, север. Почему север, глупость какая-то. Вспомнил, он предлагал нам уехать из Москвы на строящиеся объекты за полярным кругом, рассказывал, что многие его знакомые уехали сразу после тридцать четвертого года. Тогда это казалось глупостью, и только сейчас я ясно понял смысл речей Ивана Сергеевича.

Да ведь и некоторые из наших хороших знакомых переехали из Москвы на северную периферию. Специалистов там не хватает, да и людей мало. За последние годы оттуда, по слухам, никого не забрали. Как я об этом не догадался. Ведь мог спасти маму...

Десять лет, десять лет. Может, ее направили работать по специальности? Нет, ерунда, она бы подала весточку. Но где она, как узнать, я бы пробился туда, устроился вольнонаемным.

А если за мной придут? Ведь уже два месяца прошло, по всем срокам должны были прийти. Тогда я никак не помогу маме. Что делать, надо что-то придумать? Север, север, надо срочно завербоваться, но на это уйдет несколько месяцев. Нет, не успею, надо подать бумаги и ждать, но не в Москве – уехать, быстро уехать.

Что было во сне, такой яркий и необычный сон? Мельница, зима, старик чудной с книгой. Вспомнил, Вася приглашал погостить в деревню, зайцев погонять на зимних каникулах. Поэтому, видимо, эта чертовщина с мельницей и приснилась.

Несколько часов я провел на телефоне, пытаясь найти организацию, вербующую на север. Мне повезло, и через час было приказано явиться в отдел кадров с документами.

Ранние сумерки еще только угадывались, мела ленивая поземка, и только стремительно проносящиеся вишнево-багряные облака указывали на надвигающуюся темноту. Я ускорил шаг, поднимаясь по переулку к Плющихе, и в этот миг почувствовал чей-то взгляд, заставивший меня остановиться. В арке дома Архитекторов виднелась разрушающаяся церковь Благовещения Пресвятой Богородицы. Совершенно отчетливо я увидел, а скорее ощутил устремленный на меня из полуразрушенного алтаря кроткий и невероятно грустный взгляд лика Богородицы. Несколько минут я не мог отвести взгляда, резкий гудок чуть не наехавшей на меня эмки, заставил продолжить путь.

Как и ожидалось, вербовщик сказал, что оформление займет пару месяцев и скорее всего меня примут на работу. На следующий день, быстро собравшись, я отбыл к другу в деревню.

Вася учительствовал уже несколько лет и дослужился до

директора восьмилетней школы. Жил он с молоденькой женой в небольшой двухкомнатной квартирке при школе.

На следующий по приезде день, мы с Васей вовсю гоняли зайца по холмам и перелескам. Пара чистокровных гончаков и борзая не первых кровей составляли нашу свору. В первый же день мы наколотили десяток беляков, я же умудрился промахнуться по красавице лисице, за что был нещадно раскритикован другом. Я ожидал, что мы вернемся засветло домой, но Вася был неутомим, ночевать пришлось за пару десятков километров от школы в небольшой деревушке. Ночью я рассказал ему свою историю и попросил приютить меня на пару месяцев. Вася с удовольствием согласился, сказав, правда, что надо сходить к местному уполномоченному, с которым он водит дружбу по необходимости.

Вечером следующего дня Вася организовал грандиозное угощение у себя на квартире. Был выпит почти весь мой запас водки, привезенный из Москвы, жене уполномоченного подарены мамины гребни старинной работы. Расстались мы под утро закадычными друзьями с уполномоченным. Весьма пригодилась моя аспирантская справка, показанная как бы, между прочим. Мне было обещано любое содействие в трудоустройстве в Васину школу в качестве учителя географии и немецкого.

... Уже второй месяц я учительствовал. Сошелся с местными охотниками, мне даже подарили неплохого гончака. Зима была в тот год лютая, занятия иногда отменялись неделями.

Днями напролет я бродил по окрестным холмам и полям. Дивная красота местного края не приедалась мне. Каждый день я находил что-то новое и удивительное в заснеженном мире Переславского края. Холмы были столь велики, что в ясный день, стоя на вершине можно было просматривать округу на десятки верст. Маленькие деревушки с крохотными домишками по мере спуска с холмов то пропадали, то вновь

появлялись, что всегда удивляло меня. Когда мой гончак уставал, он находил кратчайшую дорогу к очередной деревушке, где мне был обеспечен отдых и тепло.

Иногда я оставался ночевать в деревнях. Ведя беседы за чаем с местными жителями, я был поражен настоящим русским гостеприимством, Никакие лишения и лихоимства местных властей не могли побороть в этих людях доброту и отзывчивость.

С нетерпением я ждал письма от вербовщика, несколько раз звонил в Москву, но безуспешно. Случайный звонок другу по школе серьезно обеспокоил меня. По слухам, за время моего отсутствия за мной приезжали из органов.

Однажды, в особенно лютый мороз, гоняя зайца, я забрел в одиноко стоящую деревушку, состоящую из большого дома, соединенного общей пристройкой с мельницей. Меня встретил злобным лаем барбос, похожий статью на волкодава. Чуть не опрокидывая будку, он кидался на меня, и только толстая цепь не позволяла ему вцепиться в ноги. На лай вышла миловидная женщина лет тридцати. Внимательно рассмотрев меня, пригласила войти в дом.

Пожалев гончака, я упросил ее пустить собаку в предбанник. Предложив хозяйке разделать на ужин косача, скинул на пол дубленку и сел поближе к русской печке, стараясь согреться. Сколько я дремал, а может быть, спал, прислонившись к печке, не помню, но разбудил меня мелодичный голос, зовущий к столу.

На столе дымился целиком запеченный косач, картошка, квашеная капуста, огурчики, маслята, рыжики в собственном соку и толсто нарезанные ломти ржаного хлеба составляли натюрморт русской кухни. Графин с «вином», как назвали местные жители самогонку, и две стопки дополняли картину ужина.

Ужиная мы разговорились. Ольга, как звали хозяйку, была одинока. Ее муж – мельник, лет пять, как пропал во вре-

мя очередной компании борьбы с частниками. Полгода назад к хутору прибился неожиданно объявившийся в здешних краях старик – поляк, назвавшийся Казимиром Ивановичем. Ольга призналась, что сама не понимает, как ему удалось уговорить взять его помощником при мельнице.

Старик оказался чернокнижником и колдуном. В здешних краях почти в каждой деревушке были свои колдуньи-целительницы, удивить этим было непросто. Но предсказания и привороты поляка были не просто действенны, они были страшны своей неотвратимостью. Несмотря на страх, внушаемый угрюмым колдуном, женщины окрестных, а то и дальних деревень почти каждый день приходили к нему. Принимал он не всех, часто бывал в плохом настроении, бранил и прогонял просящих со двора.

Всех потряс случай в ноябре. Большой свадебный кортеж по первому снегу летел по центральной улице большой деревни. Навстречу попался Казимир Иванович, не приглашенный на торжество. Возок жениха с невестой остановился как вкопанный перед колдуном, лошадь не шла, несмотря на удары кнута. Старик недобро посмотрел на молодых и пошел прочь. Только после этого лошадь пустилась вскачь. Во время свадьбы невеста внезапно вышла из-за стола и спряталась в сарае. На красавицу девушку нашла водобоязнь, она рыдала и пряталась. Через два дня она повесилась в чулане.

Незаметно пролетело время, ходики протикали восемь вечера. Уходить совершенно не хотелось. Перехватив мой взгляд на ходики, хозяйка, усмехнувшись, сказала: «Устала ваша собачка, переночуйте у нас».

Разговаривая, я любовался ее зрелой женской красотой. Среднего роста, ладно скроенная, статная, с темно русыми косами, заплетенными короной над головой, Ольга была прекрасна. Взгляд васильковых глаз, ясный и лучистый, казалось, проникал в самую душу. Незаметно для себя я стал рассказывать свою историю, совершенно не боясь, что меня может выдать незнакомый человек. Хозяйка внимательно слушала, не перебивая, только в конце сказала: «Главное узнать, где твоя мама, там, поди, сейчас полстраны, найти трудно будет, а что она жива, я твердо знаю».

– Почему? – спросил я.

– Я по твоим глазам вижу, жива твоя мама, конечно, жива, – произнесла она своим певучим грудным голосом.

Глаза мои наполнились слезами, я с трудом сдерживался, чтобы не разрыдаться.

– Не надо милый, все обойдется, – и она обняла меня, крепко прижав к себе. Комок в горле пропал, мне было удивительно спокойно и хорошо впервые за эти полтора года. Так мы просидели, обнявшись несколько минут, и я все боялся, что она отстранится, и вся сладость и спокойствие уйдет. «Казимир приедет недели через две, я упрошу его помочь тебе», – продолжала Ольга.

– А пока, иди покорми собаку свою, – и она вышла из комнаты.

Пока я кормил гончака, хозяйка привела с улицы цепного пса, говоря про лютый мороз. Полная луна освещала двор, запруду и мельницу. Вид был – сказочно-таинственный.

– Смотри, смотри милый, сейчас к нам придут гости, -как-то странно пошутила Ольга.

Вдруг поземка пропала и на лунной дорожке около запруды замелькали серые тени. Большая стая волков села полукругом и подняв морды, горестно завыла на луну. Суеверный ужас сковал меня, музыка их пения, тоскливая и непонятная завораживала.

–Не бойся, смотри, что дальше будет, – произнесла Оля. Неожиданно, как по команде, волки перестали выть и стали перемещаться сначала по малому, а потом и по все более большому кругу, приближаясь к дому. Внезапно они пропали, а через пару минут появились вновь, прыгая, кувыркаясь и гоняясь, друг за другом.

Перестроившись, серебристые волки стали скользить по запруде вниз к мельнице, съезжая как ребятишки с горки. Это так захватило меня, что я стал смеяться, мне стало весело и хорошо, захотелось пойти и поиграть с ними. Оля, уловив мое настроение, предупредила меня: «Осторожно, они заманивают тебя».

Игры волков продолжалось с полчаса. И так же неожиданно закончилось, как и начались. Потрясенный, я спросил Олю, давно ли волки приходят играть к ней на мельницу?

– С неделю как приходят, видимо Казимир прислал проверять меня. Я подумал, что это шутка и только впоследствии понял, что она не шутила.

Не помню, как Оля оказалась в моих объятьях. Помню только сладость полных губ, трепет ее податливого и невесомого тела.

С этого вечера началась наша любовь. Оля полностью заняла мою душу и сердце. Охота, уроки в школе, посиделки с Васей – все было забыто. Я что-то рассказывал детям, разговаривал с людьми, занимался какими-то делами и все это как бы в полузабытьи.

Через неделю каждодневные походы по десять верст вымотали меня и я упросил Васю на неделю найти замену в школе.

Нам было так хорошо с Оленькой, что словами это невозможно выразить. Все меня волновало в ней: страстность, нежность и внимательность, обаяние и грациозность движений зрелой женщины. Ее чудесный мелодичный грудной голос.

Я изумлялся ее способности каждую секунду чувствовать и знать о чем я думаю. В нашу вторую ночь она сказала мне: «Не беспокойся желанный, не мучайся, ты второй мужчина в моей жизни. После ареста мужа я никого не подпускала к себе, хотя охотников было предостаточно». И сразу после ее слов я почувствовал, как что-то нехорошее, гадкое ушло из

моего сердца.

Пошла третья неделя нашего счастья. Я стал замечать, что Оля иногда грустит, хотя всячески пытается это скрыть. На мой немой вопрос она ответила, что недолго нам осталось любить друг друга.

– Скоро ты далеко уедешь, я чувствую это. Да и Казимир завтра приедет.

– Разве Казимир написал, что приезжает? – спросил я.

– Не спрашивай, я знаю, что будет с нами, – с грустью ответила Оля.

В ночь перед приездом Казимира мы не спали, я клялся в своей любви, обещал, что мы не расстанемся. Оля лежала в моих объятьях и закрывала мой рот поцелуями. Вдруг тихонько звякнуло во дворе. Оля, мгновенно накинув тулупчик, выбежала на улицу. Не успел я выйти к ней, как она возвратилась с ошейником в руках.

– Унесли серые нашего Полкана, – невесело сказала Оля, – даже вякнуть не успел, это знак от Казимира, завтра точно приедет.

К полудню возок привез маленького старичка с небольшими пожитками.

Казимир Иванович с первого взгляда напомнил мне старого колдуна из русских сказок, только с пронзительным, неприятным взглядом Распутина. На меня он старался не смотреть, но я чувствовал всем нутром, что он знает все, что было у нас с Олей.

Оля накрыла на стол, я выставил коньяк. Ели мы молча, на все вопросы Казимир Иванович отвечал угрюмо односложно. Коньяк, правда, выпил с удовольствием. После обеда Оля отозвала меня и попросила оставить их с Казимиром на несколько минут одних. Она будет просить помочь мне.

Вернувшись, я застал Казимира довольным разговором, а Олю расстроенной. Оля сказала, что Казимир согласился погадать мне, но поставил условие, что при любом исходе, я

уеду. Я стал утешать Олю, говоря, что все это ерунда, мы все равно будем вместе. Но она твердо взяла с меня слово, что бы ни случилось сегодня, уехать.

К полуночи Казимир повел меня на мельницу. Под мельницей у него была кладовка, заваленная сушеными травами и разнообразными кореньями. «Сиди тихо и делай все, что я скажу», – приказал Казимир.

Из кучи кореньев он извлек большую, старинную книгу в потрепанном кожаном переплете и долго листал ее, всматриваясь в незнакомую мне письменность. Найдя нужную страницу, он стал водить узловатыми пальцами по строкам, раскачиваясь при этом. Постепенно я как бы впал в полузабытье, то ли от холода, то ли от нереальности происходящего. Я потерял время, и не могу сказать, сколько часов или минут, просидел так.

Отложив книгу, Казимир достал из заплечной сумки несколько сухих корешков и стал перетирать их двумя камнями необычной формы. Налив ключевую воду в небольшую плошку, он сначала насыпал туда искрошенных кореньев, а затем бросил несколько гладких черных камушков.

Упав в плошку, камешки неожиданно зашипели, изменив цвет.

– Смотри, – приказал Казимир, со страшной силой сжав мне руку.

Я стал напряженно всматриваться во вскипающую воду, но ничего не видел. Постепенно вода стала как молоко, а потом в ней появилось небо, заснеженное поле и много-много черных точек. Точки приближались, и я увидел темную колонну женщин в платках. Дрожь пробила меня, я старался поближе всмотреться. Худые изможденные лица, ватники.

И вдруг!

Я увидел маму. Нет, это не она, седые волосы пробиваются из-под нелепого черного платка, мама же не была седой. Вот она подняла голову и напряженно всматривается. Куда

она смотрит?

Она же увидела меня, это мамочка, моя мамочка! Я закричал: «Мама, мамочка, я здесь, я нашел тебя!». И в этот миг что-то зашумело у меня в голове, и я потерял сознание.

Очнулся я от звука капель, звонко бьющихся о ледяной пол. Оля стояла надо мной и лила воду из ведра на мою голову. Увидев, что я открыл глаза, она бросилась мне на грудь, я ощутил на губах соленые поцелуи:

–Милый мой, единственный, как ты испугал меня, никак не могла привести тебя в чувство.

Я рассказал Оле, что видел свою мамочку, она жива, но ей плохо. Я должен сейчас же к ней поехать. И тут же меня пронзила мысль, она жива, но где ее искать?

Казимир встретил меня недобрым взглядом и спросил: «Что тебе еще?»,

– Где найти маму? – почти шепотом спросил я.

– На север, езжай на север, – и он неопределенно показал рукой.

А через полчаса приехал верхом заледенелый Вася с телеграммой о моем назначении в «Воркута-строй». Странно, но я не испытал никакой радости. Старик же проявил явно несвойственное ему радушие, угощая Васю самогоном.

Оля собирала продукты на дорогу, я сидел рядом с ней и не мог вымолвить ни слова. Так продолжалось несколько минут. Наконец она произнесла:

– Желанный мой, не мучай себя, поезжай, и пусть Господь поможет тебе. Я никогда не забуду тебя.

Я знал, что надо говорить какие-то слова, но на меня как будто напал паралич. Я только судорожно сжимал ее в своих объятьях, и молчал, молчал. А Оленька шептала мне слова любви, нежные и грешные слова.

Через неделю я уже трудился на севере…

Прошло полгода, пока я нашел свою маму. Старик правильно указал направление. Но оказалось, что найти еще пол-

дела. Чтобы перевести ее с общих работ, пришлось браться за самые опасные проекты.

Конечно, я сильно рисковал. Невыполнение по срокам, не говоря о качестве, каралось в лучшем случае лагерем. Мне невероятно везло, я всегда находил нужных специалистов среди заключенных. Получив относительную свободу, приемлемый паек, они старались не за страх, а за совесть. Скоро меня повысили, и я сумел добиться перевода мамы на поселение, а через год на освобождение по болезни. Мама рассказала при встрече, что однажды на мгновение увидела меня в странной обстановке около мельницы.

В первые месяцы на севере от Оли несколько раз приходили письма полные любви и нежности. Потом она перестала отвечать на мои письма. Вася написал, что после моего отъезда ее преследовал своими чувствами местный начальник милиции. Натолкнувшись на неожиданный отказ, начальник устроил настоящую осаду. Для острастки даже упекли на неделю в каталажку Казимира. Вернувшись, Казимир застал пустой дом. Оля уехала, собравшись за один день.

Как я ни искал Оленьку все эти годы, так и не нашел.

Прошло много лет, мы опять живем с мамой в Благовещенском переулке. Удалось добиться возвращения нашей квартиры.

Каждый день, выходя из подъезда, я обязательно смотрю в проем арки дома Архитекторов, надеясь увидеть взгляд Богородицы.

Сволочь

Мой друг Петя познакомился с симпатичной студенткой в конце марта. Весь апрель и половина мая ушел у него на цветочный период влюбленности. Когда поцелуи стали длиться более пяти минут, Петр пригласил девушку к себе в гости. Жил Петр в центре Москвы в деревянном двухэтажном ба-

раке, стоящим островком среди панельно-блочных чудовищ. Барак окружал прелестный садик из яблонь и вишен, сурово охраняемый жильцами первого этажа во время урожая.

Родители Петра пару лет назад переехали в новостройку на окраине, а он остался хозяином двухкомнатной квартиры на втором этаже барака. Это обстоятельство весьма устаивало его друзей в качестве прекрасного места встреч и застолий, в том числе с прекрасным полом.

Пассия Петра согласилась прийти, но для подстраховки взяла подружку, кавалером которой был приглашен я. Мы с Петром заранее разработали сценарий встречи и пригласили девиц к девяти часам вечера, зная что, домой им добираться на другой конец города.

Ужин прошел прекрасно, девицы не жеманились и пили наравне с нами. Время пролетело незаметно и только в час ночи выяснилось, что возвращаться уже поздно. Петя остался со своей девушкой зале, а я увел ее подружку в другую комнату.

В окно комнаты бил густой запах цветущих яблонь, томительная свежесть ночи смешивалась с запахом сада и неудивительно, что вскоре я и аппетитная подружка студентки оказались в постели и забылись в неистовстве молодой страсти.

Скоро нас разморило, и мы провалились в сладкий сон. Проснулся я от подергивания девушки. Думая, что она ждет продолжения, я обнял ее, но она так сильно оттолкнула меня, что я чуть не упал с кровати. Девица прошипела, что ее всю ночь кусают клопы, она не может тут спать и собирается домой. Следует сказать, что клопы в Петькином бараке были действительно звероподобные - огромных размеров, они десятками одновременно атаковали спящих. Петины друзья сильно страдали от них и старались по возможности не оставаться ночевать. Что же говорить о нежных девушках.

Я понял, что, если она уйдет, вместе с ней и Петина лю-

бовь тоже. На утреннюю опохмелку у нас была припрятана бутылка вина, пришлось ради Петра пожертвовать своим здоровьем и выпить бутылку прямо в кровати, наливая побольше девице. Вскоре она заснула крепким сном, я же никак не мог уснуть и мне стали слышаться из соседней комнаты стоны и поцелуи, прерываемые Петиным голосом.

Минут через пять я понял, что дело у него не идет. Девица оказалось стойкой, и соглашалась только на поцелуи в положении лежа. Невольно я прислушался, в основном слышался Петин бас и только изредка ее слова: «Нет, не надо, потом, потом».

Возня и словесные перепалки продолжались всю ночь, и я никак не мог заснуть. Тем более что таких нежных слов от Пети я не ожидал услышать. Что там Шекспир и Данте, в эту ночь Петя дал бы им сто очков вперед. Когда уже начало светать, Петины слова и поцелуи видимо начали давать плоды. Но тут же я услышал его сдавленный просящий голос и догадался, что победа была неполной – была снята только юбка.

Я забылся на десять минут, но опять шуршание за стеной и Петин голос разбудил меня. Невольно опять прислушался и понял, что одержана очередная маленькая победа, но до полной победы было еще ой как далеко. Ужасно хотелось спать, а тут эти проклятые клопы переключились исключительно на меня, оставив видимо мою подругу в покое.

Совсем под утро, была одержана главная победа и, наконец, послышалось равномерное поскрипывание кровати и Петино сопенье. И вдруг из-за стены раздался сдавленный, страшной силы не то крик, не то стон Петра: «Сволаааачь, сними колготки».

Как я не сдерживался, я начал хохотать, и, по-моему, со мной вместе и клопы. И наш общий хор явно спугнул Петину любовь. Девушка вскочила с постели, за ней Петр, правда, обошлось без бурных объяснений.

Через полчаса, девушки уехали с первым автобусом.

Мы с Петром никогда не вспоминали эту историю, но кажется, в душе он простил меня.

Дуб и Умник

Надвигались грозные перестроечные годы, а наше отставание от супостатов в технологии все увеличивалось. На закрытых и полузакрытых совещаниях в НИИ приводились секретные данные из открытых иностранных источников о качестве нашей оборонной техники и об ужасающе низкой производительности труда. Опасаясь за наши умы, руководство НИИ сообщало самые безобидные сведения, из которых следовало, например, что даже в Германской Демократической Республике в НИИ, аналогичном нашему, на одного работника приходится в десять раз больше выработки.

Компании зажимания гаек стали проводиться все чаще и чаще, это давало определенные положительные результаты, увеличивалось количество завозимой в НИИ бумаги, вычислительный центр работал в три смены и выдавал горы информации.

Руководство НИИ создавало образцовые технологические подразделения, собирая лучших специалистов института. На первых порах это давало определенные, даже громкие успехи. Завоевывались медали на ВДНХ, иногда пробивались премии Совета Министров, на собраниях приводились примеры прекрасной работы подразделений, премии сотрудникам текли рекой. Проходило не более двух лет, как опыт замораживали, открывались невероятные приписки и обман головных заводов. Не поднимая большого скандала, подразделения расформировывали, сотрудники вливались в другие отделы, и все повторялось сначала.

Наши инженеры часто ездили в командировки во все концы огромной страны и побывали практически на всех предприятиях, аналогичных нашему НИИ. Из разговоров в

курилках следовало, что мы явно не худшие и создается такое впечатление, что настоящая работа идет где-то под землей в строго засекреченных местах, которые никто в стране не знает, даже из руководства. Из той макулатуры, что мы выпускали, невозможно было создать работоспособную технику.

Министерство тихо свирепело и по разнарядке из ЦК устраивало плановые разносы. За несколько лет сменилось несколько главных инженеров, не трогали только директора НИИ, свояка министра. Но все мы не вечны и в тот же день, когда умер всесильный министр, лишился своего поста и наш директор.

Новый молодой директор, бывший главным инженером последние полтора года, принялся за дело рьяно. У него давно созрела гениальная мысль сломать заведенный тематический порядок организации подразделений института. Для начала была проделана массовая реорганизация подразделений, некоторые отделения были переименованы в отделы, а отделы в отделения практически без изменения штатной структуры. Естественно, все это сопровождалось массовым переходом сотрудников из отделов в отделения и обратно. Большинство подразделений НИИ поменялись местами, ремонт шел повсеместно и весело. Сотрудники уничтожали ненужные, а часто нужные бумаги и документы, начальники устраивались на новом месте, работа кипела вовсю.

Через полгода выяснилось, что уже почти готовая разработка изделия провалилась по срокам и качеству. Последовали новые оргвыводы министерства. Нашли одного несчастного начальника отдела и крепко наказали. Отдел расформировали, импортное оборудование выкинули почти на улицу, сотрудники перешли в другие отделы.

Пару раз новый директор проделывал масштабные аналогичные маневры. Пока, наконец, его не осенило, переезды на небольшие расстояния в пределах нескольких этажей явно не дают желаемого эффекта. Необходимо было сочетать ломку

тематических подразделений с более массовым их переездом. Как нельзя лучше для его грандиозных замыслов подходили строения НИИ – огромную четырнадцатиэтажную башню и длинное пятиэтажное здание соединял стометровый коридор на уровне второго этажа. В свое время я читал о вавилонской башне и переселении народов, но то, что претворил в жизнь думающий директор, было куда масштабнее. Одним махом десятки отделов и отделений из «клюшки», как называли пятиэтажное здание, переселялись в «башню», а навстречу нескончаемым потоком из «башни» переезжали в «клюшку» практически все отделы, за исключением бухгалтерии и директорского этажа.

Безболезненно переселялись в основном отделы программистов и всякого рода вспомогательные отделы, перевозившие столы и шкафы. Тематикам и особенно конструкторам с их бесчисленными огромными кульманами, весившими по два центнера, приходилось несладко. Новенькие, недавно отремонтированные здания, стонали под напором сотен людей, упорно, как муравьи, штурмующих «башню» и «клюшку». Иногда потоки встречались в узких местах зданий, возникали пробки и конфликты, правда, в основном бескровные.

За пару недель, обив все углы, разломав десятки кульманов и сотни столов, переселение закончилось. Еще пара месяцев ушла на обустройство отделов, и началось воплощение идеи новатора-директора.

Прошло полгода и совсем неожиданно грянуло новое переселение, «башня» и «клюшка» опять менялись местами.

Народ настолько привык к переездам, а наш отдел переезжал за три года восемь раз, что это уже вошло в привычку. В некоторых отделах появилась должность как бы архитектора-планировщика и двухмесячное обустройство после переезда значительно сокращалось.

Естественно, ни о каком повышении производительности труда подразделений не шло и речи. Сам процесс настолько за-

тягивал руководство отделов, что наверх пошли собственные предложения о местоположении отделов, что обосновывалось повышением эффективности оборонных заказов.

В кулуарах, правда, высказывались иногда осторожные мнения рядовых инженеров о том, что мол, когда у мадам Алешкер в заведении плохо шли дела, то меняли девочек, а не переставляли кровати. Но кто слушал этих нытиков, когда НИИ решало столь масштабные дела.

Переезды, конечно, переездами, но начальство требовало и документацию на изделия. Хорошо было программистам – программа не железо и всегда, хоть как-нибудь, да работает. Труднее всего приходилось конструкторам, хоть умри, а чертежи выдай.

Люди в конструкторских подразделениях не задерживались и при первой возможности старались переходить в другие подразделения. Начальники у конструкторов, по слухам были чистые звери, сами из курилок загоняли людей в отделы.

Но был один начальник конструкторского отдела, одно имя которого приводило в трепет даже сотрудников соседних отделов. В бумажной работе, которой занималось наше НИИ, всегда можно было найти компромисс между делом и работой. Но только не у Дуба, как называли за глаза начальника конструкторского отдела.

Дуба начальство обычно приводило в пример социалистического отношения к труду. Его отдел выдавал горы чертежей по первому требованию руководства. Народ, естественно, у него не задерживался, текучесть кадров была наибольшей по институту. За это его иногда журило начальство, но несгибаемый Дуб считался лучшим руководителем подразделений НИИ.

Несмотря на старания руководства и пропускной режим, сотрудники НИИ жили своей, насыщенной личной жизнью. Собирались и праздновались дни рождения, женщины воспитывали детей, многочисленный прекрасный пол влюблял-

ся даже в конструкторов, угрюмые мужчины искали способ заработать лишнюю десятку – шла обычная жизнь советских учреждений. В нашем отделе сотрудницы собирали библиотеки и покупали почти все книжные новинки. Основным продавцом, как ни странно, был пенсионного возраста старший техник конструкторского отдела Дуба. Его сгорбленная фигура постоянно мелькала то в «башне», то в «клюшке». Поношенный, на три размера больше пиджак, скрывал сокровища книжного развала на Кузнецком мосту, а иногда простенькую детскую литературу для молодых мамаш. Брал он свои двадцать процентов с детской литературы, хорошие издания шли у него втридорога.

Сотрудницы за глаза часто ругали его кровопивцем и спекулянтом, но поскольку работал он по первому требованию, клиенты у него всегда были.

Вместо обеда, он бегал по соседним книжным магазинам, скупая всякую ерунду и что удивительно, находившую спрос в нашем НИИ.

Ходил он какой-то кособокой, подпрыгивающей походкой, весьма быстро преодолевая значительные расстояния между отделами. Зарабатывая весьма неплохие деньги, одевался он крайне плохо. Даже в лютые морозы его можно было встретить на улице в плаще болонья и легкой шапочке.

Каким образом он мог беспрерывно сновать по институту, одновременно работая у Дуба, для всех оставалось загадкой. На наши расспросы он хитро улыбался и говорил, что волка ноги кормят. Наши отдельские дамы прозвали его Умник, намекая на его умение прекрасно устраиваться, несмотря на любые веяния времени и зажимы руководства.

Загадку Умника я разгадал совершенно случайно. Меня попросили срочно сделать задание по статистике для сына заместителя Дуба. Задание в конце рабочего дня принесла очаровательная женщина, оказавшаяся этим замом. Поскольку задачи нужно было сдавать на следующий день, я попросил

ее остаться и подождать. Через два часа я отдал выполненное задание, довольная Алла Дмитриевна, как звали зама, упорно пыталась заплатить мне, но я упросил ее не делать этого.

Мы разговорились, и я прямо спросил ее, как Дуб смотрит на постоянное отсутствие своего сотрудника на рабочем месте. Алла Дмитриевна рассказала, что у них в отделе прекрасная дисциплина, начальник, чрезвычайно требовательный, если не жестокий человек по отношению к сотрудникам. Приходит на работу он на полчаса раньше, уходит на час позже, с обеда приходит на пять минут раньше и внимательно следит за выполнением внутреннего распорядка.

Старший техник работает в отделе больше десяти лет, конструктор он опытный, но как только выполнит работу, сразу уходит с рабочего места и пропадает несколько часов. Дуб начал бороться с техником своими обычными методами, сначала шли объяснительные записки, затем приказы по отделу, снижения премий, выговоры. Старший техник на это тихо возражал, что все задания он делает вовремя и с хорошим качеством. Тогда Дуб применил новую тактику и увеличил квартальные задания Умнику на пятьдесят процентов. Сотрудники отдела и так задыхались от объема работ, а тут такое увеличение, все подумали, что наступил конец хождениям старшего техника по НИИ.

Прошла пара месяцев. Умник опять стал ходить по отделам, продавая книги. Дуб потребовал у начальника сектора подробно проверить объем и качество выполненной работы. Получив ответ, что все выполнено точно и качественно, сам надолго погрузился в изучение чертежей.

Шло время, Дуб не мог допустить, что в его отделе, когда все стонут и работают по строго установленному им регламенту, какой-то Умник гуляет по институту и позорит его показательный отдел.

Задание для старшего техника было увеличено сначала в два раза, а через полгода в три раза. Но Умник все равно успевал выполнять свою работу и целыми днями бродил по НИИ, почти открыто продавая книги и детские книжки, купленные в соседних магазинах.

И тут Дуб сдался, гонения на Умника прекратились, правда выработка старшего техника осталась на прежнем высочайшем уровне. Алла Дмитриевна попыталась выяснить, как старший техник умудряется выполнять столь огромный объем работы, в несколько раз превышающей обычные задания конструкторов. Постепенно она поняла, что загнанный в угол начальником, Умник, придумал гениальную собственную систему, позволявшую из уже готовых блоков старых чертежей изделий составлять новые чертежи. Им была создана оригинальная база чертежей. С учетом хороших отношений с руководством институтского ксерокса, он ксерокопировал все существенные части чертежей и потом быстро выполнял новые разработки изделий. Все это хранилось у него в совершенно запутанном виде, разобраться в котором мог только он сам.

Я рассказал Алле Дмитриевне, как у нас в отделе называют старшего техника, на что она, внезапно смутившись, ответила: «Хорошо бы в нашем НИИ было побольше Умников».

Письмо к любимой

Дорогая и единственная Шер!

Давно собирался написать тебе о своих чувствах, но все не мог подобрать слова, которые рвались прямо из глубины моего тела. Лет пять назад тебя показали по нашему телику, и я сразу понял – вот она Коля, твоя единственная. Голос буквально заворожил меня, прямо мурашки по телу. Я сразу подумал, что наши песни ты поешь еще лучше.

Предлагаю тебе руку и сердце. И ничего что ты худенькая, у нас теперь продуктов навалом, подкормишься, будешь идеалом неземной красоты.

Коротко о себе. Неженат, имею пятикомнатную квартиру в центре города с видом на бывший райисполком. Материально обеспечен.

Напиши когда приедешь.

Твой Коля.

……

Голубка моя Шер!

Месяц как послал письмо, а от тебя ни привета, ни ответа. Думаю, виновата ваша почта. Ну да ничего, как получишь, сразу пиши.

Любовь моя к тебе не ослабла, хотя узнал о тебе много неизвестных фактов. Родила ты, говорят от Николсона, и в бассейне купалась с ним и еще двумя бабами. Я так думаю, дело давешнее, так что заранее прощаю тебе.

Сильно тоскую, приезжай скорее.

Твой навеки Коля.

……

Ненаглядная моя Шерочка!

Думал что, приедешь ты на днях, квартирку свою прибрал, а тебя все нет.

Ты наверняка думаешь, что у меня есть кто - так это совсем не так. Танька ушла как два месяца, а с Веркой я теперь даже не здороваюсь, хоть и живем в одной квартире. Ребята тут порассказали о тебе, что, мол, женщина ты самостоятельная, вроде даже старше меня, да я послал их. Что они понимают в любви.

Мне ведь деньги твои не нужны совсем, разве вот мотоцикл надо у Васьки купить, а то неначем тебя с вокзала и привести.

Жду тебя на днях.

Твой навсегда Коля

……

Бесценная моя Шерочка!

Год как мы знакомы, а от тебя нету даже весточки. Может ты думаешь, что я прихвастнул насчет квартиры? Это как считать. Мою комнату в общей можно запросто обменять на отдельную квартиру, у сеструхи трехкомнатная, да у тети Нади однокомнатная. Вот и сложи все вместе, как раз и пятикомнатная. Они как узнали про мою любовь, сразу так и сказали, не робей Коля, для тебя с Шерой костьми ляжем, а в грязь лицом не ударим.

Приезжай, жду.

Твой Коля

……

Несравненная любовь моя!

Прости, что долго не писал. В жизни моей произошли серьезные перемены. Вернулась моя первая - Анжела, так что живем мы теперь вместе. Женщина она серьезная, сразу поставила условие - «Или я, или твоя заморская, выбирай!».

Я долго мучился, но от тебя два года нет писем, да и Анжелка надавила сильно, куплю, мол мопед, ну я и согласился.

Ты не думай, что я забыл про нашу любовь, хотя Анжела очень ревнивая.

Портреты твои она разорвала, один только я и сумел спрятать в сарайке. Ты не поверишь, как приду туда, достану, смотрю и не могу насмотреться на тебя моя касаточка.

Я так думаю, что тебе тоже жизнь надо устраивать, может, и встретишь хорошего человека. Так что даю свое согласие.

Целую с грустью, прощай.

Коля.

– Деда, деда - внучка потянула меня за рукав куртки – мелок, мелок, – и я дал ей цветные мелки, а сам сел на ближайшую скамейку. Мы давно гуляли, обошли нескольких детских площадок и на каждой из них у внучки находились свои дела и игры. Внучка старательно разрисовывала асфальт своими фантазиями, я же почти предался морфею, как вдруг послышался громкий женский голос: «Анна, Анна», я оглянулся на звук и увидел двухлетнюю девочку, которая, смешно

косолапя, подбегала к молодой женщине. Полное несоответствие смешной косолапой девочки с взрослым именем Анна, заставило меня улыбнуться. Женщина с девочкой присели на соседнюю скамейку, я задумался и опять задремал.

– Анна, Анна, готовьтесь на выход, остановка пять минут, – визгливо и требовательно почти кричала полная проводница. Наш пассажирско-столбовой поезд изрядно вымотал меня, останавливаясь везде, где возможно. Почему я поехал на нем, а не на скором, я не помню. Поезд с трудом остановился, лязгая всем, чем можно было, пассажиры ринулись на выход. Я удивился, что на незнакомой станции, столько выходящих и спросил у соседа, что за станция и услышал: «Анна, следующая Воронеж». Я посмотрел в окно – обычная узловая станция со своими пакгаузами и угольно-металлическим резким запахом.

На соседнем низком перроне стояли в ожидании поезда несколько человек. Что-то необычное, как мне показалось, было в их поведении, и я стал внимательно наблюдать за ними. Молоденькая миловидная девушка лет шестнадцати, еще не старая женщина и парень лет восемнадцати то сходились, о чем то, горячо объясняясь, то расходились на несколько шагов, чтобы через несколько секунд опять сблизится. Вскоре я понял, что центром волнений является девушка, стоящая с независимым и несколько отрешенным видом. Женщина то подходила к ней, о чем то униженно прося, то отходила, стараясь не пропустить к девушке высокого, худого парня. Его фигура с несуразно длинными и большими руками, весь его облик, был бы смешным, если бы не искаженное отчаянием лицо, по которому ручьем текли слезы. Женщина, как я понял мать парня, что-то быстро говорила ему, он же умоляюще глядя на девушку, беззвучно шевелил губами, а может негромко говорил. Девушка, закусив губу, старалась не смотреть на парня и что-то отрывисто объясняла его матери. Так продолжалось все пять минут нашей остановки. Наконец, поезд вздрогнул,

залязгал и потихоньку поехал, я же услышал объявление дежурного: «Поезд на Москву прибывает через десять минут». Отъезжая от станции, я все время думал, об увиденном и мне стала понятна трагедия на станции Анна. Девушка уезжала покорять Москву, на родине ее ничего не удерживало, а впереди ждали строительные ПТУ или училища, общежития, блеск и нищета Москвы семидесятых годов.

Не пойму, почему через столько лет мне вспоминается эта история. Обычная сценка расставания со слезами и клятвами, но здесь было что-то другое – дикая, звериная тоска в глазах, слезы ручьем и огромные, натруженные руки парня. Эти руки находились в постоянном движении, то прижимались к груди, то тянулись к девушке, то бессильно падали к коленям.

Я видел в жизни много сцен действительного горя, потери близких и родных, но почему-то именно эта сцена прощания с любовью вспоминается мне чаще других.

– Деда, деда, ну деда, – возглас внучки вывел меня из воспоминаний.

– Пойдем, деда, - и внучка повела меня к песочнице, где гордо восседала Анна.

Московская сказка

В одном из московских криволинейных переулков жила-была маленькая девочка. Девочка была долгожданным и обожаемым ребенком. Родители души в ней не чаяли, росла она быстро, была умненькой и послушной.

Во дворе, напротив окна детской комнаты, рос огромный старый вяз, вороны облюбовали его, как удобное место гнездования. Девочка любила смотреть в окно и часто наблюдала за воронами.

Однажды весной, она увидела пару ворон, строивших гнездо прямо напротив окна. На улице стояла еще холодная весна и девочка удивлялась, что вороны таскают в гнездо паклю, которую они выдергивают из соседнего строящегося здания. Девочка спросила маму: «Зачем вороны воруют паклю?». Мама объяснила, что вороны очень умные и заботливые родители, вскоре у них появятся детки, и они хотят, чтобы деткам было теплее.

Теперь девочка целыми днями наблюдала за жизнью вороньей семьи. В игрушки она почти не играла, ей было гораздо интереснее наблюдать за реальной жизнью ворон.

А жизнь вороньей семьи была довольно бурной – то вороны гоняли кошек, пытающихся залезть на вяз, то совершенно наглым образом отобрали кусок колбасы у местного любимца Шарика, то часами визгливо каркая, ругались с соседями по вязу.

Построив гнездо, вороны попеременно постоянно сидели в гнезде. Настало время, когда вороны перестали меняться в гнезде. Ворона-мама сидела постоянно, а папа-ворон беспрерывно летал и кормил маму-ворону. Девочка уже отличала ворон и точно определяла папу-ворона от мамы-вороны, дав им клички Каркуша для мамы-вороны и Карыч для папы-ворона. Наконец, в гнезде стали видны серые комочки, а вскоре девочка увидела процесс кормления птенцов-воронят.

Стало теплее, но пошли дожди, девочка смотрела, как ворониха расправляла крылья и полностью закрывала своих воронят. В один из особо дождливых дней папа-ворон долго не прилетал. Даже мама девочки обратила внимание, что Карыч куда-то пропал. Услышав громкое карканье, мама с дочкой подбежали к окну и увидели, что прилетевшего папу-ворона, мама-ворон сильно бьет клювом по голове, каркая при этом. Карыч стоически терпел побои, а когда Каркуша улетела, сам сел на гнездо, расправив крылья. Девочка заплакала, ей было очень жаль бедного Карыча. Мама успокаивала дочку. Девочка спросила маму: «Мамочка, а если наш папа долго не придет, ты его тоже будешь бить по голове?» На что мама, рассмеявшись, сказала, что папа у них замечательный, всегда

приходит вовремя, и она никогда не будет бить папу.

Шло время, воронята подрастали и их крики стали отчетливо слышны девочке. Теперь за кормом летали обе вороны, а воронята все время разевали бездонные клювы.

Как-то в субботу вечером, мама, беседуя с папой, обратила внимание, какой замечательный папа-ворон в вороньей семье – целый день трудится, кормит и маму-ворону и воронят и такой заботливый, при сильном дожде или ветре закрывает собой маму-ворону и вообще. Папа девочки, лежа на диване рассмеялся: «Ну, ты еще скажи, что он не лежит на диване весь день и не пьет пиво». Мама сказала: «Вот-вот, не лежит».

А в это время прямо напротив окна Каркуша говорила Карычу: «Такая хорошая девочка, так мало ест, а мои живоглоты готовы есть беспрерывно. А папа у девочки такой замечательный, всегда приходит вовремя и приносит такие огромные сумки еды. А, ты? Вечно пропадаешь, а приносишь чуть-чуть, одного не прокормить». Карыч вяло откаркивался, что мол корма стало мало в районе и приходится летать по всему центру города, а он устает и недавно простудился под дождем и даже осип. На что мама-ворона резко возразила: «Плохой ты добытчик, все на ипподром летаешь, а там сейчас совсем мало лошадей стало, если бы не президентские конюшни, так вообще бы зерна не было. У меня дядя в Кремле живет, слетал бы к нему, там рядом столько ресторанов и кафе открылось, всегда корма найдешь». Карыч прокаркал, что далековато лететь до Кремля, на что Каркуша ответила: «А в пивной на Беговой сидеть по часу – времени тебе хватает? И пару раз от тебя сильно пивом пахло, ты думаешь, я не замечаю? Пьянчуги не допивают, а вы караулите и пьете, а потом желудок у тебя болит. Я все знаю».

Так тихо и мирно проходили дни в гнезде ворон и в квартире. Воронята стали на крыло и у ворон появилось больше времени, теперь они оба улетали и подолгу не возвращались. Каркуша каждый день прилетала к девочке поговорить. Садилась она на поручень балкона, девочка выходила к ней и выносила хлеб. Каркуша храбро спускалась на пол балкона и ела, потом переходила на поручень и часами сидела, общаясь с девочкой.

Однажды летом, убирая балкон, мама нашла в углу странную кучку грязи. Выметая грязь из угла балкона, она обнаружила женскую заколку, несколько цветных стекол и палочку странного вида. Палочка оказалась ложкой. Отмыв ложку, мама обнаружила, что это старинная серебряная ложка с инкрустацией и чернением. На черенке ложки было выгравировано «Оля». Мама позвала девочку и сказала: «Олечка, твоя подружка Каркуша сделала тебе подарок – прекрасную серебряную чайную ложку с твоим именем. Храни ее, она принесет тебе счастье».

Оля была чрезвычайно рада подарку, и теперь именная ложечка всегда была на столе около Оли во время всех чаепитий.

А Каркуша, наблюдая, как радуется Оля ложке, думала: «Ну, наконец-то нашли мои подарки. Я спрашивала у Карыча, откуда он ее стащил? Но он как всегда ничего не помнит. Хотя заколка мне больше понравилась – полегче и яркая».

В августе вороны улетели и больше не возвращались. Гнездо опустело, Оля грустила, глядя, как ветер и дождь уносят части гнезда.

А на следующий год в марте вороны появились снова и быстро построили гнездо на старом месте. Оля сидела, и пила чай, ложечка на солнечном свете красиво блестела, неожиданно раздалось громкое карканье, вбежав в свою комнату, Оля увидела сидящих на парапете балкона Каркушу и Карыча. Каркуша, увидев девочку, закаркала на полчаса, рассказывая, где они были все это время с Карычем, и как она скучала по Оле. Карыч молчал и слегка раскачиваясь, подремывал.

Прошло несколько лет, Оля росла, воронья семья каждый год гнездилась на старом месте. Оля пошла в школу и учи-

лась легко и успешно, получая пятерки. Любимым предметом было природоведение, а потом биология. В 6-м классе в марте Оля ждала Карычей, но они не прилетели. Оля расстроилась и плакала. Успокаивая ее, мама сказала, что, наверное, Карычи поменяли место гнездования, по радио как-то передавали, что в Кремле поселилась большая колония ворон, вытеснив оттуда галок и голубей.

– Может твоя Каркуша живет теперь в Кремле? – пошутила мама и Оля успокоилась.

Незаметно пролетело еще несколько лет, и Оля поступила в университет. Красивая девочка нравилась мальчикам-сокурсникам. За ней старались ухаживать даже старшекурсники, но Оле никто не нравился, пока на курс не перевелся высокий мальчик со светлыми глазами. Оля стала замечать, что новый мальчик часто оказывается рядом с ней на общих лекциях и в читальном зале. Когда их взгляды встречались, он всегда мягко улыбался ей, но никогда не пытался заговорить или ухаживать.

Однажды летом, готовясь к экзаменам, она сидела в читальном зале, подул сильный ветер, окно распахнулось и яркое солнце осветило зал. Оля повернулась и увидела сидящего за ней нового мальчика. Он улыбнулся ей и кивнул здороваясь. Солнце светило прямо ему в глаза, и они приобрели сначала ярко-небесный, а потом фиалковый цвет. Окно закрыли, а Оля никак не могла начать заниматься. Она смотрела в строчки учебника, но вместо них видела только необыкновенного цвета красивые глаза мальчика. Оля нахмурилась, рассердившись на себя, но это продолжалось, и вскоре она ушла из читалки.

Целую неделю Оля ничего не могла с собой сделать, взгляд и удивительные глаза мальчика преследовали ее воображение.

– Неужели я влюбилась – подумала Оля, – не может быть, ерунда какая-то.

Прошла летняя сессия, Оля сдавала учебники в библио-

теке. За ней стоял в очереди Коля (так звали мальчика), очередь была большая и она с Колей разговорилась. Сдав учебники, Оля подождала Колю, он предложил ей погулять в Царицыно. Оля с радостью согласилась, и они гуляли целый день. Только к двенадцати часам Оля пришла домой. Коля стоял во дворе около вяза, Оля с балкона смотрела на него, и сердце у нее трепетало от радости.

Прошло около месяца их знакомства, практика была в Москве, и они часто виделись, а все субботы и воскресенья проводили вместе – гуляли по паркам, ходили на модные выставки, в кино и театры.

Пришел день, когда Коля пригласил ее к себе домой в Замоскворечье, где он жил с бабушкой в большой трехкомнатной квартире. Встретила их красивая старая женщина.

– Ольга Ивановна – представилась она. Бабушка ушла готовить чай, Коля показывал Оле квартиру. В большой гостиной стояла старинная темная красивая мебель, огромный старый концертный Беккер занимал четверть комнаты. Все стены были увешаны старинными картинами и фотографиями в рамках. С фотографии на Олю внимательно смотрели мужчины в мундирах и женщины в длинных элегантных платьях. На большой фотографии над роялем Оля обратила внимание на офицера в гусарском ментике, поразительно похожем на Колю.

– Мой прадедушка, большой был рубака и ловелас – улыбнулся Коля.

Через несколько минут Оля почувствовала себя в чужой квартире как дома, бабушка накрыла чай в гостиной. Белоснежная кружевная скатерть покрывала большой квадратный дубовый стол. На столе стоял красивый чайный сервиз с видами Петербурга. Большим фарфоровым чайником управлял Коля, он ухаживал за Олей и бабушкой, шутил и рассказывал анекдоты из жизни своих предков. Бабушка пила чай и внимательно смотрела на Олю, улыбаясь совсем как Коля. Оля

обратила внимание, что сахар в чашке бабушка размешивала чайной ложкой, поразительно похожей на Олину ложку с инкрустацией. В конце чаепития Оля набралась храбрости и попросила бабушку показать ей ложку, сказав: «Какая у Вас интересная старинная ложка».

Бабушка передала Оле ложку, Оля сразу перевернула ее и увидела гравировку «Коля». Оля спросила, что это за надпись и бабушка поведала старую историю своей любви.

Перед войной бабушка влюбилась в своего одноклассника Колю. На семнадцатилетние ее избранник подарил бабушке две старинные серебряные ложки с красивой инкрустацией. На одной ложке было выгравировано «Оля», на другой «Коля». Бабушка вяза себе ложку с гравировкой «Коля», а ее избранник с «Оля». Шло время, была назначена свадьба, но, началась война, и в августе Коля пошел в ополчение. Прощаясь, они поклялись в вечной любви. Коля сказал, что возьмет ложку на войну, и она всегда будет с ним. В сентябре Коля погиб в боях под Вязьмой. Бабушка после войны вышла замуж, родилась дочка, но жизнь с мужем не сложилась и уже много лет она одна.

Когда дочка вышла замуж и родила сына, бабушка попросила ее назвать сына именем своего любимого. Дочка с мужем сейчас в длительной командировке в Австралии и Ольга Ивановна попросила внука Колю переехать жить к ней.

Закончив историю, бабушка ушла к себе в комнату. Коля показывал Оле семейные архивы. Оба были счастливы, что Оля понравилась бабушке. Через неделю Коля снова пригласил Олю к себе. На этот раз Оля совсем не волновалась, она полюбила бабушку, про Колю и говорить нечего.

Во время чаепития Оля незаметно положила около чашки свою любимую ложку. Бабушка через пару минут увидела ложку Оли и долго всматривалась, потом быстро перевела взгляд на свою ложку и обратно. Побледнев, Ольга Ивановна попросила у Оли ее ложку и обнаружила гравировку «Оля».

– Откуда у тебя эта ложка? – одними губами тихо спросила Ольга Ивановна. Оля рассказала свою историю с семьей ворон и подарком ложки от Каркуши. Ольга Ивановна напряженно слушала и в конце рассказа, привстав, обняла Олю и, поцеловав, сказала: «Это судьба». Возникла минутная пауза, бабушка сидела глубоко задумавшись. Только руки ее были в постоянном движении, перебирая и гладя Олину ложечку. Коля с Олей встали и, держась за руки, подошли к бабушке и Коля произнес: «Бабушка, мы с Олей хотим всегда быть вместе». Ольга Ивановна долго смотрела на Олю, потом перевела взгляд на внука и произнесла: «Возьми Оленькину ложку, а ты Оля, возьми себе мою, и никогда не расставайтесь с ними». Наступила пауза, Оля с Колей переглянулись и вопросительно посмотрели на бабушку. Увидев их реакцию, бабушка улыбнулась и сказала: «И всегда будьте вместе». Все рассмеялись, и началось веселье, открыли шампанское, Коля скакал по комнате и пел, Оля смеялась. Вечер прошел прекрасно, они танцевали, а бабушка спела им несколько романсов Рахманинова, аккомпанируя себе на Беккере.

Через месяц состоялась свадьба. Свадьба была большой, веселой и по-русски бесшабашной. Оля переехала в квартиру бабушки, Ольга Ивановна предложила им лучшую комнату. А через год у Оли и Коли родилась прелестная светловолосая девочка. Девочка росла не по дням, а по часам и вскоре превратилась в прекрасную золотоглавую девушку с яркими голубыми глазами.

И вот однажды, …

Хотя, это уже совсем другая сказка.

Воскресный вечер выдался чудесным. Предолимпийская Москва была пуста, и ничто не мешало мне с моей юной возлюбленной наслаждаться прогулкой по милому моему сердцу Арбату.

Я был влюблен и немного ошарашен охватившим меня чувством. Девушка была необычайно красива – голубое платье на бретельках подчеркивало ее точеную фигурку, взгляд лучистых глаз ласкал и обволакивал. Мы шли, держась за руки, и говорили, говорили. Я рассказывал о своих подвигах на ниве футбола и фортепиано, Лариса сыпала именами знаменитых артистов и деятелей культуры, с которыми на короткой ноге была ее семья. Казалось невероятным, что я завоевал чувства прекрасной девушки – все было как волшебный и счастливый сон.

Разговаривая, мы увлеклись и не заметили, как стали переходить узенькую улицу. Внезапно я услышал громкий визг тормозов и чуть сбоку скорее почувствовал, чем увидел приближающуюся тень. Инстинктивно схватив девушку, я отпрыгнул вместе с ней метра на полтора. Темно вишневая «Волга», дымя покрышками, остановилась на том месте, где долю секунды ранее были мы. Водитель, бледный как полотно, что-то кричал нам, я разобрал только слова – идиоты, кретины. Видя наше состояние, он не стал объясняться и сразу уехал.

Я очнулся – бретелька от платья была в моей руке. Лариса, прижимаясь ко мне, вздрагивала всем телом. Посмотрев на Ларису, я увидел разорванное платье с оторванной бретелькой.

– Ну, дай Бог, пронесло – начал я, но она перебила меня, увидев оторванную бретельку меня в руках.

– Что ты наделал, испортил итальянское платье, мне его только вчера привезли из Милана. Как ты мог? – кричала Лариса.

Я стоял, понурив голову, и пытался оправдываться, но куда там. Лариса была просто в бешенстве.

– Поймай мне такси и не провожай меня, – как отрезала она. Такси быстро подъехало, и Лариса уехала, даже не взглянув на меня.

Сказать, что я был огорчен – ничего не сказать.

Эх, какой же я недотепа, надо же было переходить улицу не глядя, чуть не искалечил, а то и убил бы Ларису.

Тоже мне, хорош герой – сиганул, как заяц. И с платьем-то, как нехорошо получилось. Хотя, почему нехорошо, очень даже хорошо – спас девушку и себя, герой, да и только.

Так уговаривая сам себя, я дошел до Воровского, где учился лет пятнадцать назад. Прекраснейшее место Москвы, с великолепными дворцами и особняками, при этом перемежающиеся с маленькими патриархальными зелеными двориками - все это успокаивало меня. Домой я пришел в совершенно благодушном настроении.

В квартире я оказался один – домочадцы еще не приехали с дачи. Поставив на проигрыватель свою любимую пластинку зарубежной эстрады, задумался. Тихо звучала музыка, а я все рассуждал про себя – мне скоро тридцать два года, а я

все еще один. Все ребята давно переженились, детки растут, неудобно право. И ведь не монах, скорее наоборот. Вспомнил предпоследний роман – он был бурным и долгим, почти два года. Женщины влюбляются в меня, да и я горю огнем страсти нежной. Но что-то останавливает меня, и опять я ищу новые сильные чувства.

Вот и сейчас, так неудачно все вышло. Впрочем, как раз очень удачно – девица то избалована знатными родителями и что странно, мгновенно превращается из милой, ласковой девушки в злобную фурию.

Звуки хрипловатого тембра Синатры перевели меня в полудрему. Синатра с дочкой исполняли мою любимую Something stupid – странно чувственную песню о прошедшей любви с припевом – говоря глупость, как я люблю тебя.

– Глупость, stupid, stupid, разорвал итальянское платье – подпевал я Синатре.

– Нет, нет Италия, надо говорить stupido, именно stupido – так кричал в Риме водитель, чуть не сбивший влюбленную парочку.

И я вспомнил одну историю моего детства. Наша семья жила в то время в Италии, где папа второй год работал в торгпредстве. Папа вернулся из двухнедельной командировки в Сицилию и мы с мамой уговорили его прогуляться вместе с нами по вечернему Риму. Стоял теплый декабрьский вечер, в окнах магазинов светились рождественские украшения и игрушки. Было так хорошо, что я и сейчас, через столько лет, всем телом ощущаю то удивительное чувство безмятежной радостной защищенности. Мы шли в районе Номентано и я помню, как веселы и счастливы были мама с папой.

В нескольких метрах от нас из скверика вышла парочка и не торопясь стала переходить улицу. Парочка показалась весьма необычной – молодой человек лет двадцати пяти и девушка были двухметрового роста. Обнявшись, и смотря друг на друга, они шли, пересекая улицу наискось. На секунду они

поравнялись с нами, и я увидел их лица, на которых играла улыбка. Парочка шла медленно, совершенно не обращая внимание на несущиеся автомашины. Внезапно раздался громкий визг тормозов – то одна, то другая легковушки резко тормозили в сантиметрах от парочки, но влюбленные все также безмятежно и неторопливо переходили улицу. Водители или объезжали или тормозили, слышались громкие возмущенные возгласы: «Stupido, stupido».

Папа с мамой рассмеялись и папа сказал: «Вот она, настоящая любовь». Я не понял и спросил: «Что такое stupido?» Папа улыбнулся: «Дураки, идиоты».

Парочка удалилась от нас на несколько десятков метров, и на расстоянии казалось, что влюбленные парят над землей. Так продолжалось пару минут, пока они не свернули на соседнюю улицу.

Всю нашу прогулку папа с мамой шутили, а я все никак не мог понять, почему влюбленные бывают дураками и идиотами.

Синатра с дочкой закончили петь свою «Something stupid» и я сразу вернулся из детства. А ведь правильно, только такой и должна быть любовь – stupido, дурацкая для посторонних и необыкновенная и радостная для двоих. И тогда не надо будет, как зайцу прыгать от машины, или визгливо кричать по поводу разорванного платья, а просто надо парить над землей, а небо позаботится и укроет от напастей.

Я стал вспоминать, были ли у меня когда-нибудь похожие чувства. Нет, даже близко не было. Была страсть, иногда было обоюдное обожание и нежность. У меня, правда, обожание заканчивалось, когда я выходил на улицу – сразу другие чувства и мысли мешали мне думать о своих привязанностях.

Я вспомнил о своей любви к молоденькой разведенной женщине и нашу поездку за малиной на дачу к ее родственнику. Малина была удивительно крупная и сладкая и мы больше съели, чем собрали. В обратный путь до автобуса надо было

пройти около пары километров, постепенно поднимаясь вверх по бетонке. Я нес корзину с малиной, Люба шла рядом, полуобнимая меня. Когда мы сели в автобус, она сказала: «Милый, я сейчас шла и только одна мысль была у меня, только бы эта бетонка не кончалась, только бы не кончалась. Раньше с мужем, уже в начале пути я мечтала, когда же, наконец, эта дурацкая бетонка закончится». Наверное, у Любы в тот момент было тоже чувство, как у той парочки. Мне было хорошо с Любой, ее чувства будоражили меня, но голова все равно была ясной, да и в тот поход за малиной я устал и думал, как бы поскорее добраться до дома.

Пластинка закончилась и просто крутилась, а я все думал, думал, и мне так захотелось испытать те же чувства, что и той двухметровой парочке, парившей в Риме на улице Номентано.

Решено, я не буду торопиться, и кто знает, может и мне посчастливится стать stupido.

Хулио

В последнее время нас сильно выручает «Пятерочка». В районе мало дешевых магазинов, а «Пятерочка» близко от дома и устраивает во всех отношениях. Вот уже год как открылась и туда не зарастает народная тропа.

Я тоже стараюсь не отставать от народа и периодически посещаю любимую «Пятерочку».

На этот раз очередь в кассу была пребольшая, и я стал наблюдать за работой кассирши. Меня всегда удивляло, как можно в течение многих часов столь интенсивно трудиться. Я смотрел минут десять – продукты, люди, деньги, все это так мелькало перед глазами, что закружилась голова, а что же бедные кассирши?

По моим давним наблюдениям славянки надолго не задерживались в кассе, даже молодые. Больше других держались молодые киргизки – те работали родственными кланами и на кассе, и в зале, хорошо знали друг друга, и это помогало им работать достаточно долго.

Сейчас я стоял в очереди к славянского типа крашеной блондинке лет пятидесяти. Правильные черты лица, ладная фигурка, все это делало бы женщину привлекательной, если бы не убитый жизнью взгляд и опущенные уголки губ. Раньше я несколько раз проходил через ее кассу – работала она быстро и четко, на приветствия отвечала, не поднимая глаз. Я знал, что кассирши не смотрят на покупателей, только на товары и деньги, чтобы не сбиться с ритма работы.

Очередь достаточно быстро продвигалась и вот блондинка уже обслуживает меня. Пробив чек, она вдруг подняла глаза и я увидел ее улыбку и просиявшее лицо, хотя смотрела она явно не в мою сторону. Повернувшись ко мне, кассирша произнесла певучим грудным голосом: «Посмотрите, правда, вот тот мужчина похож на Хулио Иглесиаса?» При этом она непроизвольно дотронулась до рукава моей куртки.

Через одного покупателя от меня стоял высокий, бомжеватого вида, плохо одетый мужчина, даже отдаленно не напоминающий красавца Хулио Иглесиаса. Увидав мое разочарование, кассирша поспешно произнесла: «Вы присмотритесь, присмотритесь, вылитый Иглесиас».

В следующий раз я специально встал в очередь к ее кассе. Увидев меня, она слегка улыбнулась, а я спросил: «Хулио заходил?». Блондинка заулыбалась, глаза ее стали мягче, и она ответила своим грудным голосом: «Да, был на днях».

Расплатившись, я медленно пошел домой. Странно, как быстро преображаются женщины. Хотя, это наверняка тоска по молодости, беззаботности и молодым чувствам. Тридцать лет назад вся Россия была покорена бархатным, обволакивающим и страстным голосом Хулио Иглесиаса, а его испанская знойная внешность, львиная осанка и взгляд черных орлиных глаз будоражил женщин.

Я не завидовал, что кассирше понравился не я, а местный Хулио. Кассирша явно похорошела, работать наверняка ей стало легче.

В течение пары месяцев я не заходил в нашу «Пятерочку». На этот раз магазин был почти пуст, я без очереди подошел к своей знакомой. Увидев меня, она горестно улыбнулась опущенными уголками губ.

– Хулио не заходит? – спросил я.

– Да, месяца полтора как не заходил, – тихо и совсем не певуче произнесла кассирша. За мной в очереди никого не было, и я спросил, почему она считает бомжеватого мужчину похожим на красавца Иглесиаса?

– Ну что Вы, его немного помыть, отчистить, будет вылитый Иглесиас, – ответила она.

По дороге домой я про себя ругал Хулио. Явно живет в нашем микрорайоне, ну что ему стоит зайти хоть раз в «Пятерочку». А может он болен, или? Нет, я отогнал от себя плохие мысли, наверное, уехал на заработки и скоро будет.

Через две недели я с полной тележкой стоял у кассы. Блондинка-кассирша на этот раз была оживленнее, чем в прошлый раз.

– Что, Хулио вернулся? – тихо спросил я.

– Нет, так и не приходил, но Вы не поверите, раза три ко мне в кассу стоял мужчина, ну вылитый Ленин, – и глаза ее просветлели.

Возвращаясь домой, я всю дорогу улыбался. Странно, никогда в жизни не ожидал от себя, что буду так радоваться приходу Ленина в нашу «Пятерочку».

Зойка

С Зойкой мы учились в одной школе, только я на два класса старше. Худенькая, голенастая девчонка привлекла мое внимание своей челкой, закрывающей пол лица. Хрущевская оттепель была в разгаре, но в нашей районной школе это совсем не чувствовалось. Порядки были суровые – до пятого класса мальчики носили короткие чубчики на стриженой голове, девочки короткие косички. Никаких начесов и нейлоновых чулок даже в старших классах не допускалось.

И тут такое вольнодумство у пятиклассницы. Девочке челка была к лицу – черные, длинные косы сочетались с изящной большой челкой, которую Зойка при необходимости легко убирала назад легким взмахов головы. По слухам, завуч и классная активно боролись с Зойкиной челкой, были даже угрозы исключения из пионеров, но Зойка не соглашалась хотя бы немного укоротить свою челку.

Как-то по школе прошел слух об инциденте в шестом классе – школьница напала на медсестру с ножницами. Даже в старших классах живо обсуждали эту историю. Как выяснилось, завуч с медсестрой пришли на урок литературы в Зойкин

класс и потребовали от Зойки немедленно пойти в парикмахерскую и остричь челку, объясняя это антисанитарией. Завуч стыдила Зойку, напирая на безнравственность, желанию понравится мальчикам в классе, распущенность и т.п. Но Зойка ответила решительным отказом идти в парикмахерскую. Завуч тихо перемолвилась с медсестрой и та решительным шагом направилась к Зойке, достала большие ножницы, намереваясь насильно отрезать челку.

По рассказам очевидцев дальнейшие события несколько разнились, но в целом выглядели так. Непонятно как, толстый учебник литературы взвился в воздух и ударил сверху по руке конопатой медсестры. Ножницы со звоном ударились об пол, Зойка мгновенно нагнулась и подняла ножницы, держа их остриями к медсестре. Медсестра отпрянула от Зойки, закричав дурным голосом, на что Зойка спокойно произнесла: «Возьмите, пожалуйста», и перевернув ножницы острием к себе отдала их медсестре.

В классе возникла пауза, потом послышались смешки. Первой опомнилась завуч, закричав визгливым голосом: «Всем замолчать, я это так не оставлю, это нападение». Зойка, как ни в чем не бывало села за свою парту, а завуч с медсестрой под смешки вышли из класса.

В школе, расположенной в старом купеческом районе Москвы происходили разные события, но ничто не обсуждалось так активно, как борьба всей школьной администрацией с Зойкиной челкой. Завуч с директором раньше в зародыше душили любое инакомыслие, особенно в одежде и прическах. Но, на этот раз в лице Зойки они натолкнулись на железный отпор. Не помогли ни вызов матери в школу, ни угрозы исключения и другие каверзы. Зойка была спокойна, благо училась она отлично и носила свою челку с гордо поднятой головой.

Жила Зойка вдвоем с матерью дворничихой в полуподвале огромного дома, стоящего на высоком берегу Москвы-реки. Мать Зои, маленькая сгорбленная татарка одна воспитывала

дочку. Полуподвал служил и дворницкой и жильем. Удобств почти не было, что разительно отличалось от прекрасных квартир сталинского дома Архитекторов. Сколько я помню, Зойка нечасто играла с ребятами во дворе. Обычно она с матерью мела улицу, убирала листву, зимой колола лед и сгребала снег и каждый день выносила огромные ведра с мусором с черной лестницы подъезда дома Архитекторов. Подлинное имя Зои по паспорту мало кто знал, а звали Зою во дворе и в школе Зойка - так мать всегда звала ее своим резким гортанным криком: «Зойка, Зойка».

В школе после скандального, правда тихо затухшего инцидента с ножницами, Зойка стала популярной личностью, своего рода Жанной д Арк Плющихи, у нее появились свои последователи. Правда, держались они недолго, и только одна Зойка постоянно продолжала нервировать администрацию школы.

Время шло, я перешел в десятый выпускной класс. В сентябре все поразились, увидев совсем другую Зойку. За лето она стремительно выросла и превратилась в интересную девушку. Вид у Зойки изменился. На нас смотрела уверенная в себе красивая черноокая девушка с глазами, похожими на глаза косули – раскосыми, нежными, чуть влажными с поволокой.

Мгновенно, и во дворе и в школе все стали звать ее Зоя. Ходила Зоя теперь не так как раньше - быстро, но так, что почти все старшеклассники стали оборачиваться ей вслед. И только черная большая челка все также взлетала вверх, когда Зоя оборачивалась.

В эту снежную зиму морозы стояли сильнейшие, мать Зойки заболела, и я часто наблюдал, как целыми днями Зойка сгребала снег и колола лед около дома. Двор, где мы обычно играли в футбол, был напротив дома Архитекторов. Однажды после игры, я увидел, что Зойка отложила лом и села на скамейку. Вытянув ноги, она блаженно улыбалась. Я быстро по-

дошел к скамейке, взял лом и стал колоть лед. Зойка спокойно смотрела на меня, ничего не произнося. Только минут через десять, она протянула мне толстые брезентовые рукавицы. Через час я ушел домой, полностью вымотавшись с непривычки. И с этого дня я по нескольку раз в день стал помогать Зойке в уборке двора. Первую неделю мои дружки смеялись надо мной, называя меня – «Зойкин жених», или – «генерал дворников», но мне это было абсолютно безразлично.

Я совсем не узнавал себя – увидеть Зойку теперь стало необходимостью. В школе не стесняясь, подходил к ее классу, ждал около школы, во дворе мы вообще почти не расставались. Со временем, Зойкин взгляд, обращенный ко мне, потеплел, в нем появились смешинки. Обычно серьезная и спокойная Зойка стала смешливой и веселой.

Наступила ранняя весна, солнечные лучи растопили лед во дворе, работы у нас с Зойкой стало меньше. У Зойки появилось свободное время, и мы старались гулять подальше от ее дома.

Зоя мало рассказывала о своей жизни, но я и так давно понял, как несладко им жилось с матерью все эти годы. А я- то удивлялся, почему она не ходит на школьные вечера – ей просто нечего было одеть, кроме школьного платья. Но не нужда и постоянная тяжелая работа были страшны Зойке. Холодная дворницкая, забитая метлами и скребками, отсутствие жизненного пространства и постоянные мелькающие ноги проходивших мимо полуподвала прохожих. Эти ноги, на которые она смотрела снизу, ботинки, валенки, грязь и снег с обуви, летевшие в окно, постоянно преследовали и мучили Зою. Получить комнату или те более квартиру было несбыточной мечтой для Зои и ее матери.

Мать Зои выздоровела и теперь, увидев меня во дворе, ласково гортанно здоровалась со мной: «Здравствуй Колия».

Прошло два месяца. В школе нас официально звали жених и невеста, а мы гуляли, даже не держа друг друга за руки.

Все мои ухаживания заключались в пирожных, сдобных булочках и сладостях, которые я почти каждый день приносил Зое. Зоя всегда относила их домой, и только через неделю я уговорил ее съесть при мне вкусное пирожное. Нам было всегда весело друг с другом, как молодые щенки мы постоянно беспричинно веселились.

В начале мая Зоя с матерью уехали на несколько дней на родину в Татарстан. Вернулась Зоя грустная и чуть не расплакалась, рассказывая мне о поездке. В их родовом селе ее всерьез сватали. Как я понял, там это было обычным делом. Мать не давила на Зою, но чувствовалось, что она согласна на замужество дочки, несмотря на более чем двукратную разницу в возрасте жениха. Но, молодость глупа, все плохое быстро забывается и вскоре мы с Зоей уже хохотали над всякой ерундой.

А перед выпускными экзаменами школа загудела, случилось непредвиденное – Зойка коротко постригла свою великолепную челку. Революционно настроенные старшеклассники не могли понять поступка их морального лидера, маловеры и припевалы злорадствовали. Завуч с активом учителей старой формации торжествовали, уверяя, что это целиком плод их беспрестанной борьбы и теперь с вольнодумством в старших классах будет покончено.

И только я и Зоя знали, что эта челка постоянно мешала нам целоваться и смотреть в глаза друг другу. Мы с Зоей не давали обещания, но нам было ясно, что после выпускных, я буду поступать в университет, она пойдет в девятый и мы всегда будем вместе – ведь нам так хорошо вдвоем.

За несколько дней до экзаменов, возвращаясь домой, я увидел сидящих на скамейке Зою с матерью. Мать плакала, причитая в голос, Зоя была грустна. Подбежав к ним, я спросил: «Что случилось?». Мать Зои, мгновенно прекратив плакать, произнесла: «Колия дорогой, какая радость, нам дали смотровой» и показала на бумажку в Зоиной руке. Зоя быстро

спрятала бумагу в карман и сказала, что дают комнату четырнадцать метров в трехкомнатной новостройке на юге Москвы. Я стал поздравлять их, сказал, что надо отметить, но решили отложить на завтрашний день и вскоре мы распрощались.

Прошло два дня, мы с Зоей договорились погулять в Сокольниках, но она не пришла. Я долго прождал около входа в парк, а возвратившись, увидел темные окна их дворницкой. Стал расспрашивать соседей и выяснил, что пришла грузовая машина, за час погрузили все вещи, и Зоя с матерью уехали на новую квартиру.

Я так удивился, что Зоя не сказала мне об отъезде, что даже не расстроился, наверняка увижу ее завтра в школе и все выясню. Но в школе Зои не оказалось, в канцелярии мне сказали, что Зоя забрала документы и перевелась в другую школу. Несмотря на обиду, в течение нескольких дней я пытался найти адрес Зои или ее новую школу, но ни в ЖЭКе, ни в школе не знали, или не хотели сообщить адрес Зои.

Почему я тогда прекратил попытки найти Зойку, я не знаю. Обида, наступившие экзамены, беспечная молодость. Кто знает? Но вот уже десять лет прошло, как я не встречал Зойку.

Я окончил университет, работаю, встречаюсь с красивой девушкой, иногда даже посещают мысли о создании семьи.

В начале лета я с другом поехал на недельку к его родственникам под Воронеж. Мы отлично провели отпуск, а напоследок решили набрать земляники для варенья. Проехав километров десять на его жигуленке, очутились в краю вековых сосен. Величественные, прямые как стрела корабельные сосны островками стояли среди полей и перелесков. Друг знал места и вскоре мы шли по склону оврага, полностью покрытому земляникой. Через час я устал, пол ведра было собрано и я попросил его показать мне сосновый бор, видневшийся неподалеку. Друг посоветовал самому прогуляться по бору – заблудиться там невозможно, если что, то он посигналит.

Никогда я не видел такой красоты – сосны были все разные и по размеру и по цвету коры. Стояли сосны куртинами, создавая какой-то загадочный, картинный вид. Я шел по бору около получаса, скорее кружась на месте, и вышел на поляну, со всех сторон плотно окруженной огромными соснами. Поляна была сплошь усеяна крупными ягодами. Я присел и стал добирать ведро земляникой.

Яркий солнечный свет столбами и столбиками пробивался, откуда-то сверху. Утренний туман еще не рассеялся и при небольшом ветерке столбы света переливались, искрились, иногда пропадая или вновь появляясь.

Неожиданно на поляну выбежала косуля и стоя боком ко мне остановилась. Секунду она прислушивалась, потом грациозно наклоняя голову, стала щипать траву, одновременно двигаясь по направлению ко мне. Я замер, стараясь не дышать. Самка косули на секунду остановилась, и я увидел, как столбы света окружили, а потом стали плясать на спине и голове косули свои танцы. Косуля подняла голову, и чуть прикрыв глаза, фыркнула и продолжила движение в мою сторону. Через несколько секунда она была уже в метре от меня. Чтобы не столкнуться с ней, я выпрямился и тихонько присвистнул. Косуля резко остановилась, повернув голову ко мне. Мы стояли с косулей в метре друг от друга, и я увидел красивый поворот шеи, изящную головку и направленный на меня удивленный оценивающий взгляд.

Секунд пять мы стояли неподвижно, рассматривая друг друга. Я увидел необыкновенно красивые, раскосые, немного влажные с поволокой глаза косули – глаза удивленной девушки. Так это же глаза Зои! Непонятно почему, я вдруг тихо спросил: «Зойка?». Взгляд у косули стал другим, более мягким, как бы что-то вспоминающим. Еще несколько секунд мы всматривались друг в друга, и я прочитал в ее глазах удивленный вопрос – почему я здесь, а не жду ее около школы и как я живу без нее?

Еще мгновение и глаза косули погасли. Грациозным прыжком на четырех копытах она отпрыгнула в сторону метра на четыре и не торопясь побежала в другой конец поляны. Почти исчезнув, косуля на мгновение обернулась, и я увидел или мне показалось, что она улыбнулась мне.

Несколько минут я стоял как вкопанный и не мог пошевелиться. Что это было? Ерунда какая-то. Но ведь Зойкин взгляд с поволокой и головкой она встряхивала совсем как Зойка?

Издалека послышался сигнал жигуленка, и я стал пробираться к выходу из бора. Упаковав ведра с земляникой, мы поехали домой. Видимо с лицом у меня что-то стало – друг удивленно всматривался в меня. Пару раз я невпопад ответил на его вопросы, и он прекратил обращать на меня внимание.

Я смотрел на прекрасные пейзажи окрестных полей и лесов, а в голове как пластинка крутилось одно – как я мог не найти ее тогда, как я мог? Ведь я прошел мимо своей любви, своего счастья. Глупая обида – ведь мог бы понять, что Зойка сбежала не от меня, а от своего прошлого, от ужаса дворницкой, от косых взглядов жильцов огромного дома.

Ведь наверняка она ждала, что я найду ее. Какой же я дурак, что я наделал.

Хотя не все еще потеряно. Надо найти Зойку, рассказать ей о своей любви, объяснить, что я помню и хочу быть с нею.

А что, если она замужем, может и детки есть? Нет, это не важно, надо найти, обязательно найти.

Где ты сейчас Зойка, Зоя, Зоинька?

Верные друзья

Узнав, что я еду в командировку в N-ск, сослуживец попросил меня отвести посылку для своего знакомого в близлежащий с N-ском поселок. Сослуживец предупредил, что в посылке дробь и порох для местного охотника. До поселка я пылил на местном автобусе около часа. Дорога, а вернее направление, была полностью разбита, водитель мастерски объезжал все ямы и промоины, видимо хорошо ему знакомые.

Поселок стоял на высоком берегу естественного водохранилища, образованного слиянием двух рек. Автобус остановился на центральной площади в низине, и идти по адресу пришлось немного в горку. Я маленько запыхался - хорошо, что догадался взять для посылки рюкзак, а то бы намучался с тяжеленной поклажей. Выйдя на нужную улицу, я спросил у прохожего, где живет Николай Михайлович? Мне ответили, что надо пройти по проулку, а дальше: «Как увидишь Степанову сосну, иди до нее и найдешь Михалыча».

Действительно, пройдя проулок, я сразу увидел метрах в двухстах огромную, ветвистую сосну. И через несколько минут был у заветной цели.

Большой пятистенный дом под железной крышей стоял, окруженный высоким забором. Постучав в калитку, я крикнул: «Хозяева есть?», – и сразу ко мне из дома вышел невысокий, крепкий еще дед лет семидесяти пяти. Узнав, что я от его знакомого, дед заулыбался, и настороженность в его голубых глазах пропала. Пригласив меня в дом, Михалыч взял у меня рюкзак и быстро пошел к крыльцу, легко неся его одной рукой. Войдя в дом, я сказал, что мне надо уезжать – завтра у меня днем поезд. На что Николай Михайлович упросил меня погостить у него денек, а утром я успею на первый автобус до N-ска.

– Сейчас быстро сварганим ужин, Степка как раз свежей рыбки принес, – произнес Михалыч и достал с подпола большого судака килограмма на три. Посадив меня у большого кухонного стола, дед стал быстро разделывать судака. Я увидел, что спинка рыбы была в глубоких и острых порезах, и спросил Михалыча: «Что Степка крючьями ловит?». Дед улыбнулся в усы и произнес: «Щас, поставлю рыбку, покажу тебе кормильца». За несколько минут, разделав судака, Михалыч поставил запекать его в русскую печь, и мы вышли во

двор.

Пройдя шагов сорок, я увидел длинную жердь, вбитую между двумя деревьями, на которой сидели одноухий кот и крупный орел.

– Вот знакомься, мои дружки» – и Михалыч кивнул на сидящих на жерди метрах в трех от земли дружков. Кот и орел не отреагировали на меня, смотря в одну сторону куда-то за горизонт.

– Ладно, пойдем, покажу тебе усадьбу, пусть посидят спокойно на закате, побеседуют, – произнес Михалыч, и мы пошли к дальнему краю усадьбы. Увиденное удивило меня, но я не подал вида. Дед подвел меня к высоченной сосне, говоря: «Вот Степкин дом», указывая рукой на гнездо вверху сосны.

Через несколько метров мы вышли с задней калитки, и передо мной открылась необыкновенной красоты панорама – в километре от нас две реки сливались в одну, образуя огромное пространство, сияющей на закатном солнце воды. Справа, на высоком берегу виднелся сосновый бор, местами куртинами сосен спускающихся почти до самого берега. Вся гладь водохранилища переливалась, каждый миг меняя цвет. Увидев мое восхищение, Михалыч произнес: «Пятьдесят лет живу на этом месте и все никак не могу привыкнуть к этой красоте». Подходя к дому, я увидел все ту же картину – кот и орел, сидя метрах в полутора друг от друга, все так же задумчиво смотрели в одну точку.

Через полчаса Михалыч пригласил меня к столу – спинка судака в чугунке дымилась, вареная картошечка под укропчиком издавала немыслимый аромат, плошка с малюсенькими рыжиками недвусмысленно давала понять, что пора ужинать. Я достал припасенную с Москвы Посольскую, Михалыч явно был не против, и мы отлично отужинали.

За чаркой Николай Михайлович рассказал историю своего кормильца. Года два назад он нашел совсем слабенького

молодого орла недалеко от берега. Орел так ослаб, что даже не сопротивлялся, пока Михалыч нес его домой.

– Понимаешь, палят дураки куда не попади, чуть не загубили такого красавца. Я вытащил у него из бока три дробины, хорошо, что попали пятеркой, а то бы не выжил. Степка долго болел, да пчелки помогли. Я мед мешал с заветными травками и обмазывал орлика. Да и Васька тогда принял Степку как родного, даже позволял есть рыбу из своей миски, таскал ему мышей и крыс, да Степан не ел их. Вот рыбку, особенно свежую, Степка очень уважает.

Слушая Михалыча, я заметил, как на стул напротив меня сел кот и стал внимательно осматривать меня, следя за каждым куском, который я отправлял в рот.

– Васька, прекрати, не смущай гостя – пожурил Михалыч кота.

–Ты не подумай, Васька не жадный, просто он очень хозяйственный»,– и Михалыч продолжил свой рассказ.

Через месяц Степка встал на крыло, быстро соорудил себе гнездо на сосне и стал заядлым рыболовом. Сначала себе носил, потом, смотрю, стал и нам с Васькой подкидывать. Мне он крупную носит, а Ваське мелочь скидывает за сарай. И так шельмец ловко кидает рыбку на мое крыльцо, ни разу не промахнулся. Я тут приспособил деревянное корытце у крыльца, так он понял и теперь аккуратно в корыто бросает. В сезон по много носит – девать некуда. Я раздаю соседям и вялю на продажу. Васька тоже помогает, как увидит, что Степка принес рыбу, а я все не выхожу, сразу садится рядом с корытом и сторожит, чтобы соседские коты не растащили.

Весной Степка нашел себе пару, поселились у нас на сосне, вывели птенцов, поставили на крыло. Рыбки, конечно, Степан поменьше стал приносить тогда, да мы с Васькой не в обиде. Понимаем – как-никак семья. А осенью улетел наш Степушка с семьей в заморские края. Сильно мы тогда с Васькой скучали по нему. Весной прилетел один, уж что там у

него случилось с его разлюбезной не знаю. Уж как мы с Васей обрадовались его возвращению, тебе и не передать. Степка с тех пор один живет – без пары и не улетал больше. Видимо несладко-то жить на чужбине, а может и скучал по нас с Васькой.

С тех пор они с Васей не разлей вода. Каждый вечер сидят на жердочке, обсуждают жизнь, а может и меня старого. Друг за друга они горой. Тут как-то слышу, на улице кричат ребятишки. Я вышел и вижу – по тропинке к калитке ползет весь в крови мой Васька, а над ним кружит Степка. Ребятишки подбежали и рассказали, что Ваську подловили на улице два пришлых пса и давай его катать. Васька дрался отчаянно, да против двух не устоял. Псы его б растерзали, да вдруг откуда-то сверху камнем упал на морду одного пса Степан – пес завизжал и с воем убежал прочь. А Степан через мгновение уже сидел на спине другого пса, глубоко вонзив когти. Ребятишки говорили, что пес с воем понесся по улице, а Степка метров 50 ехал на нем верхом. Потом Васька недели две болел, если бы не пчелки не выжил. Вот и уха лишился. Степка переживал за дружка – как Васька проковыляет к подоконнику, ляжет погреться на солнышке, так смотрю, и Степка маячит где-то рядом около дома – наблюдает.

На зиму я построил Степке вольер в сарае с отдельным входом на крышу, так что Степану зимой тепло и уютно. Зимой покупал у знакомых рыбаков ему рыбку. Через месяц смотрю, Степка опять начал носить рыбу. Я никак не мог понять, как он ее добывает, ведь лед то крепкий. Но все прояснилось, когда рыбачки стали жаловаться на Степку – озорует, ворует рыбу у зазевавшихся рыбаков около лунок. Те поймают, бросят рядом, а он подлетит незаметно, хвать и улетел. Я серьезно говорил с ним не раз, стыдил, но он опять приносил.

Слушая рассказ Михалыча, я ничуть не удивлял фантасмагории событий, настолько все в этом доме было спокойно, дружелюбно и по-русски добрым.

– Старуха моя умерла лет пять назад, детки давно разъехались, зовут меня к себе жить, да я прикипел к здешним местам, не могу я жить в городе. Нашли мне в соседнем селе женщину, не старая еще. Стали жить - хозяйственная, аккуратная такая. Месяца три прожили. Да вот незадача, не сошлись они с Васькой характерами – уж больно он независимый, говорит, и строит из себя хозяина. Да и Степкиной рыбкой брезговала, мол, вся в порезах, может и заразная.

Сели мы тогда с Васькой и Степаном, покумекали и решили жить без хозяйки. Так и живем теперь бобылями. Ну, ничего, дай Бог не пропадем.

Ваське то что, он известный ходок, хоть и одноухий – считай половина котят в селе от него. А в этот год что учудил? Привел как-то молоденькую кошечку в дом, я, было, хотел прогнать, да Васька ни в какую не дал – моя мол и все. Хорошая такая, игривая кошечка, ласковая. Котят принесла красивых – сразу всех раздал. Да вот случилась ситуация, загуляла его кошечка с соседским котом. Васька очень обиделся и прогнал ее со двора.

– Хорошо, что привез мне гостинец, – закончил рассказ Михалыч.

– Года на два теперь мне хватит. Люблю я с ружьишком побродить по заветным местам. Раньше-то я уж очень любил с гончей зайца гонять. Да теперь тяжело мне бегать, вот и перешел на дичь. А места у нас отменные, тетеревиные тока такие, что из области приезжают.

Утром меня провожали на первый автобус. Впереди важно шел, показывая дорогу Васька, за ним Михалыч и я с огромным рюкзаком вяленой рыбы. Высоко вверху кружил Степан. У околицы мы распрощались, метров через пятнадцать я обернулся и Михалыч крикнул мне, чтобы я приезжал весной на тетеревов. Степан продублировал приглашение клекотом откуда-то сверху. Васька ничего не сказал, но по нему было видно, что и он не против.

Той весной я замотался и так и не приехал к Михалычу на тетеревиные тока. А вскоре я переехал далеко на восток, и как дальше сложилась судьба Михалыча и его верных друзей не знаю.

Наша экспедиция уже второй месяц безвылазно сидела в Прикаспийских степях, изучая миграционные пути сайгаков. Период адаптации, когда мы неделю сидели в позе орлов, давно прошел. Желудки наши привыкли к свежему сайгайчему мясу, хлеб мы выпекали сами, за овощами раз в неделю ездили на своем газоне в соседний поселок.

Как обычно, первый месяц прошел достаточно быстро. Для большинства сотрудников экспедиция в эти края была в диковинку. Охота и рыбалка были прекрасными. После душной и загазованной Москвы народ отъелся и посвежел.

Азарт погонь на газике за табунами сайгаков начал притупляться, вечерами травили байки об охотничьих подвигах ,вспоминали фактические или надуманные любовные истории. Всем было о чем поведать. Молчал только Аркадий, 25-летний мнс. У Аркадия, единственного из нас была своя квартира – однокомнатная хрущеба, доставшаяся ему от бабушки. Ребята из отдела иногда просили у него ключи на полденька для встреч, но Аркадий никогда не давал. Народ подшучивал над ним – живешь, как монах, и сам не пользуешься, и нам не даешь.

Однажды к нашей стоянке вышло небольшое племя огнепоклонников. Пара верблюдов везла на арбах войлочные юрты, несколько мулов с повозками и три верховых лошади составляли все имущество огнепоклонников.

Остановившееся в сотне метров от нас племя было хорошо организовано – никто не кинулся к нам попрошайничать или воровать. Подошел старейшина, к нему вышел начальник экспедиции. Старейшина попросил у нас немного продуктов и антибиотики – у племени был трудный переход, есть несколько заболевших детей. Глядя на изможденных и оборванных людей, было удивительно, что в нашей стране есть еще совсем дикие люди, живущие своей, непонятной нам кочевой жизнью.

Начальник приказал отдать племени полмешка муки и тушу сайгака, антибиотики и одну аптечку. Мы с Аркадием отнесли продукты на стоянку племени и положили в повозку. Огнепоклонники сидели на земле, некоторые спали, как придется. Была видна строгая организация – мужчины держались отдельно от женщин с детьми. Никто не бегал и не кричал, все занимались своим делом.

Начальник экспедиции пригласил мужчин племени выпить чая. Пришли старейшина и несколько взрослых мужчин. По-русски говорил только старейшина, и то с каким-то гортанным акцентом. Начальник предложил отвезти больных в больницу ближайшего поселка, но старейшина отказался, сказав, что теперь они сами вылечат заболевших.

Ребята с интересом наблюдали за кочевниками, видя изможденные, черные, пыльные лица плохо одетых людей. Но, при этом спокойствие, независимость и чувство собственного достоинства так и сквозили в их облике.

Через несколько часов, собравшись за час, племя ушло.

Верблюды ревели, арбы страшно скрипели. Шум и пыль столбом сопровождали уходящих огнепоклонников. Внезапно верхом подъехал старейшина с тюком, привязанным к лошади. К старейшине подошел Аркадий и минут пять они о чем-то беседовали. Затем, передав Аркадию тюк, старейшина быстро ускакал.

Мы подошли ближе и увидели Аркадия, держащего за руку невысокую худую девушку. Девушка прикрывалась накидкой, длинное подобие платья не покрывало голые, грязные маленькие ноги.

Начальник потребовал у Аркадия объяснений. Аркадий сказал, что за сломанное ружье и десять пачек чая купил у племени девушку. Ребята остолбенели, начальник ругал Аркадия. Выяснилось, что у девушки нет документов, только какая-то полурваная бумага с каракулями. Делать нечего и начальник решил, что пусть девушка поживет пару месяцев в экспедиции до нашего отъезда.

Полуденная жара обволакивала, ребята пошли в плавни, так как только там и можно было отсидеться до вечера. Аркадий, взяв полотенце и мыло, пошел с девушкой к воде. Потом ребята рассказывали, как Аркадий отмывал девушку. Смеялись – раздел догола и часа два мыл. Ребята удивлялись, что девушка не сопротивлялась, когда ее раздевали, и совершенно спокойно стояла, пока Аркадий мыл ее.

Вечером, как обычно, поехали на газике в степь. Аркадий не поехал – он устанавливал свою палатку метрах в двадцати от лагеря. Приехали поздно вечером, поужинали. Увидев отдельно стоящую палатку Аркадия, посмеялись.

Утром у Аркадия был тяжелый разговор с начальником. Слышалось: «Подсудное дело, девушка без паспорта и к тому же несовершеннолетняя». Аркадий что-то бубнил , оправдываясь, но вышел победителем – начальник разрешил девушке находиться под опекой Аркадия.

Ребята тоже потребовали объяснений, больше от любопытства, интересуясь, как Аркадию удалось высмотреть девушку и договориться со старейшиной племени. Аркадий рассказал, что старейшина сам предложил ему купить девушку. Он считает, что племя просто избавилось от лишнего рта в трудную минуту.

Теперь Зульфия, как звали девушку, стала полноценным членом экспедиции. Ее обязанностями были, помощь при приготовлении пищи, мытье казанов и мелкой посуды, стирка одежды.

На второй день Аркадий, упросив начальника, съездил в соседний поселок и купил Зульфие белье, платье и чешки. В том рванье, в котором ее продали, невозможно было находиться рядом с нами. Увидев Зульфию в платье, все удивились, как изменилась девушка. На нас смотрела черноокая, миловидная девушка восточной внешности. Девушка была чрезвычайно худа, острые ключицы выпирали из платья. Держалась Зульфия спокойно, внимательно разглядывая нас.

На третью ночь из палатки Аркадия послышались стоны и вскрики Зульфии, и мы полночи не спали. Утром Аркадию посоветовали немного отодвинуть палатку.

Прошло три недели. Зульфия отъелась, округлела, женские прелести проявлялись более явно. Выяснилось, что девушка отлично готовила, и вскоре все приготовление пищи было на ней. Вареная сайгачатина и суп нам приелись, но Зульфия сумела разнообразить нашу еду. В суп клала добавки, вызывающие аппетит, хлеб пекла очень вкусный, по одному ей известному рецепту. За овощами и фруктами ездила сама, привозя за те же деньги раза в два больше.

Держалась с нами Зульфия спокойно, без подобострастия. По-русски девушка понимала, но говорила медленно, с трудом подбирая слова.

Аркадий расцвел – угрюмость пропала, стал весел и даже рассказывал нам совершенно невероятные приключения из своей прошлой жизни.

А вскоре случилось происшествие, в корне изменившее наше отношение к девушке. Упросив начальника, в воскресенье поехали в соседний рабочий поселок. Посмотрели фильм, выпили пива и решили ненадолго сходить на танцы. Прямо в степи, отдельно от зданий стояла открытая, плохо освещаемая танцплощадка с деревянным полом. Народу было предостаточно, правда, танцевало мало пар. На танцплощадке преобладала доармейская молодежь, девушек было мало.

Обиднее всего, что мы не успели даже разглядеть девушек, как к нам подошли местные ребята, и через пару минут началась драка, вернее избиение, так как нападавших местных было раз в пять больше. Ребята в экспедиции были бывалые, выстроившись стенкой, мы минут пять стойко отбивались. Но, когда к местным подбежали несколько взрослых парней, нам стало туго. А тут еще самый крупный из нас, Аркадий, решил сам помахаться и отошел от нашей стенки на несколько метров. Аркадия окружили, сбили с ног и стали избивать.

Дело для нас кончилось бы плачевно, в лучшем случае больницей, как вдруг мы услышали резкий гортанный крик, и в центр драки ворвалась Зульфия. Достав из копны волос стальную заколку, более похожую на небольшой стилет, девушка начала быстро наносить им удары направо и налево, целясь в причинное место и шею. Пару раз ее сбивали с ног, но она как кошка мгновенно вскакивала и опять бросалась в схватку.

Через несколько минут послышались крики: «Сука, ведьма, ведьма», и драка прекратилась. Зрелище было как на картинке – яркая луна освещала танцплощадку, в центре которой, закрывая собой Аркадия, стояла маленькая Зульфия. Рядом с ней теснились и наши ребята. По большому кругу, окружая нас, стояла возбужденная толпа местных. Недалеко от Зульфии на полу лежали двое местных парней, прижимая руки к низу живота.

Шум драки стих, все смотрели на Зульфию. Белье и платье было разорвано в клочья и висело лоскутами, через которые явно проглядывало тело девушки. Из носа Зульфии текла кровь, губа была разбита, но глаза сверкали, и не видно было даже тени страха или сомнения в ее лице.

Пока местные не опомнились, мы стали пробираться к выходу – нам никто не мешал. Внезапно послышались голоса: «Не дайте им уйти», и несколько парней преградили нам дорогу. Зульфия, спрятав заколку, остановила нас, одна вышла к парням и громко произнесла несколько слов по-тюркски. Местные расступились, и мы беспрепятственно вышли с танцплощадки.

Газик стоял неподалеку и мы быстро уехали. Яркая лунная ночь освещала дорогу, и мы мчались по степи. Ребята сели на пол, только Зульфия стояла, жадно глотая свежий воздух. Аркадий сидел, обнимая ее ноги и прижимаясь головой к животу. Приехав в лагерь, мы не стали обсуждать воскресный день и вскоре уснули сном праведников.

Утром проснулись от ароматного запаха завтрака. Каша была сварена, Зульфия успела даже испечь сладкие лепешки. Поели и, собравшись за пару часов, быстро уехали из лагеря. Проехав сотню километров, нашли удобную стоянку для лагеря недалеко от реки. Зульфия сразу стала лечить нас, давая кому примочки и мазь, кто-то пил горький отвар, повязки на раны накладывала сама. Никто не отказывался, пили даже горький отвар – авторитет Зульфии был теперь непререкаем.

Удивительно, но, то ли молодость, то ли искусство врачевания Зульфии, однако через несколько дней все были здоровы, включая Аркадия. Поехали в ближайший населенный пункт, и ребята вскладчину купили Зульфие платье, теплый халат и босоножки.

Аркадий теперь каждый день занимался с Зульфией русским языком, купив ей букварь. Девушка делала поразительные успехи, сумев за полтора месяца освоить грамоту, и уже могла понемногу писать слова и считать. Награжденная

от природы пытливым умом, Зульфия осваивала все налету, с интересом постигая чужую культуру и отношения в обществе – ей все было интересно.

Однажды вечером Аркадий с начальником позвали всех и торжественно вручили Зульфие свидетельство о рождении, полученное в поселковом райцентре за три литра спирта. Аркадий вручил девушке свидетельство – ребята зааплодировали. Зульфия, прижав бумагу к груди, убежала в палатку.

А ночью из палатки Аркадия раздались такие стоны и крики, что не спали не только мы, но и шакалы за дальними барханами. Их грустные, мяукающие песни вторили любовным стонам Зульфии.

Время шло, осталась неделя до окончания экспедиции. Мы стали обсуждать с ребятами дальнейшую жизнь Зульфии. Какая судьба ждала девушку? Сидеть за одной партой с первоклашками? Жить без родных и родственников с чужими людьми?

Поговорили с начальником, но тот лишь развел руками, сказав, что единственное, что он может сделать, это отвезти ее в районный центр и устроить в интернат или школу.

За день до отъезда Аркадий снова удивил всех, сказав, что берет Зульфию с собой в Москву и попробует прописать ее в своей квартире. У нас отлегло от сердца, даже начальник не стал возражать.

Прошло несколько лет. Аркашина семья сначала встретила Зульфию в штыки, но со временем, видя ее заботу и хозяйственность, успокоилась. Аркадий рассказывал, что Зульфия быстро освоилась в новой для себя обстановке. Квартиру вычистила до блеска и рачительно ведет хозяйство. Обедал теперь Аркадий не в академической столовке – Зульфия готовила ему первое и второе блюдо, и каждый день он носил еду в судках.

Постепенно мы стали замечать, что Аркаша приоделся, но откуда у бедного мнс-а средства мы не понимали. По

секрету Аркаша рассказал мне, что у Зульфии открылся настоящий талант врача-целителя. Сначала она лечила жителей дома, затем и всего микрорайона. Лечит в основном болезни желудка и желчекаменной, экзему, псориаз. Берет по-божески. Естественно, было несколько доносов от сограждан, после чего приходил разбираться участковый. Но, после того, как Зульфия вылечила от экземы дочь начальника отделения милиции, проверки и преследования прекратились. В настоящее время клиентура стала меняться – появились обеспеченные больные, иногда за ней приезжают клиенты на черных начальственных «Волгах».

Прошло некоторое время. Аркаша пополнел, выглядел респектабельно. Правда, в нашем отделе дамы говорили, что он невесел, и намекали на сложности в его семейной жизни. Несколько раз Аркадий приходил на работу с плохо замазанными синяками и расцарапанным лицом. Дамы злорадствовали: «Ну вот, нашел свое степное счастье, теперь не расхлебается».

А вскоре Аркадий перешел в отдел, не связанный с длительными командировками и летними экспедициями. Как-то, придя ко мне домой за книгами по лечебным травам, он посетовал, что надо постоянно помогать Зульфие дома и ездить в экспедиции нет никакой возможности. Мы крепко приняли с ним тем вечером у меня на кухне, вспоминая о наших подвигах в экспедициях.

– А помнишь, как ночью мы гонялись за табунами сайгаков, и ты на полном ходу выпал из газика? У тебя ни царапины, а приклад тулки вдребезги – начал я.

Аркаша не отвечал. Блаженно улыбаясь, он смотрел куда-то поверх меня. Мысли его были далеко от Москвы – в далеких степях Прикаспия.

Наступила перестройка, и Аркадий уволился. Зайдя ко мне в отдел проститься, рассказал, что живут они с Зудьфией в большой четырехкомнатной квартире на Крылатских хол-

мах. У Зульфии своя фирма и получена легальная лицензия. «Ты не представляешь, какие у нее связи наверху, и кто у нас лечится» – и он поднял глаза наверх.

Сейчас освободилось место администратора, и Зульфия берет его на работу. Хотя работать у нее трудно - уж очень она жесткая с персоналом.

Я спросил: «А как живете с Зульфией, деток планируете»? Аркадий ответил: «Я несколько раз ее спрашивал, но Зульфия сказала, что сначала надо поставить на ноги фирму, а потом посмотрим. А вообще-то мы давно с ней не…» – и он задумался. Поняв, что я сморозил что-то не то, я хотел продолжить разговор, но Аркадий попрощался и быстро ушел.

Года через два я увидел Зульфию и Аркадия выходящих из валютного гастронома на Большой Грузинской. Впереди легким непринужденным шагом шла Зульфия. Прекрасный, сшитый на заказ голубой костюм красиво облегал ее точеную фигуру. Сзади, шагах в пяти, шел нагруженный сумками Аркадий. Из бежевого мерседеса выбежал шофер и услужливо открыл дверцу перед Зульфией, а затем помог Аркадию уложить продукты в багажник.

Я был совсем недалеко от них и хотел подойти поздороваться, но постеснялся побеспокоить Зульфию Махмудовну.

Ангел мой

Уже полтора года, как Наталья Петровна переехала на новую квартиру, а сил навести хотя бы элементарный уют, все не было.

Вроде бы все в квартире было по человечески – сделан косметический ремонт, новый гарнитур, ковры повешены, кухня с современной техникой, а от захламленности все никак не избавиться. Из старой квартиры она постаралась не брать ни мебели, ни старинной рухляди. Уж как ей хотелось взять венские стулья начала века или хотя бы ножную швей-

ную машинку Зингер. А все же не взяла, хотя до сих пор жалеет об этом. Единственное, в чем она не могла себе отказать, был архив семьи. Документы, фотографии предков и родителей, фото с отдыха и письма. Часть архива было в приличном виде в виде отдельных папок или стопок, но большая часть состояла из кучек фотографий, писем неизвестного содержания, счетов за свет, справок с работы и Жэка, перевязанных в лучшем случае веревочками или лежащих вперемежку в коробках из-под обуви.

Аккуратно и, главное, точно по родственникам и времени расположить все это в виде архива без глобальной разборки не представлялось никакой возможности. Несколько раз Наталья Петровна начинала разборку всей этой горы коробок и свертков, но каждый раз просматривая очередные документы или фото своих родных, не смогла сдержать слез – воспоминания мгновенно заполняли ее душу. Сердце жгли потеря родителей, смерть любимого мужа, и она быстро заканчивала разборку.

Подруги Натальи Петровны давно просились на новоселье, да и троюродную сестру надо было пригласить. И вот она решила взять себя в руки и за несколько дней разобрать архив семьи, выкинув по необходимости все малонужное. Составила план сортировок, купила удобные коробки и на несколько дней погрузилась в работу.

Как она и думала, процентов сорок архива состоял из непонятных писем, фотографий неизвестных людей и каких-то совершенно ненужных записей, счетов, листков о тратах. Прошло около двух часов изнурительной борьбы Натальи Петровны с собой. Ведь приходилось просматривать сотни документов и фотографий, на большинстве которых были родные лица и почерки. Даже совсем вроде бы ненужные документы, письма и фотографии отбирались на ликвидацию с большим трудом. Но, постепенно она приноровилась отсеивать ненужное и дело пошло.

Просматривая очередную стопку бумаг, Наталья Петровна заметила в середине свертка кусок бурой оберточной бумаги. Вытянув оберточную бумагу, она машинально бросила ее в мусорную корзинку и перешла к бумагам начала свертка. Отложив несколько хороших фотографий довоенной поры, она хотела выкинуть в корзинку очередной счет из Жэка, но бумажка от ветхости развалилась на части, и ей пришлось нагнуться, чтобы положить их в корзинку. На ранее выкинутой оберточной бумаге, она увидела какую-то надпись красным карандашом. Подняв оберточную бумагу, Наталья Петровна попыталась прочитать написанное. Большие корявые буквы, полудетский почерк, почти полустертая записка. Явно читалось только первая, самая крупная строчка: «Ангел мой». Принеся лупу, Наталья Петровна смогла дочитать окончание записки.

– Я купила тебе двести пятьдесят отдельной и французскую булку. Хотела взять молочной, как ты любишь, но как назло ее не завезли. Васенька сердце мое, как ты там? Не холодно ли ночью и возят ли вас на обед? Целую, жду с нетерпением.

Только прочитав весь текст, Наталья Петровна поняла, что записку написала Лида, пассия ее двоюродного брата Васи. Вася с матерью жил в общей с ней квартире. Отец Васи погиб в сорок третьем году и с тех пор жизнь потеряла для матери Васи значение. Вернее не сама жизнь, а та настоящая, счастливая или не очень в своих мелких проявлениях, полная событиями жизнь. Тетя работала начальником лаборатории на секретном заводе и домой приходила только поздно вечером. Естественно, на воспитание Васеньки у тети не хватало ни времени, ни желания. Наталья Петровна с мужем старались хоть как-то повлиять на Васю, которому в его переходном возрасте позволялось буквально все. Вася мог под совершенно надуманными предлогами гулять до ночи, деньги ему давались почти безотчетно.

Естественно, друзья у него тоже были свободного поведения. И за несколько лет Васеньку упустили. Он так и не закончил девятый класс, стал выпивать, бездельничал, не работал, да и не хотел. В общем, обычная история послевоенной безотцовщины.

Хорошие девушки и женщины не хотели с ним знакомиться. Даже женщины старше его, после нескольких загулов Васи прекращали с ним все отношения. Вася работал разнорабочим на фабрике «Красная Роза» в три смены. Были прогулы из-за очередных запоев, но его держали – другие работали так же. Денег с получки хватало только на долги за прошлые запои. Кормила его мать и по необходимости жизни в одной квартире и Наталья Петровна.

Трезвый Васенька был веселым, ласковым парнем. Артист по натуре и прекрасный рассказчик, он постоянно собирал во дворах компании друзей и молодежи. Его любили и по-своему ценили в их шпанистом районе. В драках он почти не участвовал, в воровстве и грабежах замечен не был. Соседи и одноклассники давно сидели, приходили сильно постаревшие и опять скоро садились, а Вася все оставался такой же – шутник и балагур.

И хотя Вася не входил ни в одну из местных групп, многие из уголовной среды дружили с ним. Васенька иногда приглашал их в квартиру, гуляли они тихо, с домочадцами были предельно вежливыми, но Наталья Петровна всегда холодела, встречая в коридоре или на кухне известного в районе вора Кота, или соседа по дому Байкова, имевшего срок за разбой.

Читая странное Лидино послание, Наталья Петровна ничуть не удивилась ни стилю, ни содержанию записки. Она поняла, что записка была доставлена Васеньке с передачей в 43-е отделение, где Вася сидел на сутках. Наталья Петровна даже вспомнила те семь суток и обстоятельства посадки двоюродного брата. Васенька был в начале запоя и поскольку муж Натальи Петровны был в командировке, чувствовал

себя королем. Вася шумел, разбил чайную чашку и, наконец, стал выгонять Лиду из квартиры. Лида не уходила, умоляла Васеньку не бросать ее, но он только сильнее распалялся и в итоге в кровь разбил Лиде нос. На шум и плач Лиды вышли соседи по лестничной клетке, пришлось вызвать милицию и Васе дали семь суток.

Но женское сердце не камень и вот в руках Наталии Петровны почти шекспировское Лидино послание.

Васенька, Васенька – ангел мой. Ведь был он когда-то, ее неудачный брат.

А теперь она одна, и в лучшем случае ее ждут телефонные звонки подруг и троюродной сестры несколько раз в месяц.

Васенька и Лида давно и как-то незаметно ушли из жизни, потом скончался любимый муж. Их родовая квартира совсем опустела, да и старинный дом под напором новостроек как-то осел, сморщился и стал рассыпаться.

Новая квартира была удобна, недалеко находился прекрасный тихий парк, но сердце Наталье Петровны ныло, и душа постоянно стремилась к милым подворотням их района, двухсотлетнему дубу в их старом дворе, где прошло ее детство, юность, да и почти вся жизнь.

А ведь как они с мужем мечтали в свое время отселиться от Васеньки, разменяться. Какие были скандалы из-за Васи с его матерью и вообще…

А сейчас, она бы многое отдала, чтобы услышать его голос, его вечное: «Лиса, презентуй мне трешку до получки». Почему Вася с детства прозвал ее Лисой, никто не помнил, но иногда даже муж ненароком звал ее Лиса.

Эх, Васенька, милый, веселый, совершенно неприспособленный к жизни. Наталья Петровна стала вспоминать.

Было теплое летнее утро. Наталья Петровна уже почти собралась на работу, как вдруг почувствовала сильную слабость и стала задыхаться. Присела на минутку, приняла валокордин. Вскоре пришлось прилечь, появилась боязнь. Она знала такое свое состояние начала стенокардического криза.

Обычно все достаточно быстро заканчивалось, дыхание восстанавливалось, но не в этот раз. Пришлось позвать Васеньку – они с Лидой завтракали после ночной смены.

Вася быстро прибежал, как обычно начал балагурить, поднимая настроение. Но быстро замолчал, увидев состояние сестры. Как Наталья Петровна не храбрилась, пришлось попросить Васю сходить в поликлинику за неотложкой и привезти врача.

Дальше все было как тумане – провалы в памяти и единственное, что она помнила – это Лиду, стоящую на коленях у дивана и целующую ее руки.

Потом голос Васеньки и мужчина в белом халате. Из неотложки пришел маленького роста полный врач в больших очках с огромными линзами. Врач о чем-то спрашивал, мерил давление, ставил уколы – Наталья Петровна почти не понимала происходящее.

И вдруг ей стало хорошо – она плывет или медленно летит по длинному узкому туннелю, в конце которого горит яркий свет. Вот свет все ближе и ближе, ей хочется увидеть поскорее, что там в конце. И щелк – нет туннеля, а она летит высоко в небе. Наталья Петровна смотрит вниз и радуется – видит свой дом. Летит пониже, стены раздвигаются, и она уже в своей квартире, вот ее комната. Внизу копошатся какие-то люди, что они делают в ее комнате?

Наталья Петровна спускается ниже и видит себя распростертой на диване. Над ней наклоняется маленький, толстенький врач. Вот врач оборачивается и зовет кого-то, и она видит Васеньку. Но почему Васенька рыдает?

Наталье Петровне хочется узнать, что там у них происходит, и она снижается еще ниже. Щелчок и она чувствует удары по щекам. Врач совсем низко склоняется над ней, под толстыми линзами глаза становятся огромными и страшны-

ми. Врач спрашивает, но Наталья Петровна, как ни вслушивается, ничего не слышит. Она пытается рассказать врачу об увиденном при полете, но слышит только свой писк, сил совсем нет.

Врач опять спрашивает, и она понемногу начинает слышать.

– Говорите, пожалуйста, погромче – просит она.

– А я не соловей и не пою, – сурово отвечает врач. И в этот миг отраженные в линзах его глаза становятся похожими на птичьи.

Наталье Петровне вдруг становится смешно и она чувствует, что ей задышалось.

Проходит еще минут двадцать, врач посылает Васеньку в аптеку за ампулами. Потом опять уколы, ей хочется спать. Врач прощается и говорит о плохих сосудах Натальи Петровны, опасности повторного криза и советует вызвать завтра врача из поликлиники.

Звонок соседки прервал воспоминания. Надо было опять заниматься с архивом, но продолжить разборку Наталья Петровна не смогла. Единственное, что она сделала, это вставила оберточную бумагу с Лидиной запиской в рамку под стекло.

Прошло время. Архив Наталья Петровна разобрала. Сильно помогла ей в этом троюродная сестра, отдав под архив старинное бюро.

Новоселье прошло удачно, вернее несколько новоселий. Неожиданно в Москву переехали старинные знакомые ее семьи и теперь стали частыми и желанными гостями в ее доме.

Удивительно, но, кто бы, не приходил в ее дом, все обращали внимание на странную грубую оберточную бумагу, вставленную в красивую старинную рамку. Долго всматривались в текст и особенно удивлялись словам вверху рамки: «Ангел Мой».

Наталью Петровну просили объяснить, но она только улыбалась, говоря: «Это мой Ангел».

Содержание

Рука .....
Письмо невесты .....
Гимн .....
Школьный друг .....
Проводы вождя .....
Шпион .....
Наваждение .....
ЧК .....
Петька .....
Сашенька .....
Борис .....
Поздний ребенок .....
Малые колымские рассказы .....
Вася .....
Оперная ария .....
Прошка .....
Сила сближения .....
Третья часть Марлезонского балета .....
Флоринда .....
Палата № 5 .....
Орел Пржевальского .....
Первое поле .....
Домик Ленина .....
Благая весть .....
Сволочь .....
Дуб и Умник .....
Письмо к любимой .....
Анна .....
Московская сказка .....
Stupido .....
Хулио .....
Зойка .....
Верные друзья .....
Зульфия .....
Ангел мой .....